

Ш. ЮСУПОВ

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
КАБАДИАНСКОГО
БЕКСТВА

В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

Ш. ЮСУПОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КАБАДИАНСКОГО БЕКСТВА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Ответственный редактор, академик
АН Таджикской ССР

Б.И.Искандаров

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНИШ"
Д у ш а н б е - 1 9 8 6

Монография посвящена исследованию социально-экономических, политических и культурных отношений в Кабадианском бекстве Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX в. До настоящего времени по истории Кабадианского бекства этого периода специальных исследований не проводилось. Автор на основе архивных материалов, исторической литературы и устных сообщений освещает историю Кабадианского бекства накануне установления Советской власти.

Кратко излагаются сведения по истории края до его присоединения к Бухарскому эмирату, дается описание географического положения и населения бекства. Подробно характеризуется административный строй и система управления. Освещается социально-экономическое положение Кабадианского бекства, а также различные отрасли сельского хозяйства, аграрные отношения, состояние ремесла, торговли, налоговая система, тяжелое положение широких слоев трудящихся масс края. Большое внимание уделяется специфическим условиям проникновения капиталистических отношений в Кабадианское бекство.

Книга рассчитана на специалистов-историков, учителей истории и обществоведения, краеведов и на широкий круг читателей, интересующихся историей дореволюционного Таджикистана.

Рецензенты: докт. ист. наук Н. М. А к р а м о в,
канд. ист. наук А. А. Е г а н и.

0505040000 - 028

Ю М 502 - 86

-86 © Издательство "Дониш", 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

История одной из отдаленных областей Бухарского ханства-Кабадианского бекства вплоть до установления Советской власти в крае оставалась малоизученной. Небольшое, слабо развитое в экономическом и культурном отношении бекство не было тесно связано с центральной частью Бухарского ханства. Письменных источников, которые позволяли бы проследить его историческое развитие на протяжении прошлого столетия и в начале нашего века, почти не сохранилось. Отдельные отрывочные сведения, собранные учеными, а также скупые отчеты русских гражданских и военных чиновников для отдельных царских ведомств дают возможность восстановить некоторые общие черты истории края во второй половине XIX и начале XX в.

Уже при первом знакомстве с русской дореволюционной литературой о Кабадианском бекстве можно обнаружить, что интерес к изучению этого бекства усилился после присоединения Средней Азии к России, особенно в конце XIX в., в период перехода России к империализму.

Автором использованы нарративные источники, часть материалов почерпнута из различных архивов. Основные сведения, касающиеся Кабадианского бекства, принадлежат главным образом русским авторам, поскольку этот район во второй половине XIX и начале XX в. вошел в сферу влияния Российской империи. Многие из этих авторов были очевидцами происходивших событий, а иногда и их непосредственными участниками. Другие, посетив этот район, оставили немало интересных описаний, как правило, носящих тенденциозный характер.

Указанные работы написаны людьми разных профессий, обычно впервые попавшими в край, не знавшими местного языка; жизнь местного населения казалась им дикой и необычной. Сообщая какие-либо сведения, касавшиеся земледелия, общественных отношений, некоторых видов налогов и т.д., авторы этих работ всегда ограничивались только внешней стороной вопроса, не касаясь социально-экономической сущности описываемых явлений.

Много сведений оставили офицеры русской армии, командированные в этот район для сбора материалов, главным образом военного и политического характера.

Автор настоящего исследования постарался полнее учесть всю имеющуюся литературу, посвященную дореволюционному Таджикистану.

Вместе с тем автор отнюдь не претендует на исчерпывающее из-

ложение всех проблем, возникающих при изучении истории исследуемого края во второй половине XIX и начале XX в. Он попытался дать более развернутую характеристику феодальных отношений в одном из бекств Бухарского эмирата.

Анализ литературы, использованной при написании работы, показал, что по истории Кабадианского бекства конца XIX – начала XX в. нет специальной работы. При изучении отдельных вопросов автором использованы работы дореволюционных русских авторов и труды советских историков.

Первыми русскими путешественниками, посетившими Кабадианское бекство, были члены Гиссарской экспедиции. В апреле 1875 г. туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман снарядил эту экспедицию, "поручив ей ознакомиться обстоятельно со всей местностью от Гиссарского края до Амударьи". В состав этой экспедиции вошли майор Н.А.Маев (начальник экспедиции, редактор газеты "Туркестанские ведомости"), подпоручик 3-го туркестанского стрелкового батальона Д.М.Вишневский, астроном Ф.Ф.Шварц и переводчик Ю.Казбеков.

Посетив Кабадианское бекство, Н.А.Маев уточнил местонахождение г.Кабадиана и других населенных пунктов Кафирниганского оазиса и Бешкентской долины, в то время как до Гиссарской экспедиции представления о географии этого края среди русских ученых были весьма смутными. В результате этой поездки Н.А.Маев написал ряд статей: "Очерки Гиссарского края", "Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства", "Очерки горных бекств Бухарского ханства" и другие, которые впервые были опубликованы на страницах газеты "Туркестанские ведомости", а в 1876 г. была издана в г.Ташкенте книга под названием "Очерки Бухарского ханства, Гиссарский край, Куляб и побережье Амударьи". В 1879 г. эта работа вошла в статистический "Ежегодник"¹.

Однако Н.А.Маев в своих работах ничего не пишет о социально-экономических отношениях, о структуре и административном устройстве Кабадианского бекства, о положении трудящихся масс и народных движениях в этом крае.

Эти вопросы и не могли быть поставлены дореволюционными исследователями в силу их классовой ограниченности. Характерной особенностью дореволюционной литературы было игнорирование социально-экономических отношений; исследователи старались не касаться социальных учреждений и институтов, различных форм эксплуатации и закабаления трудящихся масс, а также вопросов хозяйственной и культурной жизни населения дореволюционного Таджикистана.

В августе 1878 г. с военно-рекогносцировочной целью Кабадианское бекство посетил штабс-капитан 3-го западносибирского линейного батальона А.Н.Быков, который в основном обследовал район от слияния р.Вахш с р.Пяндж до г.Керки. Он дал подробное описание переправ в Кабадианском бекстве, а также средств переправ, их грузоподъемности, оплаты за перевозку людей, скота и багажа². В другой работе тот же

автор повествует о жизни населения долины Амударьи, рассказывает о переселении из средней части долины на восток, на Кафирниган и Вахш, связывая это с тяжелым экономическим положением населения, об их приезде в долину Кафирнигана специально для строительства переправочных средств. В конце работы приложены расспросные сведения о населении долины Амударьи, т.е. тех районов, где не был сам автор. В этой части дается описание долин Кафирнигана и Вахша, а также дислокации войск эмира в Гиссаре, Кулябе и в других районах Восточной Бухары³.

Вслед за А.Н.Быковым в 1879 г. с целью гидрометрического и гидрографического исследования в Кабадианском бекстве побывал Н.Н.Зубов, который описал только переправы и пути, ведущие из Кабадиана в соседние города⁴.

В начале 80-х годов XIX в. нижнее течение Кафирнигана было обследовано военным топографом П.Косьяковым. В составе экспедиции доктора Регеля он прошел долину Кафирнигана и описал ряд населенных пунктов Кабадианского бекства, население и его занятия. Впервые в русской литературе он дал подробное описание города Кабадиана и бекской крепости⁵.

В начале 1882 г. Г.А.Арандаренко посетил наряду с другими районами Восточную Бухару и Кабадианское бекство, но он не дал своего описания пройденного пути – южной и восточной частей ханства, так как они уже были описаны в очерке Н.А.Маева⁶.

Интерес к Кабадианскому бекству возник в связи с событием, происшедшим в 1877 г., когда бухарские купцы, идущие через территорию бекства, купили у местных жителей где-то в районе Кабадиана большое количество первоклассных предметов искусства: главным образом из золота и серебра, а также множество различных монет. Впоследствии часть вещей пропала, а часть оказалась на антикварных рынках Индии. В конце XIX в. большая их часть попала в Британский музей. В науке коллекция эта получила название "Амударьинского клада". Ей посвящена специальная монография О.М.Далтона⁷.

М.Е.Массоном, со слов бухарских чиновников Кабадианского бекства, приводятся интересные данные об археологическом азарте, охватившем тогда население бекства, и о запрещении бухарским правительством дальнейших розысков драгоценностей, что приводило к дракам и даже убийствам⁸.

В 1886 г. в Кабадианском бекстве побывал русский офицер Н.Н.Покотило, в результате чего он также дал интересные сведения по этому району⁹. Н.Н.Покотило наряду с описанием других бекств Восточной Бухары в своей работе дает краткую характеристику края, указывает на недостаток поливных земель, а также на недостаток собираемого в этом районе зерна на душу населения.

В следующем 1887 г. Кабадианское бекство посетил француз Бонвалло¹⁰, который сделал краткое описание местной крепости и ее рисунок.

Все эти авторы имели перед собой определенную задачу — подробно останавливаясь на хозяйственно-экономических ресурсах бекства, они почти не касались других сторон жизни населения края.

В 1889 г. Кабадианское бекство посетил капитан русской армии Лилиенталь. В его работе¹¹ рассматривается экономика бекства, приводятся сведения о численности населения отдельных кишлаков, его занятиях и т.д. Однако здесь мы также не находим никаких сведений об имущественной дифференциации кишлака, классовой структуре, степени и формах эксплуатации трудящихся феодалами и чиновниками.

Капитан Лилиенталь при описании Кабадианского бекства допустил искажения названий отдельных населенных пунктов. Как офицера Генерального штаба царской армии его интересовали в основном военно-стратегические и топографические сведения. Вот почему он не мог дать ответа на социально-экономические и политические вопросы.

В последние годы XIX в. (1896, 1897 и 1899 гг.) несколько путешественников по Восточной Бухаре предпринял ботаник и гляциолог В.И.Липский. Он побывал и в Кабадианском бекстве. Среди других материалов в его книге встречается описание крепости Кабадианского бека и приема у него, имеются отрывочные сведения о базаре, ремесле этого края¹².

В.И.Липский, как и его предшественники, в своей работе очень мало касается вопросов социально-экономических отношений в Восточной Бухаре, в частности в Кабадианском бекстве. Приведенные исторические факты отрывочны и поверхностны, потому что он не был историком. Но даже немногие сведения по Кабадиану, которые приведены в его книге, представляют научную ценность.

В 1898 г. Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Среднюю Азию были командированы А.А.Бобринской, Н.В.Богоявленский и А.А.Семенов, которые в течение четырехмесячного пребывания в экспедиции обследовали многие районы Восточной Бухары, в том числе побывали в Кабадианском бекстве. В результате этой поездки участники экспедиции опубликовали ряд работ. Мы охарактеризуем только одну из них, имеющую непосредственное отношение к нашей теме. Исключительно большой интерес представляют путевые очерки А.А.Семенова¹³, где автор дает характеристику отдельных вопросов социально-экономических отношений, приводит некоторые подробности административного управления Кабадианского бекства в конце XIX в. А.А.Семенов подробно останавливается на вопросах внутренней торговли, а также внешнеторговых отношений бекства с соседними районами и Афганистаном.

В начале XX в. Кабадианское бекство мало посещалось исследователями. В 1906 г. там побывал ботаник Р.Ю.Рожевец, он сделал фотografiю кабадианской крепости. В своих путевых очерках он описал г.Кабадиан, его крепость, местный базар¹⁴.

Однако автор как ботаник, имевший перед собой особую задачу, почти не касался вопросов феодального гнета и тяжелого положения трудящихся масс.

В 1908 г. Кабадиан посетил профессор А.В.Нечаев, который описал жизнь местных скотоводов, бекский двор, переправу через р.Кафирниган, а также жизнь местных музыкантов¹⁵. Но, будучи геологом, автор интересовался больше другими вопросами, поэтому его описание носит характер путевых очерков.

В начале XX в. в газете "Туркестанские ведомости" были опубликованы статьи Д.Н.Логофета¹⁶, посвященные отдельным бекствам Восточной Бухары, а затем вышел ряд его работ, посвященных Бухарскому ханству¹⁷. Много лет живший на бухаро-афганской границе (в Сарай-Камаре), посетивший Кабадианское бекство автор приводит интересные сведения об этом крае. Выступая сторонником немедленного присоединения Бухарского эмирата к России, он в то же время старался как можно правдивее показать деспотизм и несправие, угнетенное положение народных масс и произвол бухарских властей. Однако все работы Д.Н.Логофета страдают недостаточной глубиной и точностью, свободным обращением с фактами, а порою необъективностью при описании положения в эмирате.

М.М.Дьяконов отмечал, что в 1917 г. А.А.Семенов еще раз совершил поездку в Кабадианское бекство. При этом он ссылался на работу А.А.Семенова "Памятники арийской культуры в Средней Азии", опубликованную в книге "Таджикистан", изданной в Ташкенте в 1925 г. и переизданной в Сталинабаде в 1945 г. под названием "Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии"¹⁸. Но в работе А.А.Семенова речь идет не о поездке в Кабадиан, а о его встрече с бывшим беком Кабадиана в период работы в Политагентстве в Бухаре.

А.П.Колпаков в статье о прошлом Кабадиана²⁰, наряду с археологическими данными, приводит предание об известном таджикском мыслителе Насире Хисраве, который родился в Кабадиане. Другая его статья²¹ посвящена описанию дореволюционных кварталов Кабадиана, на основе опросного материала, собранного им во время работы Кафирниганского археологического отряда в 1950 г.

В настоящей работе использованы материалы Центрального государственного архива Узбекской ССР (ЦГА УзССР) г.Ташкента, Архива внешней политики России (АВПР) г.Москвы, Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР).

Использованы также устные сообщения старожилов, собранные автором во время поездки по Кафирниганской и Бешкентской долинам бывшего Кабадианского бекства (в настоящее время эта территория входит в состав Шаартузского района Таджикской ССР).

Советские историки А.А.Семенов²², Б.Г.Гафуров²³, З.Ш.Раджабов²⁴, Б.И.Искандаров²⁵, А.Маджлисов²⁶ и другие исследователи дореволюционной истории Таджикистана, освещая те или иные вопросы в рассматриваемый период, в какой-то мере касались и Кабадианского бекства.

Настоящая работа является первой попыткой наиболее полного освещения вопросов политико-административного и социально-экономического положения дореволюционного Кабадиана.

Глава 1.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КАБАДИАНСКОГО БЕКСТВА

Краткие сведения по истории Кабадиана. История Кабадиана является неотъемлемой частью истории народов Средней Азии, а его территория на протяжении длительного исторического развития составляла одну из культурных областей современного Таджикистана.

Территория нижнего течения р.Кафирниган занимает выгодное географическое положение. Хорошие плодородные почвы привлекали сюда оседлое и кочевое население.

Жители этого древнего края постоянно боролись за свою свободу и независимость. Его территория много раз подвергалась захватам чужеземцев — персов, греков, тюрков, арабов, монголов, которые поработили местные народы, насильно включая их в состав своих государств.

Долина Кафирнигана и прилегающие к ней районы в древности входили в состав Бактрии, со времени появления тохаров во II в до н. э. и до средневековья называвшейся страной тохаров — Тохаристаном. Эта территория составляла часть Ахеменидской державы, была завоевана Александром Македонским, в III-II вв. до н.э. входила в состав государства Селевкидов, а затем Греко-Бактрийского царства; с I в до н.э. до III в. она входила в варварские империи кушанов, эфталитов (У-УI вв.), тюрков (УI-УII вв.). Вместе с другими областями Средней Азии была завоевана в УШ в. арабами, подчинялась в Х в. Саманидам, в XI в. — Газневидам, в Монгольское время разделяла судьбу южного Мавераннахра, входила в состав государств Тимура и Тимуридов (XIУ-ХУ вв.), а затем среднеазиатских ханств. В XIХ в. была центром Кабадианского бекства, подчиненного Бухаре¹.

Уже из этого краткого перечня ясно, что нижняя долина Кафирнигана имела древнюю историю, входила в состав развитых и передовых для своего времени государств. Она представляет большой интерес в историко-культурном отношении.

Через Кабадиан проходили пути, соединявшие Хорасан с Мавераннахром, где существовали важные в экономическом и культурном отношении центры. О древности и богатстве культуры этого района говорят различные находки материальных памятников. Наиболее знаменитой на-

ходкой является, как уже отмечалось, так называемый "Амударьинский клад"².

Важным источником исследования ранних этапов истории долины нижнего течения р.Кафирниган стали археологические материалы. После окончания Великой Отечественной войны началось археологическое изучение Кафирниганской долины. Работавшая здесь с 1947г. под руководством советского археолога М.М.Дьяконова специальная археологическая экспедиция и последующие экспедиции археологов Таджикистана обнаружили и изучили ряд исторических памятников. Они показали, что жизнь человека в этом районе не прекращалась с древнейшего периода истории человечества.

В УI-1У вв. до н.э. высокого уровня развития достигло ремесленное производство, в частности изготовление глиняной посуды. Сосуды, изготовленные на гончарном круге и обожженные в специальных печах, имели своеобразную форму. Наиболее показательны в этом отношении так называемые цилиндрические и цилиндроконические сосуды, найденные в Кабадиане. О высоком уровне художественной обработки металлов свидетельствуют находки "Амударьинского клада"³.

В связи с развитием ремесла и торговли в оседлых среднеазиатских областях в УI-1У вв. до н.э. возникают, наряду с мелкими сельскими поселениями, крупные населенные пункты городского типа. Наибольшим городом было, возможно, и поселение У-1У вв. до н.э., следы которого открыты в Кабадиане, в Северной Бактрии⁴. Особо следует отметить, что такое городское поселение, как Кабадиан, сложилось, судя по археологическим данным, в УI-1У вв. до н.э.⁵

Здесь были обнаружены бронзовые наконечники стрел и железных изделий (игла, нож). Ремесленники занимались гончарным, ткацким, железоделательным, бронзолитейным ремеслами, а также сельским хозяйством — поливным земледелием и скотоводством⁶.

Об уровне развития художественного ремесла в Северной Бактрии можно судить по металлическим изделиям, входящим в состав "Амударьинского клада". Основу этой коллекции составили предметы, действительно найденные в Северной Бактрии и относящиеся к ахеменидскому времени⁷. В коллекции имеются интереснейшие памятники изобразительного искусства.

Кабадианский, или Кафирниганский, оазис тянулся к северу на 60-65 км от поселка Кабадиан. Левобережье Кафирнигана было довольно густо заселено и представляло собой удобные для земледелия земли, орошавшиеся большим магистральным каналом, начинавшимся в 18 км к северу от Кабадиана. Канал этот был сооружен еще до образования Греко-Бактрийского царства и продолжал функционировать и в греко-бактрийское время. Гольвные сооружения канала охранялись специальными крепостями.

Правобережье Кафирнигана было менее заселено. Земли орошались магистральным каналом, выведенным из Кафирнигана севернее сов-

ременного Шаартуза⁸. Следы этих ирригационных каналов и специальных крепостей по охране головных сооружений сохранились до настоящего времени.

Некоторые малые поселения и города возникли еще до македонского завоевания Средней Азии и продолжали, перестраиваясь, существовать и несколько столетий спустя.

Советскими археологами в Кабадианском оазисе выявлено еще несколько античных укрепленных поселений греко-бактрийского периода. Все они невелики, прямоугольны или подквадратны в плане и ориентированы сторонами или углами приблизительно по сторонам света. На некоторых из городищ обнаружены остатки цитадели, и за пределами почти каждого из них прослежены места тяготеющих к ним поселений. Расположены они довольно близко друг к другу, что свидетельствует о большой населенности оазиса в ту пору⁹.

В I в. н.э. продолжали еще существовать небольшие святилища огня в Мунчактепе в Кабадиане. Внутреннее устройство святилища было таковым: вдоль стен расположены суфы, в центре возвышался кирпичный алтарь огня¹⁰.

Одной из центральных областей Кушанского государства являлась Бактрия, получившая немногим позднее название Тохаристан, который делился на несколько мелких независимых государств. На юго-востоке от Чаганиана, около дельты Вахша, находилось царство Кувадиан (Кабадиан)¹¹.

Многочисленные находки монет на территории Бактрии позволяют говорить о сохранении в Бактрии развитой торговли и денежного хозяйства, что предполагает относительно высокую степень развития товарного производства. Разрушительные войны и вторжения кочевников хотя и нанесли, очевидно, серьезный ущерб Бактрии, но не привели, по-видимому, к длительному упадку ее хозяйственной жизни¹².

О существовании в Тохаристане и прилегающих к нему областях особой письменности сообщает паломник Сюань-Цзан, побывавший в районах по верхнему течению Амударьи (первая половина УП в.). Его описание тохарской письменности свидетельствует о том, что она греческого происхождения и употреблялась в Тохаристане еще в УП в. Можно предполагать, что это же письмо имел в виду арабоязычный автор ас-Самани (ХП в.), сообщавший, что в период арабского завоевания в области Кувадиан в нижнем течении Кафирнигана существовал особый алфавит, "которым были написаны книги"¹³.

Сюань-Цзан отмечал, что Кабадиан являлся одним из владений Тохаристана, и дал краткое описание этого владения¹⁴. Это был первый письменный источник об этом крае.

Сведения Сюань-Цзана о Средней Азии относятся к 627-644 гг. От общей характеристики Тохаристана он переходит к описанию отдельных владений, в том числе Кабадиана. Он отмечает наличие буддийских культовых сооружений, указывает размеры отдельных владений Тохари-

стана. Так, Кабадиан был вытянут с востока на запад на 200 ли (60-70 км) и с севера на юг на 300 ли (около 100 км)¹⁵.

Таким образом, название "Кабадиан" (для города и области) — было известно, по сообщению Сюань-Цзана, начиная с УП в. Затем оно неоднократно упоминалось в арабоязычной и персоязычной средневековой географической и исторической литературе и продолжало существовать до 20-х годов XX в., да и в советское время еще долго название Кабадиан являлось официальным названием этого района.

На территории современного Центрального и Южного Таджикистана было несколько княжеских владений. В начале УШ в. они испытывали двойное давление: с востока нажимали тибетцы, с запада — арабы. Владетели, естественно, хотели сохранить свою независимость.

В 718 г. в Чаньянь обратился младший брат тохаристанского джабгу. Он сообщил, что возглавляет царей Забунистана, Каписы, Хутталя, Кургана, Шумана, Шугнана, Эфталитов, Вахана, Джузdana, Бамиана, Кабадиана и Бадахшана, из которых двое первых имеют по 200 тыс. всадников и воинов, а остальные — по 50 тыс. Несмотря на такое большое количество войск, он слезно просил помощи против тибетцев и арабов, так что можно предположить, что на самом деле воинов было значительно меньше, чем 900 тыс. Император одобрил решение горцев воевать с тибетцами и арабами и дал их князьям пышные титулы (720 г.). "Но уже в 727 г. из Забунистана пришло письмо в Чаньянь. Это был буквально вопль о помощи, ибо арабы наседали. Потом все стихло"¹⁶.

В.В.Бартольд, ссылаясь на Макдиси, писал: "В области Кувадиан, кроме главного города, носившего то же имя, упоминается Нудиз (новая крепость) и еще несколько городов на Кафирнигане; произношение их названий трудно определить; местоположение их также не указывается"¹⁷. Б.Г.Гафуров эту "новую крепость" в Кабадианской области называет "Наудиз"¹⁸.

По словам арабских авторов Истахри и Ибн Хаукаля, эта область славилась красящим веществом, производившимся из марены, которая вывозилась отсюда в большом количестве¹⁹.

Город Кабадиан по размерам был почти равен Термезу и являлся немаловажным торговым центром. В Кабадианской области при "устье Кафирнигана находилась переправа Аузадж, или Узадж, ныне Айвадж"²⁰.

Арабо- и персоязычные географические источники IX-X вв. сообщают много сведений об этом районе. Так, выясняется, что область Кабадиан по левому берегу Кафирнигана, в нижнем его течении, с главным городом того же названия в IX в. входила в состав расположенного восточнее Хутталя²¹. Но в X в. географы указывают только путь от Чаганиана (Чаганиана) до Кабадиана в 3 дня. В.В.Бартольд замечает, что, вероятно, этот путь указан через перевал Хозрати-Бова. От Термеза 2 дня пути, а "из этого видно, что он был более тесно связан с этими городами, чем с хуттальскими"²². Очевидно, к этому времени Кабадиан вышел из подчинения Хутталя, хотя и не освободился полностью, не завоевал себе политической независимости.

О высоком уровне развития архитектуры в Кабадиане свидетельствует замечательный памятник XI—XII вв. — двойной мавзолеем Ходжа Машхад, находящийся в кишлаке Саят (в 6 км к югу от районного центра Шаартуз), относящийся к памятникам саманидского зодчества²³.

В городе Кабадиане в семье землевладельца-дехкана родился выдающийся таджикский мыслитель, философ, писатель, поэт и путешественник Абу Муиниддин Носир ибн-Хисрав (1003—1078 гг.). Предание говорит, что он родился в квартале Ябуз, рос и воспитывался в Кабадиане.

При Махмуде (998—1030 гг.) Газневидское государство достигло наибольшего могущества. В 1017 г. при организации похода в Хорезм везир Махмуда Газневида "тайно послал человека в Хуталан, Кубадиян и Термез, чтобы приняли нужные меры, приготовили суда и собрали продовольствие в Амуре"²⁶, т.е. на берегу Амударьи. Отсюда видно, что после падения династии Саманидов Кабадиан отошел не к Караханидам, а к Газневидам. Махмуд Газневид использовал лесные богатства Кабадиана для строительства военных кораблей.

В 1024 г. Махмуд Газневид подошел к большими силами к Балху и под предлогом, что хочет освободить население Мавераннахра от тирании Караханида Али-Тегина, перешел Амударью и подчинил своей власти Чаганиан, Кабадиан, Хутталан и другие местности²⁷. После этого Махмуд Газневид провел военные приготовления — "по приказанию везира были приготовлены корабли в Хуттале, Кубадияне и Термезе"²⁸. Эти военные корабли Махмуду были необходимы для дальнейшей борьбы с Хорезмом.

В.В.Бартольд отмечал: "Впоследствии мы видим во власти Газневидов только Термез, Кубадиян, Чаганиан и Хутталь, т.е. области, тяготевшие к Балху и, вероятно, еще раньше находившиеся в зависимости от Махмуда"²⁹.

После кратковременного царствования младшего сына Махмуда, Мухаммеда, власть перешла к старшему, Мас'уду (1030—1041 гг.). По отношению к Караханидам Мас'уд продолжал политику своего отца. Истинный характер отношений между Газневидами и Караханидами лучше всего был показан в письме Алтунташа к султану, написанном в 1030 г., где указывалось, что Али-тегин является врагом и сохраняет в сердце чувство обиды. "Друг никогда не станет врагом. С ним тоже надобен какой-нибудь договор и некоторое сближение. Хотя на них нельзя будет положить блага, но сделать это надо неукоснительно. А когда это будет сделано, области Балх, Тохаристан, Чаганиан, Термез, Кубадиян и Хутталан надобно будет наполнить народом, ибо всякое место, которое [Али-тегин] обнаружит незанятым, он при удобном случае разграбит и разорит"³⁰.

Будучи в Балхе, Мас'уд принял посла багдадского халифа, а чиновники эмира просили посла передать халифу, чтобы он прислал эмиру

"новую жалованную грамоту, в коей будут [значиться] Хорасан, Хорезм, Нимруз, Завулистан, вся Индия и Синд, Чаганиан, Хутталан, Кубадиян, Термез, Кусдар, Мекран, Валиштан, Киканан, Рей, Джибал, Исфаган целиком до перевала Хулван, Гурган и Табаристан"³¹.

После смерти Алтунташа Мас'уд не решился отнять власть у его потомков, хотя и принял меры к ее ограничению, после чего Харун, сын Алтунташа, вступил в соглашение с Али-тегином и Сельджукидами и в августе 1034 г. открыто отошел от султана. В.В.Бартольд отмечал, что в связи с этим, может быть, происходило вторжение туркмен в Кубадиян в конце 1034 г.³² Байхаки по этому поводу писал: "Теперь же по воле судьбы случилось так, что сильный отряд туркмен вторгся в пределы Термеза. Они произвели много злодеяний в Кубадияне, грабежей и угнали скот"³³. Но Мас'уду удалось очистить край от туркмен и восстановить порядок, послав туда большое войско.

После смерти Али-тегина его сыновья сговорились с Харуном, чтобы тот шел в Мерв с большим войском для захвата Хорасана, а сами они "разграбят Чаганиан и Термез, а оттуда через Кубадиян пойдут в Андхид и соединятся с Харуном"³⁴. Они успели разграбить только Чаганиан и подошли к Термезу, но были разгромлены. После этого кабадиан продолжал оставаться в составе империи Газневидов.

Визирь Хусрау-шаха подчинился гератскому владетелю тимуриду Султан-Хусейну. Затем началась война между Султан-Хусейном и его сыном Бади'аз-заманом. У султана оказалось меньше сил, чем у его сына, и он согласился уступить Бади'аз-заману Балх и область от Амударьи до Мургаба, причем в хутбе рядом с именем Султан-Хусейна должно было произноситься имя Бади'аз-замана. "Даже Хусрау-шах признал верховную власть Бади'аз-замана и согласился ввести его имя в хутбу и в надпись на монетах в Кундузе, Баглане, Термезе, Хисаре, Кабадиане, Хутталане и Бадахшане"³⁵.

Известный шейх из династии Джуйбаров Ходжа Ислам умер 25 сафара 971 г.х. (15 октября 1563 г.) в возрасте 73 лет. Наследство он передал старшему сыну Са'д, которому удалось достигнуть большого влияния при дворе Абдуллы-хана. Са'д был крупным землевладельцем в Бухарском ханстве, и земли, принадлежавшие ему, были расположены, наряду с другими областями, и в районе Кабадиана³⁶.

По свидетельству Бадраддина Кашмири, в Кабадиане шейхами Джуйбари было возрождено садоводство. Сады и виноградники украшались не только редкими деревьями и сортами винограда, но и редкими декоративными растениями, горными кипарисами, разнообразными цветами³⁷.

Инициативу по освоению разоренных в результате нашествия монгольских и тюркских кочевых племен и заброшенных земель, а также по проведению оросительных каналов и арыков проявили шейхи Джуйбари, особенно Ходжа Ислам и его сын и преемник Ходжа Са'д.

Во время правления последнего самостоятельного гиссарского бека Абдулкарима Кабадиан неоднократно подвергался его нападению. Поэтому все усилия кабадианского правителя были направлены на борьбу с Гиссаром. Но Суби-хан умер, не доведя борьбу до конца. После его смерти правителем Кабадиана стал его родной брат Абдурахман-бек, который, продолжая политику своего брата, вел борьбу за независимость и самостоятельность Кабадиана. "Тогда крепость Кабадиана поддерживалась, стены были целы и над городскими (северными) воротами стояли две пушки"⁵³.

В 1866 г. гиссарский правитель Абдулкарим с большим войском вновь напал на Кабадиан. Абдулкарим "осадил Кабадиан, взял его штурмом, зарезал бека, перерезал много народу, забрал все, что только мог, а затем всех оставшихся в живых силою угнал в Гиссар и поселил там"⁵⁴.

В Гиссарской долине кабадианцы жили три года, а Кабадиан почти окончательно опустел. По данным А.Н.Быкова, за время проживания в Гиссаре погибло от голода полторы тысячи семей кабадианцев.

После присоединения Гиссарского владения к Бухарскому эмирату эмир Музаффар разрешил всем кабадианцам "возвратиться на свои старые места и кажется даже, вероятно, чтобы более привязать их к себе, освободил их на один год от десятинной подати, но вместе с тем не позволил им по-старому избирать самим себе бека, а стал назначать от себя, что соблюдается и по настоящее время"⁵⁵ - писал А.Н. Быков после посещения Кабадиана в 1878 г.

С тех пор и до падения Бухарского ханства Кабадиан оставался в составе последнего, а правители или беки присылались эмиром из Бухары.

Население. Относительно численности населения Кабадианского бекства в конце XIX - начале XX в. автор не располагает документальными бухарской администрации. Отсутствие переписей не дает возможности с точностью установить численность населения бекства того периода. В дореволюционной литературе русские путешественники, царские офицеры, чиновники дают различные сведения по составу и количеству населения бекства, в одних случаях неполные, в других - противоречащие друг другу.

А.Н.Быков определяет количество населения на правом берегу р.Кафирниган по населенным пунктам: к.Баш-Чарбаг - до 20 дворов, Шаартуз и лежащие около него Чоршамбе и Ходжаи Джам - немногим более 100 дворов, Саяд - не более 20 дворов, Чуянчи - 30 - 40 дворов, Хошади и Лублакор - 20 дворов, Айвадж - 18 дворов, Бешкент - от 200 до 300 дворов. По левому берегу р.Кафирниган были расположены следующие населенные пункты: Башкала и Чапара - в обоих до 40 дворов, г.Кабадиан - 600 дворов, Шахоб и Бештемур - в обоих до 50 дворов, Чиркроук и Сангова - в обоих 50 дворов, Доки Юнус - 40

дворов, Ляйлакуя - 6 дворов, Кури Джалол - 43 двора, Шах - 100 дворов, Хазрати Амир-Ата - 15 дворов. Всего в бекстве 1462 двора. Кроме того, по подсчету А.Н.Быкова, в бекстве было около 150 дворов кочевников. Вместе получалось более 1600 дворов.⁵⁶

По данным капитана Н.Н.Покотило, в 1886 г. в Кабадианском бекстве было 5 тысяч дворов, где проживало 15 тысяч жителей. В основном это были таджики, узбеки рода кунград, джалай и ахча, туркмены и арабы⁵⁷.

В самом Кабадиане жили таджики и узбеки рода ахча, в к.Бешкент - арабы и узбеки рода куштангали, а в к.Сайёд - только таджики. В к. Бош-Чарвак основное ядро жителей составляли узбеки рода ахча⁵⁸.

В том же 1886 г. французский путешественник Г.Бонвало, будучи в Кабадианском бекстве, около к.Бошкала встретил туркменские семьи рода курама, которые жили в камышовых шалахах (капа). По словам путешественника, они переселились сюда года два назад из Курки. Здесь же жили узбеки рода кунград. В Кабадиане жили арабы, которые называли себя выходцами из Балха⁵⁹.

Русский офицер Генштаба капитан Лилиенталь, посетивший Кабадианское бекство в 1889 г., приводит число дворов отдельных кишлаков при описании маршрута пути из Гиссара до Айваджа.

В этническом отношении население бекства было смешанным. По свидетельству Лилиенталья, в Кабадианском бекстве жили главным образом узбеки рода дурмен и таджики, кроме того, встречались и туркмены. Селений было немного⁶⁰. На берегу р. Кафирниган находился к. Тортки. В нем было около 50 дворов. А кишлак около города имел 100 дворов. "Кишлак этот сливается с городом Кабадианом, в котором 300 дворов, но вследствие неурожая подряд два года многие жители выселились, и можно насчитать только до 100 дворов". В к.Дакка было 50 дворов, к. Ляйла-хона (вероятно, Ляйлакуя) имел 35 дворов.⁶¹ Указывая, что на месте развалин города и крепости Шаартуз находилось небольшое селение того же названия, Лилиенталь писал: "В конце 20-й версты (от Кабадиана, - Ш.Ю.) - большая древняя мечеть и мазар Ходжа-Майшад. За мечетью начинается с.Сает (21 верста), которое тянется на протяжении более версты.

От с.Сает до с.Чуянчи (70 дворов) дорога идет между пашнями. А к.Айвадж тянулся на протяжении 3/4 версты"⁶², т.е. был очень большим.

По данным Н.Н.Покотило, к.Айвадж в 1886 г. состоял из 10-15 дворов арабов, которые переселились сюда лет 15 тому назад из Балха⁶³.

В конце XIX в. в Айвадж переселились туркмены. Капитан Корнилов 29 ноября 1898 г. в рапорте начальнику штаба округа доносил, что раньше в к.Айвадж Кабадианского бекства жили туркмены рода ишанкул, но с устройством пограничного надзора ушли за р.Амударью⁶⁴.

А.К.Разгонов, посетивший Кабадианское бекство в 1907 г., писал, что к.Айвадж был небольшим населенным пунктом, где жили исключительно арабы⁶⁵.

Д.Н.Логофет так описывает к.Айвадж: "...несколько узбекских кибиток, поставленных недалеко (от поста. - Ш.Ю.), являются тем населенным пунктом (Айваджем. - Ш.Ю.), который под этим именем обозначен на географических картах"⁶⁶.

Корреспондент газеты "Туркестанские ведомости", писавший статьи под псевдонимом А.Г., указывал, что "в устье Кафирнигана селение Айвадж состоит лишь из 10-20 сакель и кибиток нищих туземцев"⁶⁷.

В Кабадианском бекстве, как уже отмечалось, жили туркмены. А.А.Семенов в 1898 г. видел здесь смешанные кишлаки, где наряду с туркменами жили и узбеки. "Кишлак Туркмен, куда мы приехали на ночлег, заселен "аралашью" и возник лет 30-40 тому назад, как передавали его обитатели"⁶⁸.

Население Кабадианского бекства нередко увеличивалось за счет переселения жителей провинции соседнего Афганистана или, наоборот, уменьшалось за счет ухода части населения бекства в Северный Афганистан. Все зависело от налогового гнета как в соседнем Афганистане, так и в самом Кабадианском бекстве.

Политагент Н.Чарыков 14 января 1889 г. в своем представлении начальнику азиатского департамента МИД, согласно сведениям, полученным им 29 октября 1888 г., писал: "Султан Мурад-хан - начальник Кундуза, прибывший с 8 тысячами домовладельцев, оставив последних в Кабадиане, сам лично ездил представляться Его Высочеству (эмиру. - Ш.Ю.)"⁶⁹.

Здесь речь идет о переселенцах из Афганистана. Они постоянно ждали перемены политической обстановки в Афганистане, чтобы вновь вернуться к себе на родину. Но обстановка долго не менялась, и поэтому они обживались здесь, на новом месте.

Русский разведчик в своем донесении от 3 февраля 1898 г. сообщал политагенту: "Я был недавно у одного афганца Сардар Султан Мурад-хана с поздравлением, он сообщил мне, что в Гиссаре, Сарае и Кабадиане было много афганцев, которые уже много лет жили там, эмигрировав из Афганистана вследствие несправедливостей и обид, которые они терпели. Они мирно жили на новой своей родине, занимаясь своими делами. Но в последнее время они стали ежедневно перекочевывать обратно в Афганистан. Тогда я спросил, почему это происходит. Он мне на это сказал, что беки, казии и закотчи (чиновники финансового ведомства) налагают на них непосильные поборы, афганцы по большей части люди зажиточные, так что с них взять есть что. Вот поэтому-то они и уходят"⁷⁰.

После переселения в 1888 г. в Кабадианское бекство афганские узбеки почти постоянно жили здесь.

20 февраля 1902 г. из Кабадиана в Бухару прибыл племянник Сардара Султан Мурад-хана додхо, который сообщил, что эмир Хабибулла-хан умер⁷¹. Это свидетельствует о том, что племянник Мурад-хана все это время жил в Кабадиане со своими сородичами.

Население Кабадианского бекства, по данным Генерального штаба царской России, в 1908-1909 гг. исчислялось в 13500 человек⁷².

Д.Н.Логофет, говоря о числе жителей г.Кабадиана, указывал цифру 5000 человек⁷³. По данным С.И.Гулишамбарова, в г.Кабадиане число жителей составляло 1 тыс. человек, а по всему бекству с главным городом Кабадиан - 8 тыс. человек⁷⁴.

Согласно сообщению кабадианского бека Мирзо Махди Ходжа тук-соба от 27 октября 1914 г., в к.Айвадж было 100 дворов жителей⁷⁵.

В начале XX в. в отдельных кишлаках наблюдался непостоянный состав жителей. Так, в к. Лублакор сначала жили арабы, затем здесь поселились туркмены. Как писал один из местных чиновников в начале первой мировой войны, в этот кишлак лет 10 тому назад переселились узбекские племена кунград. Здесь располагалось 30-40 глиняных домов и шалашей (хонаи сиех ва каппа)⁷⁶.

По данным эмирского правительства, в 1914 г. численность населения бекства составляла уже 16000 человек⁷⁷.

В основном здесь жили узбеки, таджики и в небольшом количестве туркмены, афганцы, индийцы, цыгане (лули), евреи.

В конце XIX в. на границе появились русские солдаты и служащие таможи, а в начале XX в. в концессии "Айвадж" были и русские рабочие. К 1917 г. только около к.Лублакор было 250 дворов переселенцев из других мест Восточной Бухары и 700 мардикоров, а в самом кишлаке уже было 70 дворов⁷⁸.

Основную массу населения Кабадианского бекства составляли крестьяне - хлопкоробы, садовники, бахчеводы, а также скотоводы. Городское население состояло из ремесленников, торговцев и представителей административного сословия. Духовенство (уламо), учащиеся богословских школ (медресе, мактаб) и представители мусульманских религиозных учреждений выделялись в особую группу. Кустари и ремесленники составляли значительную часть горожан.

Административное устройство. В 70-х годах XIX в. все отдельные владения Восточной Бухары были присоединены к Бухарскому ханству. После присоединения Восточной Бухары к ханству правившим тогда эмиром Музаффаром были назначены в край новые правители - беки.

В административном устройстве Кабадианского бекства произошел ряд изменений. Если до присоединения Кабадиан и его окрестности временами входили в состав Кулябского владения, то после присоединения он стал самостоятельным бекством Бухарского ханства. Новые правители непосильными поборами разоряли население. В бекстве вспыхивали восстания против бухарских властей; многие жители, доведенные до отчаяния, покидали насиженные места и уходили⁷⁹.

Высшим административным лицом в Кабадианском бекстве, как и в других бекствах ханства, являлся бек или хаким, назначаемый эмиром.

В последней четверти XIX и в начале XX в. русские исследователи, офицеры, торговые деятели и путешественники неоднократно посещали многие провинции ханства, в том числе Кабадианское бекство, и оставили довольно многочисленные описания управления бекствами, административного устройства и др. К ним относятся В.В.Крестовский⁸⁰, Энпе⁸¹, А.Галкин⁸², Лилиенталь⁸³, А.А.Семенов⁸⁴, Р.Ю.Рожевец⁸⁵, А.В.Нечаев⁸⁶ и др.

Вопросы административного устройства и системы управления отдельных бекств Восточной Бухары исследованы в работах советских историков, посвященных Гиссарскому, Дарвазскому, Каратегинскому и Кулябскому бекствам⁸⁷.

Кабадианское бекство было одним из захолустных. "Кабадиан, — сообщал Р.Ю.Рожевец, — городом в нашем смысле назвать нельзя, от обыкновенного кишлака он отличается лишь большим размером, постоянным базарчиком и бекской крепостью. Последняя невелика и построена на искусственном холме"⁸⁸.

А.А.Семенов при посещении им Кабадианского бекства в 1898 г. был свидетелем выхода бека к гостям. "И по внешности, и по манерам кабадианский губернатор резко отличался от всех раньше виденных нами бухарских эмиров. Это был высокий, очень хорошо сохранившийся старик, с длинной седой бородой и необыкновенно живыми выразительными глазами, вместо обычного, пестрого шелкового или парчового одеяния на нем был тяжелый малинового бархата халат, отороченный золотым галуном, на голове чалма из индийской кисеи, в руках высокий резной, из черного дерева, посох"⁸⁹.

Этот бек был выходцем из Ирана. "По быстрой манере говорить с некоторой жестикულიей, по его привычке не спускать с собеседника глаз, по его тонкому умению вести интересную беседу во время пустынного официального визита, наконец, по его частому употреблению в разговоре арабских слов и речений — почти безошибочно можно было видеть, что перед нами находится один из тех хитроумных сынов Ирана, недюжинный ум и изворотливость которых сумели приобрести им почетное и высокое положение даже в суннитской Бухаре, издавна фанатически настроенной к шиитам"⁹⁰.

Согласно донесению капитана Корнилова от 17 марта 1899 г., писарем Кабадианского бека был Мирза Низамеддин, по происхождению афганский узбек. Лет десять тому назад он был афганским таможенным чиновником. Во время восстания Исхак-хана примкнул к нему, а затем бежал в Кабадиан и с тех пор занимал должность писаря Кабадианского бека⁹¹. Он фактически управлял всем бекством. Сам бек был неграмотным и все административные дела передал своему писарю, который был очень хитрым и никогда не забывал о своем кармане. Жители

бекства очень боялись его, потому что он жестоко расправлялся со всеми, кто высказывал какое-либо недовольство существующим положением дел в бекстве⁹².

Р.Ю.Рожевец при поездке в 1906 г. в Кабадианское бекство встречался с местным беком, которому было лет сорок⁹³.

Профессор А.В.Нечаев, в 1908 г. посетивший кабадианского бека, отмечал, что бек — видный мужчина с важной осанкой. "Для высокого губернаторского звания он молод — всего 40 с небольшим лет. Бекство получил за несколько месяцев до нашего приезда. Кабадианское бекство на плохом счету. Оно очень бедное, состоит всего из трех амлякдарств (волостей). Обыкновенно оно служит началом бекской карьеры"⁹⁴.

Далее А.В.Нечаев так описывал явившегося к ним бека: "Бек явился к нам в полном параде. На нем был великолепнейший халат из золотой парчи, перехваченный широким поясом с позолоченными металлическими бляхами. На груди приколот орден Станислава 3-й степени, а на шее висит большая серебряная медаль"⁹⁵.

Политагент 2 мая 1900 г., согласно донесению разведчика от 24 апреля 1900 г., сообщал директору первого департамента МИД: "Кабадианский бек назначен в Куляб. Он состоял раньше при Гиссарском кушбеги. Имени его я не знаю"⁹⁶.

Каждый бек периодически был обязан ездить в Бухару — столицу эмирата для отчета. С пустыми руками являться было не принято, да и эмир в таком случае принимал недоброжелательно. Поэтому бек собирал для своего повелителя подарок, который назывался тортуком. "Подарок" состоял весной из 5 лошадей с вьюками, осенью — из 13 лошадей с вьюками.

Кроме того, подарки преподносили по случаю какого-нибудь торжества (религиозных праздников, дня рождения царевича, организации военных походов, визита эмира в Россию или на Кавказ и в ряде других случаев). Правители, а также другие наиболее высокие сановники готовили эмиру индивидуальные подарки за счет своих сбережений; эти виды подношений назывались "бухча".

Так, по архивным сведениям известно, что по случаю возвращения эмира из России правитель Кабадиана преподнес ему "бухчу" в размере 1400 танга⁹⁷.

Для получения очередного чина беки иногда лично представлялись самому эмиру. Так, во время выезда в 1893 г. в Петербург в арке Чарджуя эмир принял кабадианского бека Мухаммад Шариф-бека туксубу в связи с произведением его в чин эшикоко-боши⁹⁸.

По сообщению главного бухарского закотчи от 8 июня 1903 г. на имя политагента, беком в Кабадиане был Шодмонбек туксоба⁹⁹.

В связи с тем, что беки Кабадиана были не в состоянии справиться с ростом недовольства трудящихся масс увеличением различных на-

логов и податей, эмир вынужден был их часто менять. В справке дипломатического чиновника Калмыкова на доклад генерал-майора Дрягина, составленный им 29 декабря 1908 г., указывается, что за последние 5 лет в Кабадианском бекстве сменилось три бека¹⁰⁰.

Согласно переписке политагентства с бухарским кушбеги от 15 марта, 31 июля и 23 августа 1913 г.¹⁰¹, беком в Кабадиане был Мирзо Давронбек туксоба и находился на этой должности, пока не началось массовое переселение местных жителей из Кабадианского бекства в соседний Афганистан. Было установлено, что Мирзо Давронбек, являясь шурином эмира, усилил взимание различных налогов. Поэтому население бекства, доведенное до крайности, вынуждено было бежать за пределы эмирата.

По свидетельству очевидцев, в бекстве имелись кишлаки, совсем оставленные жителями. Политическое агентство 11 февраля 1914 г. в сообщении первому департаменту МИД отмечало, что Мирзо Давронбек был смещен с поста бека по настоянию МИД и политагентства. Он был вызван в Кармине к эмиру¹⁰². Конечно, эмир был вынужден убрать своего ставленника, но никакого наказания Давронбек не понес. Наоборот, он продолжал занимать другие важные посты в эмирате, а затем вновь был назначен беком в Кабадиан.

В 1914 г. кабадианским беком стал Мирзо Махди Ходжа туксоба, который содействовал образованию концессионного товарищества в Айвадже¹⁰³. В 1916 г. он был переведен на другую должность, а беком Кабадиана был назначен Абдухалимбек туксоба, который продолжил дело своего предшественника; особенно много труда вложил он в развитие концессии в бекстве. В 1917 г. исполняющим обязанности бека был назначен известный поэт Мирзо Хаит.

Ввиду того что Кабадианское бекство считалось небольшим по территории и количеству населения, здесь казий одновременно являлся райсом. Так, в 1910 г. кабадианским казием и райсом был мулла Мухаммад Мансур¹⁰⁴. А через четыре года, согласно эмирскому указу, он занимал только одну должность — казия Кабадиана¹⁰⁵.

Казий был представителем высшей судебной власти в бекстве. Он так же, как и бек, назначался эмиром. Казий руководствовался шариатом в своей деятельности по судебному производству.

Следующим лицом в бекстве считался райс, на которого возлагалась обязанность следить за выполнением населением предписаний религии и шариата. Одновременно он был обязан наблюдать за порядком на базаре, снижением цен на продукты земледелия и скотоводства в базарные дни.

В административном отношении Кабадианское бекство разделялось на несколько амлякдарств (поземельно-податные участки). Это деление за исследуемый период часто подвергалось изменению, о чем свидетельствуют данные разных авторов.

По свидетельству капитана Лилиентала, небольшое Кабадианское

бекство делилось всего на два амлякдарства — Бешкентское и Бош-Чарбанское (т.е. Чарвакское)¹⁰⁶. Н.А.Бендерский тоже отмечал, что Кабадианское бекство было разбито на два амлякдарства¹⁰⁷. Профессор А.В.Нечаев, посетивший Кабадианское бекство в 1908 г., писал, что это бекство "состоит всего из трех амлякдарств (волостей)"¹⁰⁸. По словам Д.Н.Логофета, Кабадианское бекство в административном отношении делилось на следующие три амлякдарства: Кабадиан, Башкан (т.е. Бешкент), Баба дог (т.е. Бабатаг)¹⁰⁹.

Как видно, число амлякдарств в бекстве было непостоянным, по усмотрению самого бека.

Р.Ю.Рожевец писал о посещении им Кабадиана, где его часто навещал сын бека. "Постоянным нашим гостем за все 3 1/2 дня нашего здесь пребывания был сын бека, веселый молодой человек, лет 14-15, недавно побывавший в Бухаре и теперь назначенный амлякдаром в одном из кишлаков отцовского бекства"¹¹⁰.

Кабадианский бек Мирзо Махди Ходжа туксоба 20 марта 1915 г. в письме в Бухару сообщал, что к.Айвадж находится в 7 сангах¹¹¹ от Кабадиана, поэтому центром амлякдарства является к.Бешкент, который находится в 4 сангах от Кабадиана¹¹², т.е. в промежутке между Айваджем и Кабадианом.

Согласно списку представленных эмиру чиновников Кабадианского бекства, в бекстве был один мирахур¹¹³, один караулбеги¹¹⁴, три мирзобоши¹¹⁵ и пятнадцать чухрагоси¹¹⁶. Всего 20 навкаров¹¹⁷. Все эти бухарские чиновники часто не имели определенных обязанностей. Но любой из них мог быть вызван беком для исполнения того или иного поручения.

Согласно рапорту Самаркандского уездного начальника от 27 марта 1890 г., по собранным разведчиком сведениям, в г.Кабадиане имелось 60 навкаров и сипаев¹¹⁸.

Отдельные чиновники в Кабадианском бекстве выполняли поручения бека по оказанию помощи таможенной администрации и пограничным постам. Так, к Айваджской таможне в качестве навкара был прикреплен для оказания содействия в работе местный житель из Айваджа Рузи джебачи. В связи с тем, что он один не мог выполнять все поручения, в марте 1915 г. к таможне был прикреплен распоряжением бека еще один из местных чиновников — Бака Ходжа караулбеги¹¹⁹.

По словам капитана Лилиентала, в Кабадианском бекстве каждое амлякдарство делилось на саада, а в селениях каждого саада имелись аксакалы или старосты¹²⁰.

Н.А.Кисляков указывает, что саада является, по-видимому, остатком старого административного деления на сотни (сада). К этому же делению восходит, вероятно, и термин "мингбоши", что значит "главный над тысячей" (минг — тысяча).¹²¹ В письме на имя эмира, представленном кабадианским беком, указано 15 мингбоши (навкары Кабадианского бекства)¹²².

Таджикский поэт Мирзо Хаит (поэтический псевдоним Сахбо), живший в Бухаре до 1917 г., писал стихи, изобличающие произвол эмира и чиновников, за что был сослан в Кабадианское бекство. С.Айни писал о нем: "Когда началась Февральская революция, Сахбо объявил себя ее сторонником. Правительство немедленно заключило его в бухарскую крепость, а спустя некоторое время выслало в Кабадиан, где он и был убит в 1918 году во время событий, связанных с походом Колле-сова"¹²³.

В то время ему было уже за 70 лет; несмотря на пожилой возраст, из-за травли эмирских чиновников и местного духовенства он был избит, а затем убит фанатическим духовенством. По рассказу местных жителей, которые были очевидцами, казнью поэта руководил вновь назначенный в то время беком Кабадиана Давранбек, который привез приказ об убийстве Мирзо Хаита. Литературовед А.Абибов ошибочно пишет, что Мирзо Хаит (Сахбо) был казнен при эмире Абдул Ахаде (1885-1910 гг.)¹²⁴.

Беков, которые направлялись в Кабадианское бекство из Бухары, не хоронили здесь; тела их вывозились в Бухару. Так, 4 января 1919 г. умер кабадианский бек Давранбек бий. Тело его перевезли в Бухару и похоронили на кладбище Имла.¹²⁵

После смерти Давранбека временно должность кабадианского бека исполнял Мулло Исо эшик-око-боши. Накануне установления Советской власти и прихода частей Красной Армии он бежал в Афганистан, где выступал одним из вдохновителей басмаческого движения в Таджикистане.

Беки, как и другие чиновники, жестоко эксплуатировали трудящиеся массы и старались как можно больше получить доходов. Один из жителей Кабадианского бекства в беседе с А.В.Нечаевым говорил: "Бек чужим живет, народ грабит"¹²⁶.

Другие жители в своей критике не останавливались на беках. Их недовольство распространялось дальше. Даже о самом эмире они были весьма нелестного мнения. "Что эмир делает? Заботится о народе? Ничуть. Только с девушками забавляется. А Бухару кто караулит? Не эмир, а русские. Если бы не русские, Бухару Афган давно бы взял. Дороги кто проводит? Тоже русские, а эмир народ грабит, в тюрьмы сажает, головы рубит."¹²⁷

Вся местная администрация, жестоко эксплуатировавшая население для извлечения больших доходов, являлась опорой эмирской власти в Кабадианском бекстве.

Судопроизводство. В Бухарском ханстве писанные и неписанные законы основывались на мусульманском феодальном праве — шариате, закреплявшем классовую эксплуатацию и бесправие трудящихся. Блюстителем шариата было духовенство — неотделимый элемент эксплуататорской верхушки. Оно играло важную роль в управлении государством и в эксплуатации трудового народа¹²⁸. В руках мусульманского духовенст-

ва полностью находилась судебная власть как в самом эмирате, так и в бекстве.

В Кабадианское бекство, как и в другие бекства эмирата, казии назначались, как правило, из числа лиц, знакомых с мусульманским правом и имевших соответствующие знания.

Казии разбирали дела на основе шариата, который устанавливал права — привилегии для имущих классов и закреплял бесправие трудовых масс. Судьи толковали шариат так, что всегда и везде придавали его нормам то значение, которое соответствовало интересам эксплуататоров. Если в суде обвинялись представители эксплуататорских классов, суд старался смягчить их вину, а подсудимым из трудящихся выносили суровые приговоры¹²⁹.

Судебная система в бекстве, как и во всем эмирате, строилась на феодально-сословной основе. Неограниченной судебной властью пользовался эмир, беки и другие высшие эмирские сановники.

Казийские суды в бекствах характеризовались следующими особенностями: полным отсутствием выборности и коллегиальности при рассмотрении дел и вынесении приговоров, отсутствием кассационной и апелляционной инстанций, запутанностью применяемых правовых норм, неопределенностью судопроизводства. Казийские суды верно защищали интересы феодалов, баев и духовенства.

Казию выделялись, кроме различных сборов, взимаемых за разбор гражданских дел, доходы с селения или с определенного участка земли. Большую прибыль получал он и от побочных доходов в виде подношений со стороны лиц, в пользу которых решалось дело. Казий решал вопросы о назначении мутавалли, надзоре над имуществом малолетних и т.п., принимал участие в административных делах. Казиям при бекствах были подчинены казии ноиб-кози в амлякдарствах. Обычно бекские казии жили в центральном городе бекства. Казии амлякдарств назначались и освобождались верховным казием в Бухаре¹³⁰.

Казии не получали от казны содержания. Они жили на денежные сборы за разрешение дел, за совершение юридических актов, касающихся брака, за совершение купчих крепостей на землю, утверждение сделок, завещаний. При этом они не заботились об установлении справедливости в рассматриваемых делах, а стремились лишь обогатиться, что в конечном счете ложилось тяжелым бременем на трудящихся. Защищая интересы имущих классов, казии, конечно, не могли быть беспристрастными.

"Красной нитью во всех судебных разбирательствах проходит явная несправедливость и удивительно легкомысленное отношение к судопроизводству".¹³¹

В местном судопроизводстве даже простой привод какого-либо лица к амлякдару или казию рассматривался как дело уголовного характера. Чтобы освободиться от такого рода обвинения, необходимо было уплатить штраф различным чиновникам местной администрации, а в слу-

чае отказа обвиняемого подвергали аресту. Освободиться из-под ареста можно было лишь тогда, когда уплачивался штраф или же находился поручитель. А что касается поручителя, то он за каждый просроченный день был обязан уплачивать на 25% больше обычного.

Из документа, опубликованного Б.И.Искандаровым, видно, что собранные штрафы полностью распределялись между бухарскими чиновниками и их родственниками. Документ свидетельствует, что кабадианскому казию мулла Ханиф Ходже было поручено расследовать донесение Ташмурад-бая Бердиали из крестьян Кабадианского бекства о том, что тамошний житель Дустмурад обвинил пастуха Махмада, пасшего скот Ташмурад-бая, в воровстве и привел его к Амиру Карабеку парвоначи. Сам пастух оправдался, что же касается его хозяина Ташмурад-бая, то он был арестован и под угрозой с него взяли 1050 тенег.

Кабадианский казий для расследования этого дела прибыл в к.Ок и опросил местных жителей. Они заявили, что деньги в сумме 800 тенег были даны самому Амиру парвоначи, 100 тенег получил его сын Сарти-бек вместе с ясаулом-баши, а оставшиеся 150 тенег получили мирахур и аксакал Мирза-Мавлан, заявив, что берут их как аксакальские¹³².

О злоупотреблении местного судьи своим служебным положением свидетельствует следующий факт, который не могли скрыть даже бухарские чиновники.

Судья мулла Ханиф Ходжа из к.Сайёд Кабадианского бекства обвинил одну целомудренную девушку со слов злонамеренного человека в прелюбодеянии. Он привел ее к себе и продержал две ночи. На третий день позвал брата девушки и заявил, что видел его сестру, что она жива-здоровая и что брату следует дать за услуги его человеку 50 тенег, а человеку кабадианского бека Абдусаторбека еще 100 тенег. Тогда он сможет взять свою сестру домой. Брат девушки со своими односельчанами пришел к двум аксакалам этого округа с просьбой пойти к беку и просить его заставить судью объявить, что его сестра невинна и здорова. По словам очевидца, судья позвал этих аксакалов и опозорил с целью опять получить 150 тенег. Аксакалы ходили к беку. Они в своей жалобе писали: "Судья, услышав об этом, спешно прибыл в крепость (к правителю) и, не обращая внимания ни на чьи слова, приказал Абдусатор-беку посадить в тюрьму этих двух проклятых людей (т.е. нас)"¹³³.

Более или менее сложные дела казий решал на основе ривоятов - юридических заключений, в которых были заинтересованы стороны. Важным лицом в отправлении правосудия являлся муфтий.

Муфтий был мусульманским законоведом, который пользовался среди мусульман авторитетом и назначался из числа знатоков шариата. Он имел право писать фетвы (юридические решения законоведов, обоснованные ссылками на Коран и хадисы) и ривояты (обоснование юри-

дических заключений ссылками на источник права) по различным спорным вопросам религиозного, имущественного и уголовного характера. Обычно муфтий имел свою именную печать, которой скреплял составленные им ривояты, заявления, акты и другие юридические документы.

К мерам наказания, сложившимся в соответствии с буквой и духом шариата, относились денежный штраф, телесное наказание (обычно палками и плетью), арест в амлякдархоне, заточение в зиндане (темнице) на различные сроки, отдача в солдаты (навкари) для пожизненной службы, смертная казнь и т.д.¹³⁴.

"Казий бекства имеет право дать до 25 палок, наиб. (казий амлякдарства) - до 9 палок, но с такой градацией: 3,5,7,9, значит 1,2,4,6 и 8 палок давать нельзя - противно закону.

Эмир может дать не более 75 палок, бек - 45 и амлякдар - 25. Тоже есть какая-то градация...

Палкой бьют по спине, так, кажется, полагается и по закону, но есть такие звери, которые приказывают бить "кругом", т.е. бьют по пяткам, спине, лопаткам, груди, желудку и животу"¹³⁵.

Смертная казнь и телесные наказания совершались палачами обычно в базарные дни на главной площади города, для устрашения народа и внушения ему необходимости безропотного подчинения власти.

Как отмечали очевидцы, редко бухарский подданный не бывал битым 4-5 раз за свою жизнь. Палка для экзекуций всегда хранилась у хауза с водой, чтобы она была сырой и гибкой. Беки и амлякдары постоянно нарушали законы, приговаривали к наказаниям больше положенного. Били до тех пор, пока наказуемый не уплачивал соответствующую плату или не находился поручитель, который, уплатив, освобождал наказуемого¹³⁶.

К мерам наказания относилось также заточение в зиндане, где виновного заковывали в цепь и колодку. Очевидец отмечал: "В колодки и на цепь попадают все, кто подвергается задержанию более 2-3 часов. Часто самый обыкновенный должник с долгом в 3-4 тенги или не уплативший хизматоны¹³⁷ сидит рядом с разбойником, но еще чаще - должник сидит, а разбойник гуляет по двору и убегает, уплатив, конечно, 1/2 - 3/4 из награбленного амлякдару или беку"¹³⁸.

Местные казии под разными предлогами могли обвинить любого жителя бекства и посадить в тюрьму. Вот что рассказывал Эшман Тошманов: "В 1919 г. ко мне пришли двое вооруженных людей от казия и, завязав за спину руки, повели в казихану. Там мне объявили, что прошлой ночью убиты двое торговцев из Пешавара. В казихане мне нанесли 500 ударов по лицу ладонями, а затем, свалив на землю, стали бить гранатовыми прутьями по ногам. Затем заковали руки и ноги к бревну и бросили в местную тюрьму при крепости. Здесь я просидел 13 месяцев. За это время я весь оброс, волосы достигли плеч, ногти отросли. Кормили меня мои родственники. Кроме меня там оказались еще трое

и всех нас хотели отправить в Бухару, но в связи с революционными событиями оттуда поступило предписание не направлять нас в Бухару, поэтому мы остались здесь. После падения Бухары мы были освобождены".

Если в чем-либо обвинялись женщины, то их наказывали по-другому. Женщину сажали в мешок вместе с кошкой и завязывали, а затем плеткой один раз ударяли по кошке, один раз — по женщине.

Суд применял самые жестокие и дикие меры наказания за преступления против религии, под которые подводили даже тех, кто имел малейшие связи с русскими. Так, Хаит Абдурахимов в к. Айвадж познакомился с русскими пограничниками и, с их помощью изучив русский язык, начал работать переводчиком. Бек Кабадиана, узнав об этом, приказал наказать Хаита Абдурахимова палками за измену вере ислама и посадил в тюрьму. Только с победой революции Хаит Абдурахимов был освобожден. Затем он активно участвовал в борьбе за Советскую власть¹³⁹.

Место для заключения в Кабадиане находилось при входе в бекскую крепость. Это была глубокая яма в башне крепости, темное и сырое помещение, где на полу была разбросана солома, кишая насекомыми и грызунами. Темница вообще не проветривалась, и поэтому здесь постоянно был спертый воздух и зловоние.

В отправлении правосудия в бекстве важную роль играл раис — блюститель шариата. Он также назначался эмиром. В его обязанности входило: контроль за выполнением жителями обрядов религии (посещение мечети, соблюдение намазов, знание молитв и т.д.), напоминание должникам об уплате долгов, наблюдение за порядком на улицах, за чистотой улиц и площадей, за правильностью продажи на базарах (соблюдение мер и весов, доброкачественности продаваемых продуктов и товаров и т.д.). Раис подвергал нарушителей ударам "дарры"¹⁴⁰, а затем накладывал штраф, размер которого устанавливал сам.

Нетрудно видеть, что при отсутствии какого-либо порядка в назначении размера штрафа создавалась неограниченная возможность для узкосословного подхода к решению этого вопроса, не говоря уже о том, что штрафы составляли источник личного дохода раиса.

Судебная власть в бекстве, кроме казиза и раиса, принадлежала также лицам местной администрации — беку и амлякдару, пользовавшимся правом разбора различных дел.

Исследователь судопроизводства в эмирате писал: "Все чиновники Бухары — судьи. Всякий чиновник может судить, но главным образом судят, как выше было упомянуто, амлякдар и казий"¹⁴¹.

Этот факт как нельзя более ярко подтверждает феодальный характер права в эмирате. Лица, обладавшие силой, даваемой их положением в системе государственной власти, вместе с тем брали на себя функции правосудия.

Устройство и деятельность судов показывает, что суд в бекстве являл собой надежное правовое учреждение для защиты феодальной собственности и правопорядка в интересах господствующего класса. Суд был поистине тонким орудием защиты "денежного мешка".

Для эмирата были характерны произвол и гнет эмира, беков, судей. Представители власти, защищавшие интересы богачей, оскорбляли честь и достоинство трудящихся, попирали их права. И все это делалось от имени "священных" законов шариата, который был орудием классового господства эксплуататоров над трудовым народом.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАБАДИАНСКОГО БЕКСТВА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Зерноводство. Кабадианское бекство, как и вся Восточная Бухара, вплоть до установления здесь Советской власти, было аграрным районом. Основным занятием местного населения являлось сельское хозяйство.

В конце XIX и начале XX в. в Кабадианском бекстве господствовал феодальный способ производства, а при феодализме в руках господствующего класса находятся средства производства и прежде всего — земля. Поэтому феодальная земельная собственность является основой данного социального строя.

Ведущей отраслью сельского хозяйства в бекстве являлось земледелие, где преобладало натуральное хозяйство.

Благодаря тому, что Кабадианское бекство занимало долину р.Кафирниган и Бешкентскую долину, богатую родниковыми водами, здесь имелась возможность для искусственного орошения земли, а в горной части выпадали значительные осадки, и местное население возделывало земли без искусственного орошения.

Жители Кабадианского бекства сеяли в основном зернобобовые культуры: пшеницу, ячмень, джугару, рис, просо, маш, горох и др.

Хотя сельское хозяйство и являлось важной отраслью народного хозяйства, велось оно самым примитивным способом.

Несмотря на то что Кабадианское бекство располагало прекрасными долинами, которые орошались реками и родниками, населению иногда не хватало своего хлеба. Приблизительные данные по важнейшим видам сельскохозяйственных культур, собранные в 80-х годах XIX в. по Кабадианскому бекству капитаном Н.Н.Покотило¹, показывают средний урожай по отдельным культурам, ежегодно снимаемый жителями бекства (в тыс. батманов): пшеница — 10, ячмень — 1, мелкий хлеб² — 1, рис — 3.

Н.Н.Покотило, подсчитав, что в среднем на человека в год необходимо 12 пудов хлеба, пришел к выводу, что в Кабадианском бекстве своего продовольствия не хватало³.

Капитан Лилиенталь отмечал, что в этом "бекстве хлеба едва хватает для прокормления собственного населения..."⁴. А когда в бекстве появлялась саранча, то своего хлеба населению не хватало. Лилиенталь указывал, что в течение уже четырех лет этот край подвергался налету саранчи, которая в предыдущие три года дочиства съела весь хлеб, а в текущем, т.е. 1889 г. "саранча также появилась, но, к счастью, несколько позже, так что жители успели убрать значительную часть посева до ее появления и поэтому говорили мне, что в этом году хлеба хватит и не придется голодать, как в предыдущие годы"⁵.

Низкий уровень сельскохозяйственной техники, примитивная обработка почвы не обеспечивали устойчивых урожаев. Часто посевы поражала засуха, ранние заморозки, саранча, град. От неурожаев страдала значительная часть населения бекства. Цены на хлеб в неурожайные годы повышались в несколько раз.

В начале XX в. заметно увеличилась площадь под посевы зерновых культур, особенно пшеницы, риса и ячменя.

Посевные площади Кабадианского бекства, по данным Генштаба, в 1908-1909 гг. составляли 5 тысяч десятин, а по данным эмирского правительства, в 1914 г. посевная площадь достигла 38 700 танавов⁶, или 9675 десятин.

По всей вероятности, это было связано с тем, что в 1914-1916 гг. Россия сократила ввоз хлеба в связи с началом первой мировой войны, а в это время резко повысился спрос на хлебные продукты.

В Кабадианском бекстве, по сведениям, собранным А.П.Колпаковым, из земледельческих культур в основном сеяли пшеницу, рис, бахчевые. В хозяйстве богачей высевалось по 5 батманов (80 пудов). Бедняки-крестьяне засевали большую часть своих клочков земли теми же культурами⁷ в небольшом количестве. Н.А.Маев писал: "Кабадиан окружен рисовыми полями, благодаря близости реки"⁸.

Л.Ф.Костенко отмечал: "От Кабадиана дорога идет по местности, занятой рисовыми полями, и поэтому сильно затопленной и нездоргой"⁹.

Большими площадями для посева риса владели кабадианский Эшан Сулейман-хан, Бобосаянбой, Гафурбай. Известный в Кабадиане Эшан Тура, выходец из Афганистана, имел 70 танавов прекрасной поливной земли для посева риса.

При посещении Кабадианского бекства Н.А.Маев отмечал, что в черте города Кабадиана "находятся также многие клеверные поля"¹⁰.

С включением Бухарского ханства в русскую таможенную черту и организацией воинских пограничных застав в Кабадианском бекстве площади посева клевера резко увеличились. Жители к.Бешкент стали продавать его русским пограничным постам. Они сами возили клевер на посты, либо пограничники приезжали в Бешкент. В первом случае жителям оплачивали провоз от кишлака до поста, где покупался клевер¹¹.

В районе Тешик-Таша сеяли кунжут, дававший прекрасные урожаи¹².

Горный Бабатаг являлся весьма важным районом возделывания богарных культур, главным образом пшеницы, ячменя, льна, кунжута и в большом количестве богарной гузы¹³.

В Кабадианском бекстве выращивали тыкву, которая применялась для изготовления посуды. Посудная тыква имела изящную грушевидную форму. Осенью созревшие и красивые по форме тыквы ставили на сушку. Через несколько недель внутренность высыхала, а наружный слой становился твердым. Тогда со стороны узкого горлышка вырезали отверстие и вытряхивали высохшие семечки. Посуда готова. В такой посуде держали питьевую воду, крупы, бобовые и другие злаковые.

Эти же тыквы с давних времен использовались при переходе через бурные реки (Кафирниган, Вахш, Пяндж). С этой целью в тыкве после высушивания отверстия не делали, две, а иногда и больше таких тыкв связывали крепкой веревкой. Когда человек с тыквами погружался в воду, они всплывали и помогали ему держаться на воде¹⁴.

Хлопководство. Развитие хлопководства в Кабадианском бекстве в конце XIX и в начале XX в. частично освещено в многочисленных работах дореволюционных авторов и советских ученых. Однако история хлопководства в отдельных бекствах Бухарского эмирата не получила еще должного освещения.

Многие авторы, говоря о причинах относительно быстрого роста хлопководства в эмирате во второй половине XIX в., объясняли его хлопковым кризисом на мировом рынке, вызванным гражданской войной в США 60-х годов XIX в. Но это была лишь одна из причин, ускоривших развитие хлопководства в эмирате. Решающее значение имело втягивание Бухары во всероссийский капиталистический рынок, создавшее экономические условия для увеличения производства хлопка, роста товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Проникновение русского капитала стало особенно интенсивным после проведения железных дорог в Средней Азии¹⁵.

В Кабадианском бекстве местное население хлопководством занималось издавна, но до 90-х годов XIX в. оно в хозяйственной жизни края не играло заметной роли. Хлопок в основном шел для удовлетворения местных нужд. К тому же местный сорт хлопка — гуза не давал высоких урожаев, его волокно было коротким, грубым и трудно очищалось.

По данным В.И. Масальского, в 1890 г. в Кабадианском бекстве было собрано 240 пудов хлопка¹⁶.

По данным агронома Шумкова, под хлопчатником в Кабадианском бекстве в 1911 г. числилось 100 десятин земли¹⁷. В 1914 г. площадь под хлопчатником составляла уже 60 десятин¹⁸. Таким образом, через три года хлопковая площадь сократилась на 40 десятин. Согласно статистическим и официальным данным бухарского правительства, на 1914 г. в Кабадианском бекстве было 300 танатов хлопковой площади, с которой собирался урожай в 600 батманов¹⁹.

По сведениям П.П. Введенского, в 1914 г. валовой сбор хлопка в Кабадианском бекстве составлял 600 батманов, а на душу населения приходилось 15 фунтов хлопка. Это было небольшое хлопковое хозяйство, которое не носило промышленного характера. На душу населения приходилось 9 кв. сажень посевной площади хлопка²⁰.

Таким образом, в 1914 г. хлопководство Кабадианского бекства было в зачаточном состоянии и отражало все особенности замкнутого хозяйства, где хлопок служил в основном целям домашнего хозяйства.

С появлением в эмирате хлопкоочистительных заводов хлопок-сырец все меньше очищался вручную, это позволило дехканам-хлопкоробам больше заниматься выращиванием хлопчатника. Но его производство было очень трудоемким процессом, отнимавшим у дехкан много времени. Часто им не хватало семян, рабочего скота для обработки полей, удобрений, сельскохозяйственного инвентаря и т.д. В таких случаях представители различных хлопковых фирм, владельцы хлопкоочистительных заводов и множество их посредников давали дехканам-хлопкоробам заранее (обычно весной) задаток, при условии, что осенью хлопок они будут продавать только тем лицам, которые давали задатки. Эксплуатация торгово-ростовщическим капиталом мелких товаропроизводителей в хлопководстве по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства проявлялась более отчетливо. Опутывание дехкан-хлопкоробов представителями различных хлопковых фирм, торгово-ростовщическими элементами прослеживается во всех процессах производства хлопка; феодальная и капиталистическая эксплуатация их особенно ярко проявилась в так называемой задаточной системе.

Прежде чем дать кредит, хлопкокупочные фирмы заранее изучали через своих агентов-комиссионеров кредитоспособность непосредственных производителей. Фирмы, чтобы твердо себя обеспечить хлопком-сырцом и постоянно иметь поставщиков, стремились закрепить за собой хлопкоробов, используя с этой целью услуги местной администрации.

Хлопководство в Бухарском эмирате развивалось под влиянием противодействующих сил. Кредитование хлопкоробов фирмами, распространение новых сортов хлопчатника, рост спроса на хлопок стимулировали развитие этой отрасли. Однако бухарские власти и русские капиталисты не принимали мер к улучшению технической базы хлопководства, изменению условий жизни и труда хлопкоробов.

Колониальный гнет, эмирская деспотия, господство феодальных отношений, крайне тяжелое положение дехканских масс, низкий уровень производительных сил — все это препятствовало развитию хлопководства в эмирской Бухаре.

Ирригация, основа сельского хозяйства, была запущена до крайности. Методы и средства орошения были архаичными. Поля дехкан страдали от маловодья²¹.

В горной части Кабадианского бекства в районе Бабатага на богаре возделывалась в большом количестве богарная гуза²². Крупные

землевладельцы высевали от 4 до 5 гектаров гузы, а бедные дехкане под хлопчатник отводили чаще всего междурядья среди бахчей²³.

Накануне установления Советской власти из Кабадианского бекства вывозилось до 3000 пудов хлопка. Главными поставщиками хлопка являлись кишлаки Кур-Джалаль, Чирчик, Джар-Курган и Шах. Хлопок вывозился в неочищенном виде по направлению к Амударье и затем направлялся на Термезские хлопкоочистительные заводы²⁴.

В конце XIX – начале XX в. в Кабадианском бекстве происходил рост хлопководства, однако медленными темпами, что объяснялось господством феодальных отношений, сдерживавших развитие производительных сил в сельском хозяйстве и экономике бекства в целом.

Жители бекства занимались также садоводством. Подъезжая к центру бекства в 1898 г., А.А.Семенов увидел "утопавший в садах, широко раскинувшийся Кабадиан"²⁵.

Н.А.Маев еще в середине 70-х годов XIX в. упоминал о садах Кабадиана²⁶.

В квартале Киет г.Кабадиана в основном сеяли бахчевые культуры, главным образом дыни, отличавшиеся высоким качеством²⁷. В квартале Гузари-Боло был сад, но А.П.Колпаков, упоминая об этом саде, ничего не пишет о том, кому он принадлежал²⁸.

Скотоводство. В конце XIX – начале XX в. одним из основных занятий населения Кабадианского бекства являлось скотоводство.

Местные жители разводили курдючных и грубошерстных овец, коз, выносливых лошадей, предназначавшихся для верховой езды, малоудойный крупный рогатый скот, верблюдов (в основном туркмены), в небольшом количестве ослов. От скотоводства местные жители получали мясо, сало и молочные продукты, сырье для домашней промышленности, для ремесла; некоторые виды скота служили тягловой силой на сельскохозяйственных работах, а также использовались для верховой езды и как транспортное средство.

В Кабадианском бекстве было развито овцеводство, которое занимало основное место в скотоводстве. Баранина служила главным продуктом питания для всего населения, а также являлась основным предметом внутренней и внешней торговли бекства.

Военный топограф Косяков, посетивший в составе экспедиции доктора Регеля в 1882 г. Кабадианское бекство, отмечал, что все жители по р.Кафирниган, как оседлые, так и кочующие, принадлежат к узбекам и таджикам; "они занимаются преимущественно скотоводством, так как долина Кафирнигана представляет превосходные пастбища"²⁹.

Население бекства использовало огромные пространства предгорий Бабатага и поймы рек для развития скотоводства, которым занимались главным образом узбеки, туркмены и местные арабы.

Крупные скотовладельцы бекства всегда старались преуменьшить сведения о количестве имевшегося у них скота, чтобы утаить часть налога, бравшегося со скота бухарскими властями.

По данным Н.Н.Покотило, во второй половине 80-х годов поголовье скота в Кабадианском бекстве исчислялось в следующем количестве: верблюдов 500 голов, рогатого скота 15 тысяч голов и лошадей 7 тысяч голов³⁰, т.е. всего 22 500 голов.

По данным Генштаба, в 1908–1909 гг. численность скота в бекстве была 37 740 голов, а в 1914 г. она уменьшилась до 15 900 голов³¹.

Во всем бекстве мелкий рогатый скот преобладал над крупным, здесь в основном занимались разведением овец и коз.

Сокращение численности скота накануне первой мировой войны было связано с интенсивным вывозом его в крупные города эмирата и Туркестанского края. Кроме того, часто происходил падеж скота, вызванный различными заболеваниями. Очень много скота гибло во время холодов, так как не было зимних помешений и не хватало иногда заготовленных на зиму кормов.

Крупное товарное скотоводство вели местные баи. Их товарная продукция составляла заметную долю продуктов скотоводства, поступавших на рынок, а бедняцкие хозяйства продавали свой скот на рынке зачастую из-за нужды, чтобы удовлетворить свои потребности в зерне, промышленных товарах, уплатить подати.

Скот продавался местным населением на базарах бекства, а также непосредственно в лавках, куда специально приезжали перекупщики скота для перепродажи в другие районы эмирата.

Наряду с увеличением поголовья скота в начале XX в. возросла потребность в продуктах скотоводства (невыделанные кожи, шерсть, конский волос и в меньшей степени молочные продукты). Основная часть скотоводческого сырья потреблялась в самом хозяйстве для изготовления различных предметов домашнего обихода и для сельскохозяйственных нужд. Потребности ремесленников и обрабатывающей промышленности в скотоводческом сырье все же были небольшими. Поэтому оно вывозилось скупщиками в промышленные районы.

Профессор А.В.Нечаев, посетивший Кабадианское бекство в августе 1908 г., в своих путевых очерках описал одного крупного скотовода-узбека, у которого он останавливался. У него было до 15 тысяч голов баранов, не считая другого скота. Весной стада этого бая паслись на равнине Тибау, а летом угонялись в Алайскую долину. "Для примотра за стадами вместе с ним отправляется один из сыновей узбека со штатом наемных пастухов. Плата последним производится натурой: за пастбу 1000 баранов в течение года пастух получает 20 баранов. Сверх платы полагается подарок, и тоже баранами. Хорошо служивший, сумевший угодить хозяину пастух подарком удваивает свой заработок"³². На самом деле, положение так называемых дахмарда, или чабанов, было очень тяжелым. Они фактически являлись батраками у крупных скотовладельцев и нанимались на кабальных условиях. При расчете хозяин учитывал все – удерживал с него даже за тех баранов, ко-

торые были задушены или унесены хищниками. В конце концов, пастух даже оказывался в долгу у скотовладельцев.

В Кабадиане крупным скотовладельцем был Бури-бай, который имел свыше 2 тысяч баранов и около 50-60 коров. Кроме того, он торговал продуктами животноводства, а также перепродавал скот.

А.П.Колпаков писал, что у крупных скотовладельцев Кабадиана были значительные стада овец. "Преобладали гиссарские овцы, каракулевых было меньше. Все же некоторые богачи имели от 2000 до 2500 голов". Далее он указывал: "Каракулевые шкурки во времена эмирата продавали афганским купцам по цене от 15 до 20 руб. за штуку"³³. По всей вероятности, цена эта завышена.

Недалеко от г.Кабадиана в к. Ахча население, состоявшее из узбеков племени дурмен, занималось овцеводством³⁴.

Самым крупным скотовладельцем в к. Кушачинар накануне победы Советской власти был Ходжи Авганбай, имевший много мелкого скота и 50-60 коров.

Крупные землевладельцы Кабадианского бекства Гаиб-бай и Эшмат-бай владели большими стадами овец. Для пастбы они нанимали пастухов — как местных жителей, так и приезжих из горных бекств, которые приезжали в бекство в поисках работы и были согласны работать даже на самых тяжелых условиях. Обычно их труд очень плохо оплачивался; они не могли свести концы с концами и после нескольких лет работы пастухами у крупных скотовладельцев оставались такими же бедными.

С конца XIX в. многие хозяйства уже начали заготавливать корм для скота — скашивали естественные травы и занимались травосеянием. Травосеяние являлось составной частью зарождавшегося торгового скотоводства, оно проводилось повсеместно, кроме горной части. Широко практиковалось в близлежащих к пограничным постам кишлаках.

При посещении в 1882 г. Кабадианского бекства военный топограф Косяков указывал, что в г.Кабадиане внутри крепости местный бек посеял клевер³⁵.

В начале 1895 г. Кабадианское бекство посетил Н.Бронников, который отмечал, что в местных садах имеются посевы люцерны³⁶.

Площади под посевы люцерны и клевера увеличились с установлением русских постов на границе с Афганистаном, когда возросла потребность в корме для коней пограничников.

В конце XIX и особенно в начале XX в. с увеличением денежных податей, а также с введением уплаты новых податей в денежной форме скотоводство сыграло известную роль в развитии товарного производства и обмена. Местные жители для уплаты денежных податей и покупки ремесленных и промышленных товаров вынуждены были продавать определенную часть скота, а также скотоводческой продукции.

Водоснабжение и ирригация. Очень важное значение в Кабадиан-

ском бекстве имело искусственное орошение. Главное богатство этого края заключалось в орошенных долинах, без которых было бы невозможно развитие многих отраслей сельского хозяйства.

Известно, что земледелие в Средней Азии с древнейших времен зависело от искусственного орошения, которое являлось, как определял К.Маркс, "основой восточного земледелия"³⁷.

В Кабадианском бекстве основными источниками орошения полей являлись реки Кафирниган и Амударья. Кроме того, население использовало для орошения полей родниковые воды.

Прибрежная низменная Амударьинская полоса от границы с Хатын-Рабатом до устья р.Кафирниган орошалась водами, выводимыми из р.Амударьи³⁸.

Кафирниганская долина состояла из двух долин (Бешкентской, Кабадианской), которые снабжались водой из Кафирнигана, за исключением северной части Бешкентской долины, отгороженной от реки горной грядой Арыктау, которая писталась группой ключей Хазрати Чашма, или Чилу Чор Чашма.

Группа ключей Чилу Чор Чашма (сорок четыре родника), или Хазрати Чашма (святой родник), расположенных в отрогах горной гряды Арыктау, являет собой одно из удивительных творений природы. Сливаясь воедино, сорок четыре родника, неустанно выбивающихся из-под скал, образуют единый глубокий водоем с чистой водой, откуда она по каналу идет на орошение Бешкентской долины.

Автор начала XIX в. Худайберды бин Кушмахаммад Хорезмий в своем сочинении "دل غرایب" ("Мышление чужестранца") говорит о 44 родниках в Кубадиане (Кабадиане), цветущих садах, бахчевых посевах и чудесном воздухе в этом горном районе³⁹.

Из этих родников выходил магистральный канал, а от него были отведены арыки, которые орошали кишлаки, расположенные в северной части Бешкентской долины: Тулхор-арык питал кишлак Тулхор; Сангова-арык — Сангова; Бешкапа-арык — Бешкапа и Дарахшо; Арабхона-арык — Арабхона и Бешкент.

Как видно, каждый из ключей питал по крайней мере по одному кишлаку, а некоторые из них — и по несколько.

Остальной земельный массив Кафирниганской долины орошался правыми и левобережными самотечными каналами, выводимыми из р.Кафирниган.

Так, с правой стороны группа кишлаков — Шаартуз, Саят, Чуянчи, Хошади и другие питались водами арыка Шаартуз, имевшего голову в одноименном кишлаке и простиравшегося вдоль берега реки на протяжении 20 верст⁴⁰.

По подсчету А.Маджлисова, в районе Кабадианского бекства из Кафирнигана было выведено 12 арыков, каждый из которых назывался именем того или иного кишлака⁴¹.

Самой многочисленной была левобережная группа каналов:

1. Арык Кобля. Из-за неправильно заложенного дна и частого смыва головы этого канала вода не всегда поступала на полные земли в достаточном количестве.

2. Арык Окуйля обслуживал около 80 дворов, орошал около 120-150 десятин земли⁴². Этот канал требовал значительных затрат для очистки и ремонта после каждого сезона полива.

3. Арык Кият орошал 150 десятин земли, обслуживая около 80 дворов⁴³ и требовал очистки и ремонта после поливного сезона.

Мирабы определяли расход воды в вышеуказанных арыках по одному тегерману (мельнице), т.е. по местному счету. Это такое количество воды, которое в состоянии привести в движение один местный мельничный постав. Авторы отчета о поездке в ТАССР в 1925 г. отмечают, что "можно определить величину "тегермана" около 3-5 секундо-фунт, что будет сходиться с другими признаками расхода арыка, так: обеспечение водою около 80 дворов каждым из них, или около 120-150 десятин"⁴⁴. С.Жалилов пишет: "Мельница - обычная единица измерения воды, равная 1/5 части 1 м³/сек или 200 литров воды в секунду"⁴⁵.

Десятая часть "тегермана" называлась "дахана"⁴⁶. Ввиду отсутствия специальных приборов для измерения количества расходуемой воды в различных районах Средней Азии существовали различные приемы распределения воды⁴⁷.

Как отмечает М.А.Абдураимов, порядок распределения воды в период раннего средневековья, записанный арабскими географами, сохранился вплоть до XX в.⁴⁸

4. Арык Каджага был более мощным, чем отмеченные выше, и орошал земли около 150 хозяйств. Количество воды в нем определялось тремя "тегерманами"⁴⁹.

5. Арык Нагар, или Катта-арык, был самым большим во всем этом районе. Длина его составляла около 40 верст, ширина в районе Кабадиана достигала 8 м, он обеспечивал полив 2500-3000 десятин земли. По определению специалистов, при нормальной чистке арыка Нагар и при устройстве более надежной головы расход воды в нем без большого труда можно было значительно увеличить и он мог орошать всю левобережную долину р.Кафирниган⁵⁰.

Арык Нагар брал начало верстах в десяти выше Кабадиана, довольно круто направлял свою трассу к подошве гор и, протекая по повышенным точкам местности, удовлетворял водой весь район. Хвост канала терялся в песках Тешик Таш.

Голова канала была обычного местного типа, заложена в береге р.Кафирниган, под острым углом к последнему. Для наилучшего захвата струи от головы канала в русло реки под углом навстречу течению вводилась шпора длиной до 10 сажен из особых хворостяных плетенок "годжава", наполненных булыжником. Эти "годжава", подобно тяжелым

фашинам, перекачивались к месту и там устанавливались в ряд.

Установка такого рода шпор в быстро текущей реке была связана с большими трудностями и опасностью для жизни людей, которые устанавливали их.

Примитивно велась работа по расчистке головной части канала от галечных наносов. По свидетельству специалистов, эта работа производилась следующим образом: "Так, группа рабочих по три человека, из которых один направляет лопату, а двое тянут ее из-под низу за два тяжа и, таким образом, кое-как вытаскивают галечник, занимаются тем, что перекачивают его с места на место по направлению течения в канале - в глубокую его часть, вместо того чтобы выбросить галечник на берег и тем упростить задачу"⁵¹.

Работа по очистке ирригационных каналов и головных частей каналов была натуральной повинностью. Каждый кишлак был обязан поставлять определенное число рабочих рук с определенных земельных единиц.

В весеннее время в очистке арыка Нагар принимало участие до 1000 человек рабочих ежедневно, и работа заканчивалась в течение двух недель.

Наблюдавшие за ирригационной сетью и распределением воды мирабы выполняли важную работу. Обычно это были авторитетные люди, известные своей неподкупной честностью и справедливостью. Отвечали они за каждую каплю живительной влаги.

Мирабов население избирало из своей среды обычно пожизненно, переизбирались они лишь в редких случаях. Мирабы получали от землевладельцев за свою работу плату натурой или деньгами. Как отмечает М.А.Абдураимов, в некоторых общинах мирабы служили ради почта или за право полива своего посева вне очереди⁵². Вопросы распределения воды в Бухарском эмирате рассматривал в своих работах Д.Н.Логофет⁵³.

Основной причиной неправильной обработки земли являлась несовершенная система ее орошения, так как в результате безответственного хозяйничанья бухарской администрации разрушалась ирригационная сеть. Если отдельные арыки и продолжали существовать, то они без надлежащего ухода ежегодно приносили местным жителям немалые бедствия.

В одном из своих рапортов от 15 сентября 1900 г. управляющий пограничным округом сообщил Политическому агентству в Бухаре: "Согласно донесению командира Аму-Дарьинской бригады, начало (голову) арыка, орошающего кишлак Айвадж, в июле месяце с.г. прорвало и хотя местные жители кое-как и исправили это повреждение, но тем не менее вода по арыку протекает в столь незначительном количестве, что едва ли хватает местному населению..."⁵⁴

Это говорит о том, что ни бухарское правительство, ни местная администрация не проявляли никакой заботы об улучшении ирригационной системы и обеспечении местного населения необходимым количеством воды.

На протяжении многих веков в дореволюционном Таджикистане шла ожесточенная борьба за воду. Вода определяла существование народа, его экономику, культурное состояние. Однако бесхозяйственная эксплуатация, варварское отношение к земельным богатствам и животворной влаге со стороны местных феодалов сводили на нет усилия народных масс. Пустовали тысячи и тысячи гектаров плодородных земель. Огромные богатства оставались неиспользованными. Чтобы расширить посевы, нужна была вода. Плодороднейшая земля этого края веками лежала под безжалостными лучами солнца, вспученная, вся в расселинах и трещинах. Не мерой земли исчислялось богатство, а мерой воды. Недаром говорили, что земля — душа дехканина, а вода — его кровь.

Вода, как и земля, принадлежала эмиру, баям и духовенству, она являлась средством закабаления трудового дехканства.

Лесное хозяйство. Кабадианское бекство в основном было расположено в долине р.Кафирниган. Эта долина была покрыта тугаями, состоящими главным образом из камыша, туранчи, джиды и другой дикой растительности. В конце 70-х годов XIX в. сюда направлялись жители Керки, Чарджуя и других районов и строили лодки. Еще раньше эмир Музаффар запретил туркменам племени эрсары и узбекам средней части долины Амударьи строить лодки и другие переправочные средства, чтобы они не могли бежать в соседний Афганистан; с другой стороны, лодки должны были находиться в распоряжении местной администрации. Несмотря на запрет, жители отправлялись "... на Кафирниган и там строили из тугайного леса, иногда платя за это пошлину — чоб-пули⁵⁵, иногда и тайком, даром. Эмиром было запрещено строить частным лицам лодки, жители же все, кому нужно, отправляются в Кабадиан и даже далее на Вахш и, выстроив там каяк, или кимэ⁵⁶, сплавляют его вниз, к себе"⁵⁷.

В результате этих наездов и заготовок леса для строительства различных лодок, паромов и других переправочных средств были уничтожены большие площади лесных насаждений по берегам р.Кафирниган.

С установлением пограничных постов на территории Кабадианского бекства, а также таможи в Айвадже появилась необходимость строительства различных государственных учреждений для погранпостов и таможи. Эти учреждения необходимо было обеспечить дровами из местных лесных угодий. Помимо этого, лесом надо было снабжать близлежащие русские поселения, которые возникли в Бухарском ханстве, например Термез и Керки.

Местные жители также продолжали хищнически уничтожать лесные насаждения. Некоторые специально занимались рубкой, сплавом и продажей дров. Как сообщал Д.Н.Логофет, "сажень дров со сплавом до Термеза обходится промышленнику около 2 руб. 50 коп., продается в Термезе от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. и дороже"⁵⁸. Ради прибыли лесонасаждения вырубались в Кабадиане, как и в других бекствах Восточной Бухары.

Политагентство в Бухаре обратило внимание бухарского правительства на охрану лесов, последнее сообщило бекам о запрещении вырубке лесных насаждений и их вывоза из бекств Восточной Бухары. Но эта мера не имела практического значения, так как сами беки извлекали значительные доходы из этого дела. Когда запретили вывозить лес на каюках, они продолжали вывозить на верблюдах в Гиссар и далее до Чарджуя⁵⁹. Половинчатые меры, принятые бухарским правительством, не могли приостановить хищническое уничтожение лесных богатств Восточной Бухары.

В бекстве, как и во всем ханстве, отсутствовал правильный режим охраны лесов и кустарниковой растительности. Особенно ценные леса находились в горах Бабатаг, они подвергались хищническому уничтожению. Все это происходило потому, что порубку лесных богатств производили бесконтрольно.

Для охраны лесов и кустарниковой растительности необходимо было правильно организовать лесной надзор, а для этого требовались большие расходы, на которые не шли эмирские власти. Лишь в 1913 г. по инициативе туркестанских властей начальниками управлений земледелия и государственного имущества была выработана специальная инструкция "О порядке исследования лесов в Бухарском ханстве и установлении в них лесного надзора". Согласно этой инструкции, при Политагентстве была учреждена должность лесничего Бухарского ханства и двух лесных кондукторов. По положению они состояли на государственной службе и числились по лесному ведомству. Содержание их обеспечивалось из казны эмира. Как правильно отмечает Б.И.Искандаров, учреждение должности лесничего внесло мало изменений в дело улучшения и защиты лесов эмирата. Ограниченность штата должностных лиц, недостаточность средств, отпускаемых эмиром на эти цели, мешали улучшению лесозащиты в ханстве⁶⁰.

Политическое агентство в Бухаре неоднократно обращалось к бухарскому кушбегу с просьбой оказать содействие в заготовке лесоматериалов и дров для нужд воинских частей, расположенных в Термезе. После согласия бухарских властей в Кабадианское бекство были направлены лесозаготовители — представители воинских частей, расположенных по Амударье. Они производили заготовку лесоматериалов и дров для нужд частей и постов.

Полномочный представитель при бухарском правительстве 22 августа 1919 г. в письме на имя кушбеги Усманбек бия парвоначи писал о том, что направляет к нему жителя города Термеза Александра Климова, и просил кушбеги выдать ему открытый лист на право заготовки дров для нужд Термеза — Патта-Киссарского населения по реке Вахш в Курган-Тюбинском и Кабадианском бекствах, а также предписать местным властям оказывать ему содействие при заготовке дров, ввиду того, что Термез крайне нуждается в топливе, а подвоза дров ниоткуда нет. На что было дано разрешение⁶¹.

Таким образом, лесные массивы в Кабадианском бекстве уничтожались, а каких-либо работ по воспроизводству их не велось ни бухарской администрацией, ни туркестанскими властями.

Борьба с саранчой. Сельское хозяйство Кабадианского бекства сильно страдало от саранчи.

Местные жители пытались вести борьбу с налетами саранчи, но она велась примитивными методами и не давала должного эффекта. Местная администрация никаких мер для борьбы с саранчой не предпринимала. Поэтому эти налеты наносили громадный ущерб всему сельскому хозяйству бекства; а в первую очередь дехканам-хлебоборам. В результате налета саранчи крестьяне оставались без хлеба и голодали.

Исключительно важное значение для местных жителей имело истребление саранчи, организованное русскими властями в Кабадианском бекстве. Неоднократные попытки в этом отношении были предприняты в 80-х и 90-х годах XIX в., однако они не дали желаемых результатов из-за сопротивления мусульманского духовенства в эмирате.

В 1900-1902 гг. в Кабадианском бекстве, как и в других бекствах эмирата, саранча совершенно уничтожила посевы населения, и дехкане остались без хлеба. В периодической печати Туркестана и России по этому поводу был напечатан ряд статей, в которых указывалось на необходимость безотлагательной борьбы с саранчой.

По свидетельству газеты "Туркестанские ведомости", летом 1904 г. саранча появилась в бекствах Восточной Бухары, в частности в Кабадианском бекстве; "в окружности города Кабадиана она выела все поля ячменя и пшеницы. Жители Кабадиана во избежание голода решили пожать остатки соломы на полях для корма скота и вновь посеять на тех же полях рис - в надежде, что до созревания последнего саранча исчезнет и, таким образом, им до некоторой степени удастся обеспечить продовольствием на зиму себя и животных"⁶².

Первые мероприятия по борьбе с саранчой продолжались лишь в некоторых бекствах эмирата до 1905 г., а затем вообще прекратились, опять по вине того же духовенства и самого бухарского правительства, вследствие чего саранча сильно размножилась и нанесла огромный вред всему сельскому хозяйству эмирата. Только по настоянию русских властей с 1909 г. было начато более или менее планомерное и систематическое истребление саранчи⁶³. По свидетельству П.Гаевского, саранча летела из Афганистана через Амударью в Кабадианское бекство, размножалась в горах, а затем на следующий год уже появлялась в соседних бекствах⁶⁴. Заведующий государственным имуществом в Самаркандском и Катта-Курганском уездах 30 ноября 1910 г. доносил в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства, что в Кабадианском бекстве зарегистрировано 40 залежей саранчи на площади 790 десятин⁶⁵.

После бури (афганец) 3-4 мая 1911 г. наблюдался перелет саранчи из Афганистана через Амударью⁶⁶.

Осенью 1911 г. были проведены работы особой партии, занимав-

шейся под руководством агрономической организации в Бухаре, по исследованию залежей саранчи в пределах Бухарского ханства. Они были найдены и в Кабадианском бекстве. Большинство залежей саранчи находилось в горной части, поэтому ее можно было истреблять только окопным способом⁶⁷.

В течение двух месяцев изучал залежи саранчи в Бухарском ханстве помощник заведующего Туркестанской энтомологической станции М.М.Сиязов.

На основании обследования залежей саранчи в бекстве стало возможно начать правильную борьбу с этим вредителем сельского хозяйства.

10 декабря 1912 г. в помещении Политического агентства в Бухаре состоялось совещание представителей агрономической организации Бухарского ханства и Туркестанского края, на котором рассматривался отчет по борьбе с саранчой за истекший сезон и обсуждались меры борьбы с ней на будущее.

В кампании 1912 г. саранча была зарегистрирована в пяти бекствах Восточной Бухары, в том числе в Кабадианском бекстве⁶⁸. В докладной записке о противосаранчовых работах в Бухарском ханстве отмечается, что в 1912 г. наблюдался перелет саранчи из Афганистана в к.Айвадж Кабадианского бекства. Так, осенью 1912 г. были зарегистрированы залежи саранчи на площади 12 248 десятин, которые подлежали обработке в 1913 г.

В результате проведенной большой работы по уничтожению саранчи были достигнуты неплохие результаты. Так, агроном Бухарского ханства в своем отчете писал: "Из личных же наблюдений за пять с половиной лет делаю вывод, что в Кабадианском бекстве жители возобновили распахивание брошенных ранее полей"⁶⁹.

По настоянию русских властей в 1912 г. за счет казны ханства было отпущено около 300 тыс.руб. на борьбу с саранчой. Площадь залежей саранчи в Байсунском, Ширабадском, Денауском, Гиссарском и Кабадианском бекствах определялась в 47 тыс. десятин. Израсходовано было, включая и расходы на новые разведки, 215 тыс.руб. По свидетельству П.Гаевского, "борьба велась успешно, с применением передвижных железных стенок, ставившихся на пути саранчи, сжиганием и опрыскиванием инсектицидами, остальное доканчивали розовые скворцы"

В тех же бекствах осенью обнаружили новые залежи саранчи на площади 64 тыс. десятин. В 1913 г. был отпущен новый кредит в 325 тыс. руб., из которых противосаранчовая организация израсходовала фактически около 260 тыс.руб.⁷⁰.

Борьба велась теми же средствами, "причем был применен новый инсектицид - мышьяковистокислый натр", которым опрыскивали поля, и он дал блестящие результаты⁷¹.

Наряду с русскими специалистами в борьбе с саранчой принимали участие и местные жители. Согласно донесению от 1 мая 1912 г.,

Фрол Ильин за исполнение обязанностей надзирателя в Кабадианском бекстве за 6 дней работы по истреблению саранчи получил 12 руб.

14 апреля 1912 г. местные жители к. Огры-Гузар Джура, Мардонкули и Курбан, жители к. Караван-Тути Нажмиддин и Тагриберди, житель к. Танг-Тугай Ойходжа получили от заведующего первым районом М. Казакова за доставку 14 бидонов ядохимикатов из Огры-Гузара в Бешкент на семи верховых лошадях с проводниками по 3 руб. 60 коп. за каждый, а всего ими получено 25 руб. 20 коп.

Чиновник Кабадианского бекства Мулла Исо мирахур получил от заведующего вторым районом К. Клейнера 1 руб. 50 коп.⁷²

Вопреки сопротивлению духовенства было начато планомерное и систематическое истребление саранчи в Кабадианском бекстве, которое имело огромное значение для местных дехкан.

В 1916 г. для наблюдения за саранчой были направлены в бекства постоянные инструкторы с переводчиками, временные надзиратели с разведчиками. Для этой цели в Кабадианское бекство также были направлены один надзиратель и двое разведчиков, которые вели учет местностей, где имелись залежи саранчи.⁷³

Весной 1917 г. работой по истреблению саранчи в Кабадианском бекстве руководил надзиратель В. Мальцев. После завершения работ в Кабадианском бекстве оборудование и ядохимикаты были вывезены из Кабадиана в Гузар. В этом деле большую помощь оказали жители Кабадианского бекства.⁷⁴

С 1909 по 1917 г. в эмирате ежегодно стали производиться регулярные работы: весной по истреблению саранчи, осенью по разведке и уничтожению залежей саранчовых личинок.⁷⁵ Все расходы, связанные с истреблением саранчи, велись бухарским правительством. Работой руководили русские офицеры, а истребление саранчи и разведку ее личинок вели местные дехкане, которые мобилизовывались для этой цели местной администрацией на основе натуральной повинности.

Истребление саранчи имело большое значение для развития сельскохозяйственного производства. Большая помощь была оказана местным дехканам-земледельцам в защите их посевов.

Аграрные отношения. Феодальное землевладение являлось основной формой землепользования в Кабадианском бекстве. Об аграрных отношениях в Бухарском ханстве написаны работы М. А. Абдураимовым⁷⁶ и по Восточной Бухаре - А. Маджлисовым⁷⁷, где рассматриваются вопросы землевладения и землепользования исследуемого нами периода, т.е. конца XIX - начала XX в. Поэтому мы приводим лишь фактический материал по Кабадианскому бекству. Отметим также специфические особенности этого края.

В Кабадианском бекстве в конце XIX - начале XX в. было очень много пустынных равнин, песчаных барханов и солончаковых земель. Для освоения их необходимо было проложить магистральные каналы, но в условиях эмирского строя это было невозможно.

А. А. Семенов во время проезда через Кабадианское бекство в 1898 г. в беседе с одним из бухарских чиновников, который сопровождал русскую экспедицию в Восточную Бухару, затронул вопрос о земельных отношениях в этом отдаленном крае ханства. В своих путевых очерках А. А. Семенов писал: "... я окликнул ехавшего впереди махрамбека и шутя спросил его, нельзя ли купить у эмира эту местность.

... - К сожалению, за деньги нельзя. У нас пустырей не продают, а отдают даром, но с условием, что вы, взяв участок, какой хотите величины, дадите обещание оросить его и засадить растительностью или покрыть посевами в течение трехлетнего срока. Если не выполните этого, участок у вас отбирается, а если арыки проведете и кое-что посадите или посеете, то земля навсегда ваша"⁷⁸. Но и после освоения и орошения земельных участков сразу же местная администрация направляла своих чиновников для сбора различных налогов с этих орошенных земель.

Крупным землевладельцем в к. Салтик был Искандар-бай, который на правах шарика (товарищества) сеял с безземельными крестьянами своего кишлака. В к. Тортки большими участками земли владели Мулла Омонбой и Махмад аксакал, который мобилизовал своих односельчан для прорытия арыка, а после орошения захватил лучшие посевные земли.

По рассказу очевидцев, многие земельные участки крестьян переходили в руки крупных землевладельцев. Часто дехканин не мог уплатить долг местному баю и поэтому вынужден был продать ему свой участок за бесценок. При этом оформлялся документ о том, что он продает свой участок добровольно, согласно шариату, такому-то баю за определенную сумму.

Крупным землевладельцем Кабадиана накануне установления Советской власти был Сулаймонхон эшон, который большое количество земли засеивал пшеницей, ячменем и рисом. Помимо этого он владел большим фруктовым садом.

Крупные землевладельцы Бобосаян-бай и Гафур-бай все свои земельные площади использовали только для посева риса.

Местный амлякдар Мирза Юсуфали владел большим земельным участком, на котором высевались злаковые культуры, а также рис.

В Кабадиане жили выходцы из Афганистана, которые владели значительными земельными участками. Так, Эшон Тура только рисом засеивал 70 танавов земли.

В самом Кабадиане имелся бекский сад площадью 6-7 га, где рос в основном урюк. Фрукты из этого сада шли полностью самому беку.

Чиновники-навкары, которые были в каждом бекстве Бухарского ханства, не получали никакого жалования от местных беков, а за свои услуги пользовались известным наделом земли. А. А. Семенов указывал, что в Кабадиане хотя земли и много, но толку в ней мало, у навкаров находится десятин по 10 годной для обработки земли. Ни государствен-

ных податей, ни различных поборов с навкаров не брали. Мир дарил им по три халата в год и один раз в два года эмир присылал по халату⁷⁹.

Навкары получали в основном поливную землю в том кишлаке, где они жили, чтобы члены семьи могли ее обрабатывать и собирать урожай, когда сам навкар по делам службы находился вдали от дома.

В районе Бабатага земли, пригодной для богарных посевов, было мало. Земли, которые трудно было обрабатывать, в основном использовались под пастбища населения Кабадианского бекства. Здесь лежали обширные айлочные земли – айлоки подшой (государственный выпас). Этими угодьями пользовались главным образом крупные скотовладельцы узбекских племен Кабадианского бекства.

А.Маджлисов пишет, что в районе Кабадиана, где жили узбекские племена, в число господствующего класса входила родоплеменная знать и главы племен, которые в силу своего положения имели большое влияние на местных правителей и являлись обладателями пастбищ⁸⁰.

Самым обширным и богатым пастбищем в предгорьях Бабатага владела родоплеменная знать из узбекского рода кунград.

По рассказу наших информаторов, в к.Лайлакуя накануне установления Советской власти крупными землевладельцами были Мирзахонбой и Алланазарбой, которые после победы Советской власти бежали в Афганистан. В этом же кишлаке жил известный во всем бекстве крупный феодал Хакимбай – самый богатый человек в Кабадианском бекстве. На своих землях они эксплуатировали односельчан, в основном безземельных и малоземельных дехкан, которые сеяли пшеницу, ячмень, кунжут, зигир и др.

В к.Куша-Чинар крупными землевладельцами были Хожи Авганбай, Курбан аксакал и Хаимбай, в руках которых были сосредоточены основные земельные массивы, пригодные для посева поливные земли. Каждый из них имел от 50 до 60 га земли.

По сведениям, собранным А.П.Колпаковым, крупным землевладельцем в квартале Ябуз г.Кабадиана был Пешавари, афганец из Пешавара, который имел 15 га пахотной земли около Кабадиана. Землю он сдавал в аренду бедноте на кабальных условиях. Купцы Ходжа Султон и мулло Сафар располагали крупными земельными наделами пахотной земли, которую так же сдавали в аренду безземельным крестьянам.

В самом Кабадиане беднота "обычно имела от 0,5 до 1,5 танапа пригодной земли на одно хозяйство, в то время как купцы и богачи имели по 15–20 га пригодной для земледелия и самой удобной поливной земли. В качестве арендной платы богачи обычно брали у трудовых дехкан 4/5 урожая"⁸¹.

По данным А.П.Колпакова, в квартале Гышт-Купрук г.Кабадиана жили малоземельные крестьяне, имевшие от 0,5 до 2 танапов пахотной земли. Из крупных землевладельцев в этом квартале жил Махрам Боши, имевший значительные земельные площади для посевов. В квартале Киет жили крестьяне, имевшие по 4–5 танапов земли, а в Гузари-Боло жили

дехкане-бедняки, которые арендовали земли у крупных землевладельцев⁸². Малоземельные дехкане вынуждены были изыскивать другие средства к поддержанию своего существования. Дехкане-бедняки постоянно находились в кабале (паджакор, чорьяккор) у крупных землевладельцев.

Кабадианский бек Мирзо Махди Ходжа туксоба в письме от 12 зулхиджа 1332 г.х. (27 октября 1914 г.) доносил в Бухару, что земли жителей к.Айвадж были султанскими (замини султони). Здесь земля не подлежала купле-продаже. 100 дворов жителей имели земельные участки, и ежегодно каждый житель засеивал один пайкал. Жителям каждый участок доставался в наследство от своих отцов.⁸³

А.А.Семенов указывал, что пайкал – это группа наделов, связанных общим использованием оросительной водой⁸⁴. М.А.Абдураимов отмечал, что под пайкалом в отдельных районах Бухарского ханства подразумевали площадь земли определенного размера⁸⁵. Этимология слова "пайкал" дана в статье А.Б.Вильдановой и О.Д.Чехович⁸⁶. В нашем документе под словом "пайкал" имеется в виду участок земли; размер его в Кабадианском бекстве пока не определен.

Другой участок земли в к.Айвадж, также считавшийся султанским, находился во владении Мурад Али мингбоши и женщины по имени Дурджама⁸⁷.

В к.Шах также имелись султанские земли, которые были расположены недалеко от названного кишлака⁸⁸.

Земли в к.Лублакор в количестве 29 970 танапов были отданы в аренду товариществу "Айвадж". Они считались пустопорожними султанскими (майтиа мамлакаи султони); в архивном документе отмечалось, что земли в этом кишлаке принадлежали местным жителям без васики и без других документов (бе васика ва бе хуччат) и также числились султанскими (мамлакаи султони)⁸⁹.

По словам информаторов, в самом Кабадиане известное в бекстве медресе имело вакуфные земли в окрестностях кишлака, которые обрабатывались в основном силами муллобачей.

Самым большим участком вакуфных земель владел Ходжа Машахад в к.Саят.

Мечеть к.Чармгар имела небольшой земельный участок в этом же кишлаке.

В 1336 г. х. (1917 г.) в к.Хакка была построена мечеть Ходжа Мурод Остона, при которой имелось медресе, где учились местные муллобачи. Здесь же при мечети были худжри, где они жили. Эта мечеть имела вакуфные земли в к.Хакка. Мечеть к. Гузари-Боло, построенная в 1335 г.х. (1916 г.) по указанию Мирзо Юсуфа мастерами усто Раджаб Мазори и усто Абдулло, Мечеть Джунавиз к.Ахча и мечеть к.Лайлакуя также владели вакуфными землями; последней принадлежал сад. Хотя доходы от сада и предназначались для содержания и ремонта этой мечети, духовенство использовало их в свою пользу.

Медресе и мечеть г.Кабадиана имели большие участки поливных

земель и сад на правах вакфа. Доходы от них шли на содержание учащих медресе и духовенства.

Согласно сведениям, собранным в 1925 г., в Кабадианском бекстве среднее и мелкое землевладение занимало второстепенное место, так как крупные землевладельцы-баи, составлявшие 5% населения, сосредоточили в своих руках около 60% земли. Безземельные дехкане в основном работали в качестве чоряккоров⁹⁰. Как усадебная, так и полевая поливная земля находилась большей частью в подворноучастковом владении — за каждым были закреплены определенные участки земли с правом купли-продажи и наследования. Воля наследователя ограничивалась лишь установленными обычаями нормами сыновей и дочерей. Дочь получала в два раза меньше сына. Общинное передельное землепользование существовало лишь в нескольких селениях около Бешкента, имеющих мало воды. На вопрос исследователей о том, почему земли сосредоточены у крупных баев и почему так много безземельных, местные жители отвечали, "что подобное произошло не путем захвата, не путем пожалования, а исключительно путем скупки земли, имеющей под собою кабадые отношения"⁹¹.

Кроме того, в состав безземельных входили люди, пришедшие сюда в начале XX в. из соседних бекств — Бальджуана, Куляба, Дарваза и Каратегина. Богатые земли обрабатывались лишь в слабозаселенных горах Бабатага. Между жителями близлежащих кишлаков постоянно происходили споры за владение лучшими участками этих земель.

В Бешкентской долине земля измерялась местной единицей измерения земельной площади "бел". По рассказу информаторов, 1 бел земли засевался 10 пудами пшеницы.

Таким образом, в Кабадианском бекстве в конце XIX и начале XX в. существовали следующие виды землевладения и землепользования: 1) султанское (замини султони) — государственные земли; 2) частновладельческое — так называемые миловые земли, на правах собственности; 3) вакуфное.

Развитие товарно-денежных отношений ускорило классовую дифференциацию в кишлаках Кабадианского бекства. Крестьяне-бедняки, владевшие крохотными земельными участками, первыми испытали на себе результаты классового расслоения.

Хлопковое хозяйство требовало вложения значительных денежных средств, а денег у местных дехкан не было. Это использовали в своих интересах местные ростовщики, а также представители хлопковых фирм. Хлопкороб, нуждаясь в деньгах, весной получал кредит под будущий урожай. Ростовщические проценты достигали таких колоссальных размеров (до 50–100%), что на их уплату не хватало всего дохода мелкого сельского производителя. Часто он не мог расплатиться всю свою жизнь, и долг переходил от отца к сыну. Таким образом, ростовщическая кабала была одной из тяжелейших форм эксплуатации дехкан.

Находясь в полной зависимости от крупных землевладельцев,

хлопковых ростовщиков, бедняки первыми теряли землю. Обезземеливание дехкан приняло массовый характер. В дальнейшем классовое расслоение в кишлаке затронуло и среднее дехканство, часть которого, лишаясь земли, пополняла ряды батраков и наемных рабочих. Другая же часть, укрепив экономическое положение за счет разоряющихся, сосредоточила в своих руках крупные земельные участки.

Однако капиталистические отношения в сельском хозяйстве Кабадианского бекства развивались крайне медленно. Местные баи не организовывали крупных хозяйств с применением наемной рабочей силы. Они обычно сдавали землю мелкими участками в аренду обедневшим дехканам на издольных началах. За это дехкане отдавали четверть, половину или даже две трети своего урожая хозяину земли в зависимости от условий аренды. Многие дехкане кроме земледелия были вынуждены заниматься различными промыслами и поденной работой (мардикори). Задавленное феодально-байской эксплуатацией дехканское хозяйство основывалось на примитивной технике. Средневековые орудия: кетмень, омач, мала и серп — таким был главный инвентарь дехканина. Раздробленность мелких дехканских хозяйств, нищета дехкан мешали применению машин в сельском хозяйстве, затрудняли развитие производительных сил.

Концессия "Гавхарали". Накануне первой мировой войны русская буржуазия и помещики стали проявлять особый интерес к освоению земель под хлопчатник и другие сельскохозяйственные культуры в Восточной Бухаре, в том числе и в Кабадианском бекстве. Одной из первых концессий на территории современного Таджикистана была концессия Д.Ф.Стовба под названием "Гавхарали".

История образования концессии "Гавхарали" затронута в работах О.Гловацкого⁹², А.Рябинского⁹³, Б.Г.Гафурова⁹⁴, Б.И.Искандарова⁹⁵ и других авторов. Но ни один из указанных авторов специально не исследовал этого вопроса. Поэтому история образования концессии остается до конца не изученной. Автор задался целью на основе архивного материала и существующей литературы показать проникновение русского капитала в экономику Восточной Бухары в начале XX в.

По подсчетам А.Рябинского, в период 1905–1910 гг. Россия ввозила из-за границы от 9,3 до 13 млн. пудов хлопка⁹⁶. Царское правительство и русская буржуазия в целях уменьшения зависимости текстильной промышленности от дорогостоящего привозного иностранного хлопка и для замены относительно дорогого американского хлопка более дешевым, возделываемым в пределах русской таможенной черты, должны были встать на путь освоения новых земель и развития ирригации в Средней Азии, в том числе в Восточной Бухаре. Царское правительство помогало русской буржуазии и помещикам приобретать земли в Бухарском эмирате.

Идя навстречу запросам русской буржуазии, царские земельные

органы подсчитывали количество земли, годной для орошения не только в Туркестанском крае, но и в вассальном Бухарском ханстве. В 1910 г. департамент земледелия и землеустройства сообщал в Государственную думу, что, "по имеющимся данным; следует полагать, что ...может быть орошено в Бухаре около 230 тысяч десятин"⁹⁷.

Русская буржуазия и помещики намеревались прибрать к рукам большие земельные площади, куда нередко входили культурные участки, принадлежавшие местным дехканам.

Директор первого департамента МИД в своем письме от 20 июня 1912 г. № 797 на имя политагента в Бухаре сообщал, что, по мнению Министерства иностранных дел, право русско-подданных приобретать недвижимость в Бухаре, вытекающее из договора 1873 г., является совершенно бесспорным. Поэтому следует поощрять развитие русского землевладения в ханстве в тех случаях, когда таковое связывается с приобретением земель, нужных для постройки домов, заводов и иных зданий торгово-промышленных предприятий, а также участков земель, не орошенных из-за недостатка средств и техники у местного населения. "Что же касается земель, ныне уже орошенных местными способами, служащих для целей земледелия, то ввиду их малочисленности по сравнению с потребностями населения ханства, Министерство иностранных дел всегда принципиально было против этого, ввиду нежелательности и даже опасности возникновения в Бухаре безземельного пролетариата, который за отсутствием в Бухаре достаточных побочных заработков мог бы легко явиться элементом, крайне вредным с точки зрения общественного порядка"⁹⁸.

Одной из сфер приложения капитала в Бухарском ханстве явилось освоение пустующих земель. Накануне первой мировой войны русская буржуазия и помещики проявляли особый интерес к освоению земель хлопчатник и другие культуры в Кабадианском бекстве. В последнее пятилетие, предшествовавшее Великой Октябрьской социалистической революции, усиленно стал влиять на бухарскую экономику Русско-Азиатский банк.

"В 1913 г. бухарское правительство сдало в концессию 10 тыс. десятин земли некоему Стомба, являвшемуся агентом Русско-Азиатского банка"⁹⁹. Б.И.Искандаров считает Д.Ф.Стомба банкиром¹⁰⁰, хотя по существующей литературе известно, что он являлся только агентом Русско-Азиатского банка.

Проявление особого интереса к освоению земель в Кабадианском бекстве было связано с наличием больших площадей пустующих земель и рек Кафирнигана и Амударьи. Для орошения требовалось строительство ирригационных каналов и гидротехнических сооружений, которые были по карману русской буржуазии и помещикам.

Политическое агентство в письме от 25 сентября 1912 г. за № 6200 на имя бухарского кушбеги просило отвода бухарским правительством "дворянину Дмитрию Федосеевичу Стомба в Кабадианском бек-

стве до 10 000 десятин пустопорожней земли в арендное пользование для целей орошения..."¹⁰¹ На что последовал ответ кушбеги от 14 января 1913 г., где указывалось, что изложенное в письме доложили эмиру, а также план и содержание договора довели до его сведения, на что он изъявил согласие. Кушбеги просил написать текст договора и выслать ему для официального утверждения¹⁰². Ровно через месяц, т.е. 14 февраля 1913 г., бухарский кушбеги писал, что Политагентством был препровожден арендный договор на имя Д.Ф.Стомба на земли, находящиеся в Кабадианском бекстве. Согласно приказанию эмира, "мы приложили печать, но только в § 11-м говорится, что при передаче прав и обязанностей нужно уведомить бухарское правительство, поэтому просим Вас внести в означенный параграф, что в случае передачи прав другому лицу бухарское правительство имеет преимущественное право выкупа и передача может состояться только после отказа бухарского правительства от этого права"¹⁰³.

В докладе по канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства отмечалось, что некоторый порядок разрешения в Бухарском ханстве оросительных концессий уже выработан и вполне определились стремления предпринимателей получить такие концессии в эмирате. В частности, указывалось, что дворянин Стомба получил концессию на орошение 10 тыс. десятин земель в Кабадианском бекстве¹⁰⁴.

Политагент в письме на имя А.А.Нератова (МИД) от 30 января 1913 г. отмечал, что Д.Ф.Стомба получает от эмира концессию на 10 тыс. десятин пустыни, которую намерен оросить. "В противоположность другим концессионерам он не намерен ни продавать, ни передавать свои концессии, а, имея капитал, хочет сам заняться делом, которое основательно изучил"¹⁰⁵. Но на самом деле Д.Ф.Стомба впоследствии часть концессии передал другим лицам. По его словам, произведенные им опыты с самым высоким по качеству египетским хлопком дали блестящие результаты. Лёсс, которым на полтора аршина покрыта эта пустыня, ни в чем не уступает знаменитому илу и при малейшем орошении даст баснословный урожай. Единственная опасность — это саранча, которая спокойно ютится по афганскому берегу¹⁰⁶.

13 февраля 1913 г. был подписан договор бухарского правительства с Д.Ф.Стомба о предоставлении ему на 99 лет концессии "Гавхар-али". "За спиной Стомба стоял Русско-Азиатский банк, в котором монополия принадлежала французскому капиталу"¹⁰⁷.

Договор эмирского правительства с Д.Ф.Стомба был первым кабальным договором, открывшим путь русской, а отчасти и западноевропейской буржуазии к захвату земель в дореволюционном Таджикистане. Кроме того, этот кабальный договор превращал воду местных рек в орудие эксплуатации, потому что намечалась сдача части орошенной земли в аренду местным дехканам.

Д.Ф.Стомба старался прибрать к рукам и окрестные земельные участки, а также арендовать старые постройки пограничных постов в

этом районе, где он намечал организовать контору и центральную усадьбу.

Политагентство в письме на имя Мирза Насрулла бия кушбеги от 15 марта 1913 г. за № 1722 указывало, что в 1899 г. бухарским правительством по купчей крепости был уступлен 31-й пограничной Амударьинской бригаде в Кабадианском бекстве участок земли под постройку старого поста "Овражный".

В настоящее время командир названной бригады ходатайствует о сдаче этих пустующих зданий в арендное пользование отставному штабс-капитану Стомба с платою 60 руб. в год, при условии, чтобы он привел это здание в порядок¹⁰⁹.

Это письмо вызвало недоумение у бухарского правительства, которое решило, что речь идет о большом участке, принадлежавшем туркменам. Поэтому в следующем письме Политагентства от 31 июля 1913 г. на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги указывалось, что Политическое агентство просило вовсе не об огромном пространстве земли, сданной в арендное содержание туркменам, где расположено около ста домов, а только об участке в восемь танавов, занятом постройками старого поста "Овражный". "По-видимому, здесь произошло какое-то недоразумение, почему, препровождая при сем купчую крепость и план, Вы, ...убеждаетесь, что участок, уступленный 31-й пограничной Амударьинской бригаде, состоит из 8 танавов с постройками, ныне пустующими, которые последняя для приведения их в порядок и желает сдать в аренду штабс-капитану Стомба с тем, чтобы по истечении известного срока они вновь перешли во владение пограничной бригады"¹⁰⁹.

В ответ на это письмо кабадианский бек Мирзо Давронбек туксоба сообщил кушбеги о том, что он спрашивал местных жителей Кабадиана об их согласии. В результате выяснилось, что прежний бек сдал в аренду общине туркмен для орошения этот участок земли и ежегодно получал 75 руб. арендной платы¹¹⁰.

В договоре указывалось, что правительство Бухарского ханства отводит в аренду потомственному дворянину Д.Ф.Стомба для орошения пустынный земельный участок без населения в Кабадианском бекстве в следующих границах: с юга - дорога на пост Хатын Рабат и Овражный; с востока, с севера и запада долина Гавхарали очерчена горами и отрогами края Актау. Отмечалось также, что для орошения указанного участка земли предпринимателю Стомба предоставляется право брать ежегодно воду из Амударьи, за исключением оросительного периода, когда количество воды должно быть ограничено одной - пятью куб. саженьями в секунду¹¹¹.

Кроме того, предприниматель имел право проводить оросительные арыки и строить всякого рода гидротехнические сооружения, какие ему окажутся нужными для орошения отведенного участка пустыни Гавхарали.

В договоре также было записано, что кладбища и места, считаемые святыми, не могут быть отчуждены.

Многочисленные стада животных, проходящие через пустыню Гавхарали на водопой у р.Амударьи, предприниматель обязан обеспечить отдельным арыком для водопоя, текущим близ гор, или, в противном случае, для их прохода должны быть оставлены без культуры полосы в 100 сажен шириной.

Направление полос без посевов, а также количество их должно быть раз и навсегда установлено специально уполномоченным на то лицом от бухарского правительства совместно с предпринимателем Стомба; причем скрепленный обеими сторонами акт, подписанный наместником эмира, должен быть представлен в Политагентство.

Дороги, мосты, пристани и тому подобные сооружения в районе отведенной земли предприниматель обязан был содержать за свой счет¹¹².

По прошествии трех лет со дня подписания обеими договаривающимися сторонами этого договора предприниматель Стомба обязан был платить бухарскому правительству аренду в размере 12 тыс. руб. ежегодно.

Если предприниматель не вносил в срок причитающуюся аренду, то по истечении льготного месяца на него насчитывалось пени в размере пяти процентов годовых. Если за аренду не выплачивалось в течение года, бухарское правительство приступало к принудительному взысканию тем способом, какой находило целесообразным по соглашению с высшей русской администрацией Туркестанского края¹¹³. От всяких других платежей и налогов, кроме аренды, предприниматель и его правопреемники освобождались.

В случае стихийных бедствий: землетрясений, урагана, селевых вод, вследствие которых могли быть разрушены гидротехнические сооружения, а также в случае военных действий в Кабадианском бекстве предприниматель освобождался от аренды на время восстановления гидротехнических сооружений и на военное время.

После проведения каналов на отведенных землях все действительно орошенные участки поступали в арендное пользование предпринимателя Стомба или его правопреемников сроком на 99 лет, который исчислялся со дня подписания этого договора¹¹⁴.

Все работы по орошению отведенной пустыни нужно было закончить в течение трех лет со дня подписания договора, причем к концу второго года должен быть готовым магистральный арык и машинные установки. Срок мог быть продлен до пяти лет с разрешения Туркестанского генерал-губернаторства и согласия на то Политагентства.

Пригодность всех произведенных работ для орошения устанавливалась по истечении трех лет со дня подписания договора особой комиссией, назначаемой Туркестанским генерал-губернаторством и бухарским правительством.

Все права и обязанности по настоящему договору предприниматель Стомба может передавать другим лицам, товариществам и акционерным обществам за исключением лиц, указанных в 262 ст. Турке-

станского Положения – евреев, армян и акционерных обществ с акциями на предъявителя. При передаче прав и обязанностей надлежит уведомить бухарское правительство¹¹⁵.

По истечении 99 лет со дня подписания этого договора орошенная площадь со всеми гидротехническими сооружениями, находящимися в полной исправности, переходит безвозмездно бухарскому правительству, причем по окончании срока аренды отведенный участок не может быть отчужден каким-либо путем.

Все сооружения и содержание их производится на средства Стомба, и в случае неудачи он или его преемник не в праве были требовать от бухарского правительства возмещения убытков.

Договор был утвержден Политагентством 26 февраля 1913 г.¹¹⁶ Затем Политагентство все документы, связанные с концессией этого земельного участка, направило в Туркестанское генерал-губернаторство.

Управляющий Политагентством 4 июня 1913 г. в письме на имя туркестанского генерал-губернатора сообщал, что представляет на его усмотрение подлинную подпись Стомба – арендатора земельных участков в Кабадианском бекстве, в которой он гарантирует Управлению земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае обеспечить интересы русского переселения¹¹⁷.

3 октября 1913 г. Д.Ф.Стомба уведомил бухарское правительство о том, что им частично переданы права и обязанности на эту концессию сокомпаньону – директору Русско-Азиатского банка в г.Ташкенте Михаилу Артуровичу Зайдель¹¹⁸.

Однако этот проект по освоению земель в Кабадианском бекстве не был осуществлен ввиду нехватки средств, а также в связи с началом первой мировой войны.

Сначала Д.Ф.Стомба попытался продлить срок платежей эмирскому правительству за концессию земель в Кабадианском бекстве с тем, чтобы приступить к освоению этих земель после окончания войны. Затем он просил об отсрочке арендной платы бухарскому правительству по концессии с 26 февраля 1916 г. по 26 февраля 1918 г.¹¹⁹

В конце 1915 г. Д.Ф.Стомба обратился с заявлением в Политагентство, где указывал, что хотя концессия ему была дана в феврале 1913 г., но уже к декабрю того же года тяжелая финансовая и биржевая конъюнктура показали, что всякие широкие кампании рискованны из-за туч, сгустившихся над Балканами.

Он вел переговоры с некоторыми капиталистами о финансировании предприятия и в то же время делал всевозможные изыскания, съемки и нивелировку пустыни Гавхарали, на что истратил значительные средства. Однако переговоры с финансистами были прерваны, и сам Стомба был призван в армию. Поэтому он вторично просил продлить срок аренды до окончания войны¹²⁰.

Попытки Д.Ф.Стомба продолжить работы по орошению концессионных земель результатов не дали, поэтому он решил передать их в другие руки по повышенным ценам.

По словам известного исследователя концессии в Бухарском ханстве А.Рябинского, "Стомба вскоре передал свои права на концессию сокомпаньону – директору Русско-Азиатского банка в Ташкенте М.А.Зайделю. Последний же сначала попытался сдать ее в субаренду кому-либо из предпринимателей-хлопководов, а когда это не увенчалось успехом, стремился переуступить ее по повышенной цене сначала фирме Рябушинского, затем – банковской конторе братьев Джамгаровых, банку Юнкерса и др."¹²¹

В связи с тем, что владелец концессии пропустил срок начала работ, договор терял свою силу. Стомба успел произвести лишь съемочные работы и некоторые гидрометрические и геологические изыскания. Каких-либо существенных мероприятий по освоению и орошению этих земель он не провел. Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец этому договору.

Айваджская концессия. Образование концессий в дореволюционном

Таджикистане – малоисследованная область. По этому вопросу мы находим лишь отдельные сведения в работах, изданных в основном после революции, в большинстве случаев посвященных истории таджикского народа вообще или отдельным вопросам истории.

Специальных работ, посвященных вопросам орошения концессионных земель в Восточной Бухаре, нет.

Интересные сведения и наблюдения по этому вопросу, содержатся в работах Б.Шлегеля¹²², О.Гловацкого¹²³, А.Рябинского,¹²⁴ Б.Г.Гафурова¹²⁵, Б.И.Искандарова¹²⁶, И.А.Стеценко¹²⁷ и др.

Авторы этих и других работ обратили внимание главным образом на общие вопросы образования Айваджской концессии. В данной работе рассматривается комплекс вопросов, относящихся ко всей деятельности этой концессии со дня образования до ее ликвидации.

Основой для разработки данного вопроса послужили материалы, собранные автором в архиве Узбекской ССР, в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, русского Политического агентства в Бухаре и бухарского кушбеги, а также в исторической литературе.

Кроме того, использованы воспоминания старожилов кишлаков Айвадж, Хошади, Лублакор Шаартузского района.

Накануне первой мировой войны исключительно большое значение имел вопрос о земельных концессиях в Восточной Бухаре. Одним из наиболее удобных объектов для концессии были земли в Кабадианском бекстве.

С.Понятовский писал, что особое внимание привлекали к себе районы по рекам Вахш, Кафирниган и Урта-Тугай. Местности эти интересовали предпринимателей еще до первой мировой войны. Сюда в 1910–1912 гг. устремлялись искатели выгодных ирригационных концессий¹²⁸.

По словам О.Гловацкого, уже в 1914 г. было разрешено 7 концессий в Бухарском эмирате. Одной из них была Айваджская¹²⁹. А.Рябинский, специально исследовавший вопрос о возникновении концессии в

Бухарском ханстве, указывал, что при впадении Кафирнигана в Амударью в Кабадианском бекстве бухарским правительством было отдано в концессию 5 тыс. десятин земли¹³⁰.

Наибольшую активность в приобретении пустующих земель в Кабадианском бекстве на концессионных началах проявил крупный землевладелец – дворянин Харьковской губернии А.В.Глушков.

Айваджская концессия, по словам политагента из Бухары, возникла с разрешения и при поддержке бывшего туркестанского генерал-губернатора генерала Самсонова¹³¹.

Политагентство 24 февраля 1914 г. в письме на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги писало, что туркестанский генерал-губернатор препроводил в Политагентство прошение дворянина-землевладельца Харьковской губернии А.В.Глушкова о разрешении ему в течение 1914 г. выбрать в пределах Бухарского ханства участок свободных земель, пригодных под культуры и орошение, а также об оказании ему содействия при производстве этих изысканий¹³².

Бухарское правительство не имело точных данных о количестве свободных земель в ханстве, поэтому бухарский кушбег в ответном письме на имя политагента от 11 марта 1914 г. отмечал, что эмир дал указания правительству выяснить наличие свободных земель в эмирате, а затем сообщить в Политагентство¹³³.

Б.И.Искандаров отмечал, что эмир бухарский "боялся поощрять земельные концессии в пределах эмирата, считая, что они сократят его доходы, тем не менее противостоять этому не мог"¹³⁴.

Затем к деятельности А.В.Глушкова примкнул коллежский советник области войска донского Д.Ф.Конеv, который также развил бурную деятельность по приобретению в концессию земли в Кабадианском бекстве.

В связи с заключением договора о концессии ирригация явилась сферой приложения русского капитала в одном из отдаленных бекств Бухарского ханства, а также одним из путей закабаления местных дехкан русскими концессионерами.

А.В.Глушков и Д.Ф.Конеv через секретаря Политического агентства в Бухаре Н.Шульгу представили проект договора о концессии земель в Кабадианском бекстве. Кушбег в письме от 11 июня 1914 г. писал, что эмир ввиду неточности некоторых пунктов означенного проекта договора приказал включить некоторые дополнения и препроводить в Политическое агентство, но только в проекте не указана арендная цена.

При сдаче земель в Ширабадской долине инженеру Ананьеву каждая десятина была сдана по рублю с лишним, что является низкой ценой по сравнению с арендной стоимостью земель в Фергане.

"Арендную стоимость указанных в проекте договора Глушкова и Конева земель довести до существующих арендных цен в Фергане. Между прочим в представленный план внесено 4980 десятин, предположенных к аренде, но только из числа этих земель мы не можем сдать находящихся около реки Амударья лугов, которые находятся в пользовании местного населения"¹³⁵.

После внесения дополнений, отмеченных в письме кушбеги, 4 июля 1914 г. договор был подписан по поручению эмира бухарского Мирзо Насрулло бия кушбеги¹³⁶. 5 июля 1914 г. этот договор был представлен управляющему Политагентством В.Петрову, а 8 июля подписан¹³⁷.

Политагентство 15 июля 1914 г. сообщило кушбеги бухарскому о том, что препровождается копия договора на получение А.В.Глушковым и Д.Ф.Коневым концессии на орошение пустопорожних участков земли в Кабадианском бекстве¹³⁸.

Основные положения договора. Согласно договору, А.В.Глушкову и Д.Ф.Конеvu бухарское правительство сдало в аренду земли для орошения и использования под разные сельскохозяйственные культуры и промышленные предприятия в Кабадианском бекстве Бухарского ханства сроком на 99 лет, в следующих границах: с юга – по р.Амударье, с востока – от р.Кафирниган до пограничного поста Айвадж, а далее восточную границу участка составляли возделанные и орошенные к 1914 г. поля местных жителей кишлаков Айвадж, Лублакор и Хошади. Северо-западная граница соприкасалась с пустынными землями и имела направление на возвышенности Кокайту, западная граница проходила по нижним восточным склонам возвышенности Кокайту и от нее в прямом направлении на юг до р.Амударьи.

Местному населению предоставлялось право наравне с предпринимателями пасти свой скот на лугах, за исключением тех мест, которые должны быть орошены и возделаны предпринимателями, или же заняты лесонасаждением природным или искусственно разведенным. Кроме того, арендаторам предоставлялось право выбрать и занять на все время аренды под усадьбу и постройки на юго-восточном склоне возвышенности Кокайту 10 десятин свободной земли, где им удобно.

Для орошения указанного участка земли предпринимателям Глушкову и Конеvu предоставлялось право в продолжение всего арендного срока брать воду подъемными машинами из р.Кафирниган, а в случае надобности и из р.Амударьи по 1/2 куб. сажени в секунду, непрерывно с 1 марта по 1 октября, а в остальное время года не более 1 куб. сажени в секунду. Если пользование таким количеством воды будет наносить ущерб оросительным системам, то предусматривалось расход воды уменьшить до нормального количества. Если воды не будет хватать для орошения арендованной земли, то расход ее должна установить особая комиссия, причем постановление этой комиссии приводится в исполнение по утверждении его туркестанским генерал-губернатором.

При орошении и использовании земли под сельскохозяйственные и промышленные предприятия предприниматели имели право проводить в пределах отведенного участка оросительные каналы, ответвления и сбросные каналы, а также строить гидротехнические сооружения, разного рода постройки для жилья и для различных торговых и промышлен-

ленных заведений, открываемых ими (в последнем случае уведомляя об этом бухарское правительство), и пристани на реках Кафирниган и Амударья. Пристани должны были устраиваться так, чтобы они не мешали проходу лодок, поднимаемых по над берегом на лямках.

Если для будущего орошения остальной части Кафирниганской долины понадобится вести через земли предпринимателей магистральный канал и сбросные каналы, то концессия обязуется вступить в переговоры об отводе для этой цели, за плату по взаимному соглашению, необходимой площади земли.

Селения, культурные земли, частновладельческие усадьбы, постройки, сады, кладбища, места, почитаемые святыми, и колодцы в число отводимых земель не входили и не могли быть отчуждены, а там, где имелись колодцы, должны быть оставлены свободные полосы земли для перегона скота.

Если гидротехнические сооружения и постройки для целей орошения необходимы на землях вне отвода, то бухарское правительство отводило 25 десятин земли безвозмездно.

Во избежание недоразумений между предпринимателями и местным населением границы земли, обрабатываемой частными собственниками, и пастбищ, на пользование которых получены законные документы до 1914 г., должны быть обозначены, нанесены на план и точно описаны в особом акте, подписанном беком и одним из предпринимателей или их уполномоченными.

Пункты договора, касающиеся вопросов содержания дорог, мостов, и подобных сооружений, восстановления гидротехнических сооружений, разрушенных в результате стихийных бедствий или военных действий в бекстве, а также передачи прав и обязанностей концессионеров были те же, что и в договоре концессии "Гавхарали".

Если часть отведенной предпринимателям земли впоследствии требовалась для нужд железнодорожных, оросительных и других общественных предприятий, то необходимое количество земли подлежало изъятию у концессионеров с возмещением убытков по справедливой оценке.

"Система орошения отведенных участков как в период работ, так и во все время существования не должна быть сопряжена с каким-либо вредом для коренного населения и существующего уже у него водопользования, а также и других мест, которые будут ограничены..."¹³⁹

Если предприниматели в указанный в договоре срок не приступали к устройству оросительной системы, то отведенная им земля возвращалась обратно бухарскому правительству и договор терял силу.

По прошествии пяти лет со дня утверждения этого договора русским правительством предприниматели обязаны были платить правительству Бухарского ханства арендную плату в размере 7425 руб. ежегодно. Если предприниматели не внесут в срок причитающуюся арендную плату, то по истечении льготного месяца на них начисляется пеня в размере пяти процентов годовых, но по истечении года за неуплату

эмир мог принудительно взыскать арендную плату. От других платежей и земельных налогов предприниматели и их правопреемники освобождались.

Предприниматели на арендуемой земле имели право строить фабрики, заводы и другие торгово-промышленные заведения и склады, но обязаны были сообщить об этом бухарскому правительству.

Все работы по орошению должны были закончены в течение пяти лет со дня утверждения русским правительством договора, причем к концу третьего года должен быть готов магистральный арык, а к концу последующих двух лет все земли должны быть орошены, за исключением неудобных и негодных для орошения мест, а также лугов по р.Амударье, находящихся в общем пользовании предпринимателей и местного населения для пастбы скота.

Срок, упомянутый в договоре, можно было продлить по желанию предпринимателей до восьми лет при условии разрешения русских властей.

Этот договор должен был соблюдаться обеими сторонами и подлежал предъявлению в Политическое агентство в Бухаре.

Заключенный Глушковым и Коневым с бухарским правительством договор входил в силу лишь в случае одобрения его русским правительством. После официального подписания обеими сторонами он был заверен Политагентством¹⁴⁰.

Договор Глушкова и Конева с бухарским правительством создавал широкий простор для эксплуатации местных жителей. Плата эмирскому правительству ничтожную сумму за аренду, концессионеры могли получать большие доходы от возделываемого на огромной площади хлопка и других культур, а также от сдачи этой земли в аренду дехканам.

Политагентство 25 июля 1914 г. сообщило Мирзо Насрулла бию кушбеги о том, что партия изыскателей во главе с землемером Г.И.Крысевичем прибудет к участку в Кабадианском бекстве, арендованному Глушковым и Коневым, для производства работ по отмежеванию участка от частных владений, согласно договору об аренде. Означенное лицо уполномочено подписать акт об отмежевании.

Одновременно политагент просил бухарского кушбеги оказать партии исследователей необходимое содействие со стороны местных властей и населения Кабадианского бекства в исполнении порученной им задачи¹⁴¹.

Б.И.Искандаров указывал, что специальная изыскательная партия во главе с Г.И.Крысевичем в течение двух с половиной месяцев отмежевала арендованную землю от прочих частновладельческих. После получения участка концессионеры Глушков и Конев стали именовать себя Айваджским товариществом¹⁴².

По словам А.Рябинского, 5 августа 1914 г. учредители передали концессию товариществу "Айвадж"¹⁴³. В товарищество в основном входили те же самые концессионеры.

В докладе начальника Управления земледелия и государственного имущества в Туркестанском крае от 1 октября 1915 г. на имя туркестанского генерал-губернатора указано: "Половина площади отводится русским засельщикам за плату на условиях по добровольному с ним соглашению, но во всяком случае не свыше половины урожая"¹⁴⁴.

Царская администрация в Туркестане была заинтересована в усилении русской колонизации в Бухарском ханстве, поэтому и было предусмотрено отвести половину площади русским переселенцам в аренду за половину урожая.

Политагент Миллер 15 октября 1916 г. в письме на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги писал: "Владелец концессии "Айвадж" русскоподанный Глушков телеграфирует мне о том, что жители Айваджа занимают земли концессии и признанные кабадианским беком.

Само бухарское правительство воспретило им весной пахать эти земли"¹⁴⁵.

Ввиду этого политагент просил бухарского кушбеги дать распоряжение по телеграфу о прекращении действий жителей Айваджа, нарушающих права и интересы концессий"¹⁴⁶.

Политагент в Бухаре Миллер всячески поддерживал концессионеров и защищал их интересы. Он требовал от бухарского правительства, чтобы кабадианский бек выполнял все их требования.

Товарищество "Айвадж" обратилось к кушбеги с просьбой об оказании ему содействия бухарскими властями в найме рабочих для товарищества в Кулябе, Чубеке, Джиликуле и Курган-Тюбе.

Политагент просил кушбеги "обратить серьезное внимание местного бека на необходимость большого содействия товариществу "Айвадж" в деле найма рабочих"¹⁴⁷.

Бухарское правительство сообщало, что согласно просьбе политагентства дано указание правителям Куляба и Курган-Тюбе об оказании содействия в найме рабочих для указанного товарищества в Кулябе, Чубеке, Джиликуле и Курган-Тюбе"¹⁴⁸.

Для освоения концессией земель рабочих нанимали во многих районах Восточной Бухары, порой расположенных вдали от мест основных работ концессий.

В связи с деятельностью товарищества "Айвадж" в Кабадианском бекстве наряду с феодальными формами эксплуатации имел место и капиталистический наем рабочей силы. Для строительства канала около к.Лублакор товарищество из различных бекств Восточной Бухары привлекало большое число мардикоров – наемных рабочих"¹⁴⁹.

В концессии "Айвадж" они работали от зари до позднего вечера. Их труд никакими законами не нормировался. Мардикоры были лишены элементарных прав, за тяжелый труд получали гроши. Охрана труда совершенно отсутствовала. Это очень часто приводило к несчастным случаям, которые нередко кончались увечьем и даже смертью.

Политагент Миллер 7 ноября 1916 г. в письме за № 9697 на

имя Мирзо Насрулла бия кушбеги указывал: "Русское товарищество на Айвадже жалуется на захваты местными жителями арендованной товариществом у бухарского правительства земли. В октябре 1915 г. бывший кабадианский бек признал землю, на которую жители к.Айвадж претендовали, принадлежащей названному товариществу. Несмотря на запрещение, жители Айваджа начали поливать и распахать эту землю"¹⁵⁰.

Касаясь вопроса о взаимоотношениях местного населения и концессионеров, Б.И.Искандаров отмечал, что они сложились далеко не в пользу последних. "С первых дней концессионеры наталкивались на сопротивление местного населения, это было вызвано тем, что под видом пустопорожних земель очень часто "товарищество" включало в свои концессии крестьянские земли"¹⁵¹.

Политагент А.Миллер в своем отношении управляющему канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства от 7 ноября 1916 г. писал о том, что деятельность русского товарищества в Айвадже встречает значительные препятствия со стороны управляющего Айваджской таможней П.Н.Фон Гаудица, который якобы уничтожал разграничительные знаки и восстанавливал против концессии кабадианского бека, местные власти и население.

Так, политагент сообщал, что 30 октября Гаудиц не допустил заключения между товариществом и жителями к.Айвадж соглашения, касающегося водопользования, расчистки и исправления средствами концессии

арыка местных жителей. Политагент обвинял Гаудица во вмешательстве в деятельность товарищества и в дискредитации в глазах местных властей и населения"¹⁵².

14 ноября 1916 г. управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства запросил у Ташкентского таможенного инспектора для доклада объяснение управляющего Айваджской таможней Гаудица"¹⁵³.

Управляющий Айваджской таможней заставы в секретном отношении от 12 ноября 1916 г. на имя политического агента в Бухаре писал: "За последнее время ко мне несколько раз приходила депутация из старейших туземцев кишлака Айвадж, во главе с их аксакалами и муллами, и заявила, что местный концессионер г.Глушков запрещает им под угрозой стрельбы в них приступить к обычным осенним полевым работам на принадлежащих им пашнях, которые они обрабатывали испокон веков, еще со времени переселения из Аравии в Айвадж"¹⁵⁴. Б.И.Искандаров отмечал, что они находились на этих землях с периода распространения ислама в Средней Азии"¹⁵⁵.

Управляющий таможней указывал на тяжелое положение, в которое было поставлено местное население Айваджа в результате лишения его посевной площади. Глушков лишил туземцев большей половины их пахотных земель, около 800 танавов. Это грозило им полным разорением и голодом, так как остатка земли не хватало для их нужд. Далее он отмечал: "Глушкову отданы в концессию лишь не обрабатывавшиеся

раньше пустыри, расположенные к северу и юго-западу от кишлака, вдоль черного края, и что их пашни не подвергались в 1914 г. при первоначальном приезде инженера от г.Глушкова ни измерениям, ни нивелировке... считаю нужным доложить, что все старослужащие на границе и я лично можем подтвердить, что спорные пашни действительно всегда обрабатывались и раньше местными туземцами и что земля эта топографом г.Глушкова не измерялась"156.

Управление Ташкентского таможенного инспектора в своем секретном донесении от 10 декабря 1916 г. в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства сообщало, что направляет объяснение управляющего Айваджской таможенной заставой Гаудица с указанием о том, что "принятое им участие в интересах темного и некультурного туземного населения вызвано было чистосердечным отношением его к нуждам угнетаемого"157. Для Глушкова важно было скомпрометировать работника местной таможни, который осмелился посоветовать местным жителям к.Айвадж написать жалобу русским властям.

Представители местных жителей к.Айвадж Кабадианского бекства 14 ноября 1916 г. направили жалобу на имя туркестанского генерал-губернатора: "С прошлого 1915 года в районе Айвадж получил концессию помещик г.Глушков, а теперь, когда мы, айваджские, хотели приступить к осенней обработке своих пашен под посевы будущего года, г.Глушков, под угрозой стрельбы, запрещает нам эти работы, заявляя, что наши пашни - его земля!"158 Далее они сообщили о насильственном захвате земель, которые принадлежали им, а в концессию по договору вошли только пустопорожные земли, не засеваемые местными жителями.

"Насколько нам известно, г.Глушков получил концессию лишь на пустыри, которые раньше никем не обрабатывались и только эти пустыри и измерялись и были нивелированы инженером г.Глушкова в 1914 г., наши же обрабатываемые земли не измерялись, посему поступок г.Глушкова считаем произволом, направленным к полному разорению нас и к тому, чтобы мы волей-неволей переселились в Афганистан"159. Они были вынуждены обратиться к высшему представителю царской власти в Средней Азии и просили защитить их от несправедливости со стороны концессионеров, направить в к.Айвадж русских и бухарских представителей "для законного размежевания наших земель, ибо произвольный захват наших пашен делает нас нищими и заставит удалиться впоследствии в Афганистан, проливая слезы обиды и негодуя на отсутствие справедливости".160

По всей вероятности, жалоба была обсуждена на сельской сходке местными жителями к.Айвадж.

Политагент Миллер 28 ноября 1916 г. в письме на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги писал, что товарищество в Айвадже жаловалось на совершенное отсутствие содействия со стороны бухарских властей. Далее просил принять меры к немедленному разрешению всех недоразу-

мений с населением и оказать помощь товариществу в приобретении продуктов и наемных перевозочных средств. Причем цели эти могут быть достигнуты назначением постоянного бухарского чиновника, обязанного состоять при названном товариществе и оказывать ему помощь. Желательно назначить на эту должность Шир Али джибачи, служившего при бывшем кабадианском беке, а если это почему-либо не представится возможным, то какого-либо другого подходящего для этой должности чиновника"161.

В ответ на это письмо кушбеги сообщил, что кабадианский бек будет оказывать всяческое содействие товариществу и что указанный в письме Шир Али джибачи назначен постоянным бухарским чиновником при товариществе"162.

Управляющий Айваджской таможенной заставой титулярный советник Петр Николаевич Гаудиц в своей секретной докладной записке на имя Ташкентского таможенного инспектора от 28 ноября 1916 г. докладывал, что после ознакомления со сведениями, имеющимися у политагента, он пришел к заключению о том, что автором сведений является местный концессионер Глушков. П.Н.Гаудиц описал причины возникновения конфликта концессионера Глушкова с местным населением к.Айвадж. Осенью 1916 г., в октябре или ноябре, после возвращения его с досмотра товаров на берегу Амударьи канцелярский чиновник Сухаровский доложил ему, что на заставу заходила депутация от жителей к.Айвадж и жаловалась, что Глушков, захватив всю общественную пахотную землю с южной стороны кишлака, приступил к проведению арыка на этой земле. Жители просили им помочь, заявив, что в противном случае они разгромят концессию. Не застав управляющего таможней, депутация направилась к командиру Айваджского пограничного отряда, а на обратном пути зашла вторично к управляющему таможней. Далее П.Н.Гаудиц пишет, что он, как и командир отряда поручик Н.Н.Малева-нов, предупредил туземцев, чтобы они никаких агрессивных поступков по отношению к концессии не проявляли, так как этим вызовут гнев и строгое наказание, и посоветовал им подать на концессию жалобу или отправить своих доверенных к политическому агенту для выяснения вопроса о правах концессии на их пашни и ходатайства о законном размежевании земли"163.

Жители к.Айвадж перестали работать на землях концессии и не давали больше рабочих для проведения арыка на своей земле. Они отослали в Бухару двух своих доверенных, которые однако возвратились ни с чем, так как мало кто хотел слушать, когда речь шла о концессии"164.

После этого случая Глушков обвинил управляющего таможней во враждебных действиях, направленных против его концессии.

Местные жители продолжали обращаться в различные русские учреждения с жалобой на концессионера.

"Впоследствии... ко мне несколько раз приходили сарты и, заяв-

ляя, что г.Глушков все-таки намерен забрать их обрабатываемую пахотную землю, просили им помочь и написать кому следует, так как они ни от кого не могут добиться, на каком основании г.Глушков хочет захватить их пашни, раз они не отдавались ему никем и не измерялись топографом г.Глушкова при первоначальном приезде его в 1914 г."¹⁶⁵

Управляющий таможенной обещал местным жителям написать прошение на имя политического агента в Бухаре, но, как он сам писал, состояние здоровья и отсутствие времени не позволили ему это сделать. Он надеялся на мирный исход дела и думал, что Глушков отмежевание проведет законным порядком.

Он отмечал, что "Глушков заявляет свои права на пашни туземцев на том основании, что считает их "не обрабатывавшейся раньше" землей, а между тем даже ребенок, и тот скажет, что спорная земля — сплошные пашни, так как она везде разделена, везде проведена на ней целая система арыков и все старослужащие на границе говорят, что на этих пашнях туземцами раньше всегда производились посевы, иногда только с годичными промежутками для отдыха земли"¹⁶⁶.

Автор докладной записки отмечает, что командир местного отряда ротмистр Богушевский, которому была дана бухарским правительством концессия в Дарвазском бекстве, тоже заявил, что Глушкову не могли быть отданы в аренду обрабатываемые местными жителями пашни. Гаудиц всячески старался не допустить народного гнева, направленного против царского и бухарского правительств. "Я всегда успокаивал приходивших ко мне туземцев, всегда советовал им быть корректными, во избежание наказания, и добиваться своих прав законным путем (что они лояльно и делают), причем предупредил их, что раз окажется, что их пахотная земля действительно отдана г.Глушкову, то с этим нужно примириться, так как без разрешения русского и бухарского правительств это не сделано"¹⁶⁷.

24 или 25 октября 1916 г. в к.Айвадж приехал кабадианский бек. Когда управляющий таможенной и командир отряда ротмистр Богушевский уходили от бека, к ним обратились местные жители Айваджа с жалобой, что они хотели приступить к обычным осенним полевым работам на своих пашнях, но Глушков не допустил их, заявляя, что их пашни — его земля.

Командир отряда ответил, что он лично им ничем не может помочь, но если они подадут по существу дела прошение, то он направит его политическому агенту.

На следующий день управляющего таможенной встретил переводчик кабадианского бека и просил составить ему черновик прошения от имени местных жителей, что он и сделал, набросав карандашом их жалобу. "Через несколько дней, однако, выяснилось, что жалоба не будет подана, так как за переписку ее запросили с туземцев 30 рублей, и что черновик жалобы "куда-то исчез"¹⁶⁸.

В этом деле не последнюю роль сыграл сам Глушков, который

истратил определенную сумму денег, чтобы подкупить представителей местных бухарских властей.

Местные жители неоднократно обращались то к управляющему таможенной, то к командиру отряда с жалобой на Глушкова.

"Создалось такое положение, что и жал было смотреть на бродивших уныло по улицам и оторванных от своей кормилицы-земли туземцев, учитывающих надвигающиеся на них последствия безземелья, и вместе с тем приходила в голову мысль: "а какие могут быть последствия, если вдруг эти туземцы проявят свою злобу на деле?"¹⁶⁹

Управляющий таможенной, больше всего беспокоясь о том, что это могло оказаться чреватым последствиями, решил обратиться к политическому агенту. Но Глушков опередил его, и вся вина легла на Гаудица. Путем обмана и подкупа кишлачной верхушки Глушков заключил с ними сделку о том, что указанные земли принадлежат концессии. Об этой сделке многие жители к.Айвадж не знали ничего, а те, кто знал, "гораздо больше прислушивались к "голосу" кошелька г.Глушкова, чем к голосу своей совести и голосу своих односельчан".

П.Н.Гаудиц отмечал добродушное отношение местного населения к русским: "Можно считать за правило, что за всякую проявленную к туземцам добродетель они сердиться не будут и примут эту добродетель с радостью и благодарностью"¹⁷⁰.

Но когда им предлагали расчистить их же собственный арык, ведущий на их собственные поля, и в то же время облагали налогами за право пользования водой и обработку поливных земель, то, естественно, никто на это не соглашался.

До захвата земель местных жителей в к.Айвадж концессионер захватил земли в соседнем кишлаке. Автор докладной записки указывал, что "в кишлаке Хошади он (т.е. Глушков, — Ш.Ю.) уже произвел посевы на кишлачной пахотной земле"¹⁷¹.

Таким образом, Глушков ничем не брезговал для достижения своих целей. Учитывая то, что шла первая мировая война и Россия воевала с Германией, умело используя дух времени и настроение русских административных властей, он обвинил управляющего таможенной в Айвадже, немца по происхождению, в подрыве "интересов русского правительства". Тем самым он хотел избавиться от человека, препятствовавшего ему в захвате земель жителей к.Айвадж. Земли жителей к.Хошади были им захвачены не без помощи местного бека и его чиновников, которые за подарки, преподносимые Глушковым, поощряли захватнические аппетиты этого помещика. Вода и лучшие земли вокруг кишлаков должны были принадлежать, по мнению Глушкова, концессии. Как огромный спрут, товарищество тянуло последние соки из местных дехан окружающих кишлаков.

Политическое агентство в Бухаре 2 декабря 1916 г. направило в канцелярию генерал-губернатора новое отношение, в котором подтверждались сведения о вмешательстве управляющего айваджской таможенной в дела

концессии товарищества "Айвадж", якобы совершенно не входившие в его компетенцию. Политагентство считало желательным скорейшее перемещение Гаудица из Айваджа и командирование "в Айвадж на земли концессии компетентного лица для рассмотрения начинающих возникать трений между местным населением и представителями товарищества"¹⁷². Таким компетентным лицом, по мнению Политагентства, был надворный советник Леонтьев, который в это время изучал положение дел на концессии "Ширабад" в Ширабадском бекстве.

Средства для этой цели могли быть получены частью от бухарского правительства, частью от товарищества "Айвадж".

Политагент Миллер 20 декабря 1916 г. в письме за № 11431 на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги сообщал, что для улаживания возникающих между товариществом "Айвадж" и местным населением Бешкентской долины Кабадианского бекства недоразумений и споров из-за воды и земли на концессию этого товарищества будет командирован находившийся на концессии "Ширабад" Леонтьев.

В ответ бухарское правительство сообщило Политагентству, что отправлено письмо ширабадскому беку о назначении для сопровождения надворного советника Леонтьева одного чиновника, а кабадианскому беку — другое письмо, где указано, что в урегулировании разногласий между жителями Бешкентской долины и товариществом "Айвадж" Леонтьеву необходимо оказывать всяческое содействие и помощь¹⁷⁹.

Относительно границы концессии А.Рябинский писал следующее: "К 1917 г. площадь концессии была вымежевана, однако точного описания границ, засвидетельствованного беком, еще не было сделано"¹⁷⁴.

Чиновник, командированный в Кабадианское бекство на земли концессии "Айвадж" для возможного урегулирования возникших споров из-за земли и воды, указывал, что, прибыв 3 января 1917 г. в Бешкентскую долину и ознакомившись с обстоятельствами дела, он "установил несомненный факт предполагавшегося захвата земли товариществом "Айвадж" у местного населения в размере приблизительно 200 десятин обрабатывавшихся пашен"¹⁷⁵.

9 марта 1916 г. член товарищества "Айвадж" Глушков в своем письме на имя политагента в Бухаре, излагая жалобу на население, говорил, что культурные земли признаются принадлежащими местным жителям лишь в том случае, если они имеют законные документы, выданные им до 1 января 1914 г., на право владения этими землями. Между тем жители к.Айвадж захватывают большое пространство земли, отданной в аренду товариществу бухарским правительством.

Леонтьев писал: "Так как в Бухарском ханстве нет обычая выдавать какие бы то ни было документы на право обработки амляковых земель, то и у Бешкентской долины названных документов не оказалось"¹⁷⁶. В имеющихся документах указывалось, что право пользования землей относится исключительно к землям, служащим выпасом для скота, но отнюдь не к землям, находящимся в обработке у местных жителей.

Как отмечал Леонтьев, указанный участок находился вне границ концессии и был весьма важен для населения, так как по свойству почвы это был один из лучших районов обрабатываемых площадей¹⁷⁷.

Представители товарищества "Айвадж" еще более укрепились в сознании своего права на спорный участок после того, как в ответ на их жалобу относительно захватнических намерений со стороны населения через кабадианского бека было приказано местному населению прекратить работы на землях, принадлежавших концессии.

Как отмечал Леонтьев, кушбеги, очевидно, не мог дать другого ответа на жалобу Глушкова, полагая, что в данном случае рассматривается вопрос действительного нарушения прав концессионеров. Исполнитель же на месте, кабадианский бек, не имея также точных данных о границах расположения спорного участка, в точности исполнил приказания кушбеги и запретил местному населению трогать земли концессионеров.

Таким образом, спорный участок земли в 200 десятин был санкционирован кушбеги как "принадлежащий концессии". Создавшееся недоразумение давало повод населению, темному и безграмотному, полагать, что обрабатываемые земли также могут быть достоянием товарищества, независимо от уже установившихся границ заарендованной товариществом площади¹⁷⁸.

Несмотря на накалившуюся обстановку в результате захвата земли, недовольство местных жителей к.Айвадж не переросло в открытое выступление. По этому поводу Леонтьев в своем рапорте писал, что особых выступлений со стороны населения не было, кроме посылки депутации в Бухару. Более же определенно выразилось отношение населения к концессионерам в том, что когда спор из-за земли наиболее обострился, концессионеры не смогли получить должного количества рабочих из среды местных жителей для рытья магистрального канала, тогда как в начале работ на концессии, т.е. год тому назад, рабочих было в избытке.

Ознакомившись с положением на месте, Леонтьев пришел к выводу: "В настоящее время с уверенностью можно сказать, что недовольства среди населения не предвидится"¹⁷⁹. Он считал, что вопрос о земле и о взаимоотношениях концессии с местным населением в к.Айвадж решен благополучно.

Далее Леонтьев докладывал о результатах переговоров концессионеров с местным населением относительно воды. Помимо магистрального канала, который мог оросить всю арендованную площадь, проведен канал из р.Кафирниган на 8 верст (длина концессионной площади была около 30 верст). Товарищество незадолго до приезда Леонтьева в Айвадж вошло в соглашение с населением о расчистке, расширении и удлинении, за счет товарищества, айваджского арыка, принадлежавшего населению и берущего начало вблизи к.Лублакор, с правом пользования водами этого арыка для орошения как южной части концессии.

так и спорного участка в 200 десятин. Концессия заключила соглашение с некоторыми должностными лицами кишлака, якобы выступавшими от имени всех жителей. Они же узнали об этом позже, во время спора из-за земли с концессией.

Документ этот был подписан восемью лицами от населения. Такое решение было далеко не единогласным, так как по прибытии Леонтьева в Айвадж часть населения в присутствии бека заявила о нежелании давать товариществу право пользования водами арыка, мотивируя нежелание свое тем, что концессионеры "взяли нам принадлежащую землю - возмут впоследствии и воду". Составленный упомянутый документ, находившийся на руках Рутковского, беку известен не был, а подпись свою под ним указанные восемь лиц тщательно скрывали¹⁸⁰.

Рутковский отложил решение этого вопроса на неопределенное время, потому что все подделки концессионеров были разоблачены.

Управляющему делами товарищества "Айвадж" Леонтьев доложил следующее.

1. Спорный участок в 200 десятин, расположенный вне концессионных земель, обрабатывавшийся местным населением, должен и впредь быть в его распоряжении. Всякое же увеличение концессионной площади не только за счет культурных земель, но и земель действительно пустопорожних должно производиться с ведома местных властей (бека) и далее установленным порядком, через Политическое агентство. Боясь обострения отношений между концессией и местным населением, которое могло привести к открытым выступлениям крестьянских масс не только к.Айвадж, но и всего бекства, Леонтьев вынужден был объявить местным жителям о полном их праве продолжать на том участке полевые работы.

2. Разграничительные знаки должны быть восстановлены по всей концессии средствами товарищества, чтобы можно было строго определить принадлежность земель¹⁸¹.

3. Во исполнение договора необходимо составить точное описание границ концессии, подписанное местным беком.

Леонтьеву было поручено выяснить затраты товарищества "Айвадж" с начала деятельности концессии. Управляющий делами товарищества определенного ответа на этот вопрос не дал, но обещал снести с Глушковым и представить документ относительно расходов концессии. Леонтьев писал: "Все же расходы, произведенные товариществом: до настоящего времени, определяют до 200 000 руб. Между прочим, приказчик т-ва определил эти расходы в 80 000 руб"¹⁸². Далее он отмечал, что из Кафирнигана выведен магистральный канал, протянувшийся на 8 верст, проведены распределители и оросители. Вблизи к.Кокайты выстроен хутор из сырца, с глиняными крышами, площадь с двором и постройками 300-350 кв. сажен, стоимостью приблизительно тысячи три.

В южной части участка, в урочище Маис-го, имеются более со-

лидные постройки из сырца, где помещаются контора, службы, квартиры для служащих. Они обнесены забором. Стоимость всего сооружения - тысяч 8-10. Вблизи, на землях населения в районе спорного участка, поставлен кирпичный завод. В дальнейшем предполагено построить хлопкоочистительный, маслобойный заводы и мельницу¹⁸³. По сведениям А.Рябинского, "товарищество устроило скотоводческую ферму стоимостью в 12 тыс. рублей золотом"¹⁸⁴.

Таким образом, Айваджская концессия частично вступила в эксплуатацию. В 1916 г. общая посевная площадь, орошенная исключительно своим каналом, составляла 200 десятин. Главным образом произведен посев хлопка, а также люцерны, пшеницы и ячменя. Всего было собрано хлопка 2000 пудов. Урожай этого года вследствие неблагоприятной весенней погоды, по свидетельству Леонтьева, назвать удачным было нельзя. Весь хлопок был продан по 10 руб. за пуд на термезские заводы. Хлебные злаки возделывались главным образом для нужд засельщиков и жителей близлежащих кишлаков Кабадианского бекства. Условия для засельщиков были основаны на половинных началах. Орудия обработки, скот, семена выдавало товарищество, урожай же делился поровну. В указанное количество хлопка (2000 пуд.) входила доля и полонинщиков¹⁸⁵.

Таким образом, концессионеры, в руках которых была сосредоточена масса земельных участков, сдавали землю для обработки малоземельным и безземельным крестьянам в издольную аренду, которая носила кабальный характер и являлась одним из основных способов жесткой эксплуатации трудящихся масс.

К.Маркс отмечал, что "... капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу"¹⁸⁶.

При посещении центральной усадьбы Леонтьев видел лавки, где продавались различные товары для местных дехкан и служащих концессии. "При хуторе, для обслуживания нужд засельщиков, имеется лавка с красным и бакалейным товаром, причем цены на предметы, вывозимые из Патта-Гиссара, повышены процентов на 20-25, красный же товар продается дешевле существующих цен, что привлекает туземных купцов из Кабадиана и Джили-Куля"¹⁸⁷.

Более точных данных во время своего посещения Леонтьеву собрать не удалось.

Хотя компаньоном по концессии Глушкова был Конев, он не играл в управлении делами товарищества "Айвадж" важную роль. Фактически руководство концессией полностью принадлежало Глушкову, без согласия которого управляющий делами товарищества не мог отвечать на те или иные вопросы относительно деятельности товарищества даже представителям царской администрации.

В связи с первой мировой войной осложнилось дело товарищества ввиду призыва в армию русских специалистов. Поэтому 22 ноября

1916 г. Глушков обратился с письмом в Политагентство с просьбой освободить от воинской повинности лиц, без которых невозможно вести дела товарищества.

Для руководства делами товарищества был создан аппарат управления.

С расширением деятельности концессии положение населения окрестных кишлаков, занимавшегося скотоводством, становилось все труднее, Леонтьев докладывал туркестанскому генерал-губернатору о новых назревающих трениях между населением и концессионерами. Местное население обладало значительным количеством верблюдов. Земли населения, ограниченные с запада на протяжении 30 верст образовавшейся концессией, а с восточной стороны р.Кафирниган, оказались замкнутыми¹⁸⁸. Положение местного населения по мере удлинения оросительного канала концессии становилось труднее, потому что главное место выпаса верблюдов переходило на склоны гор Кокайтау, дорога же туда лежала через земли концессии. При переходе скота через земли концессии случались потравы, что являлось нарушением правил, за которое концессионеры штрафовали местных жителей. "Неминуемые потравы всегда будут служить предметом разбирательства местных властей и урегулировка этого вопроса тем более необходима, что жители к.Айвадж, Лявлякор (Лублакор. - Ш.Ю.) и Хошади просили помочь им в этом деле и для сведения сообщили, что за 27 верблюдов т-во взяло с владельца 216 руб."¹⁸⁹.

Правило, установленное концессией, создавало широкий простор для произвола со стороны товарищества, а при желании концессионеры всегда могли "обосновать" необходимость наказания и штрафования дехкан. Особенно это было на руку управляющему концессией, который не придерживался никаких норм в штрафовании местных жителей за потраву концессионных земель. Если же местный житель не мог уплатить, то за это дело брался сам кабадианский бек или его чиновники, которые также старались как можно больше получить штраф. Таким образом, концессионеры имели дополнительные доходы с местных жителей в виде штрафов.

Политагент 26 января 1917 г. в письме на имя товарищества "Айвадж" писал, что Леонтьев указывал на совершенно необоснованное стремление товарищества захватить у местного населения участок земли мерою около 200 десятин, не входящий в концессию. Этот участок, на котором расположен кирпичный завод товарищества, представляет собой земли, обрабатываемые населением; следовательно, согласно договору, он мог быть отчужден и никоим образом не должен был входить в состав земель концессии. Он также отметил, что договор с местным населением заключен неправильно¹⁹⁰.

Боясь возникновения недоразумений, Политагентство просило товарищество прекратить необоснованные притязания на указанный участок в 200 десятин.

Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства 14 февраля 1917 г. сообщала, что прошение А.В.Глушкова от 30 ноября 1916 г. о предоставлении товариществу "Айвадж" преимущественного права на аренду остальной части Бешкентской долины мерою около 10 000 десятин рассмотрено генерал-губернатором, который считает преждевременным удовлетворение его ходатайства, так как товарищество, заарендовавшее там же огромную площадь земли в 5000 десятин, должно еще на деле доказать жизнеспособность своего предприятия и, кроме того, установить действительно хорошие отношения с местным населением¹⁹¹.

Управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства Ефремов 13 февраля 1917 г. в письме на имя ташкентского таможенного инспектора указывал, что генерал-губернатор, ознакомившись с материалом, представленным ему Леонтьевым по делу о недоразумениях товарищества "Айвадж" с местным населением, признал действия управляющего таможней в Айвадже "в этом инциденте вполне корректными"¹⁹². К такому заключению генерал-губернатор пришел не в интересах защиты местных жителей от посягательства концессии, а из боязни, что это может привести к массовым выступлениям дехкан не только против концессионеров, но и против царской администрации.

Управляющий делами товарищества "Айвадж" в письме от 18 февраля 1917 г. на имя политагента в Бухаре указывал, что в товариществе "Айвадж" каждый из участников отвечает по общему делу всем своим имуществом. Средства, необходимые для осуществления заключенного с бухарским правительством 5 июля 1914 г. договора об орошении и обработке 4950 десятин в Бешкентской долине, поступают и будут поступать по мере надобности. Товариществом прорыто на заарендованной земле 9 верст магистрального канала и до 25 верст распределительных каналов; построена главная усадьба Маис-Го около поста Айвадж, хутор Дальний около Хошади, орошено около 600 десятин. Всего израсходовано до 200 000 руб. В 1916 г. около 80 десятин было засеяно хлопком, 120 десятин - разными хлебными злаками¹⁹³. Отсюда видно, что Айваджская концессия еще не полностью вступила в эксплуатацию, а были сделаны первые шаги в деле, которое сулило концессионерам в будущем большие доходы.

Политагент Миллер 2 марта 1917 г. в письме на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги писал: "Русское товарищество в Айвадже жалуеться на притеснения, чинимые кабадианским беком состоящему при товариществе бухарскому чиновнику Шир Али джибачи, и на неоказание беком должного содействия к найму рабочих и верблюдов за справедливую цену"¹⁹⁴. Поэтому политагент просит кушбеги "предписать названному беку оказывать товариществу должное содействие и не притеснять состоящего при нем чиновника Шир Али джибачи.

Что касается спора этого товарищества с селением Айвадж о 200 десятинах земли, то Политическое агентство приняло меры к выяснению этого вопроса"¹⁹⁵.

Местные жители отказывались от работ, которые предлагались концессией, не предоставляли лошадей и верблюдов для транспортировки грузов концессии. Они предпочитали уходить на заработки в Термез, Керки и другие города ханства. Это была пассивная борьба с концессионерами.

Десятки дехканских хозяйств очутились в крайне тяжелом положении в связи с сокращением посевных площадей, захваченных концессионерами. Группы бывших пахарей, лишенных своих земель, в поисках средств к существованию прибывали в города Термез, Патта-Гиссар, Керки, пополняя ряды городской бедноты и рабочих местных промышленных предприятий.

Чиновник Туркестанского генерал-губернаторства в рапорте от 4 марта 1917 г. писал, что, ознакомившись с копией письма управляющего делами товарищества "Айвадж" в связи с вопросами спорных земель, он видит, что объяснение Глушкова по своему содержанию аналогично его жалобе в Политагентство от 9 марта 1916 г.

Это свидетельствует о том, что товарищество "Айвадж" твердо отстаивало свое право на спорные 200 десятин земли¹⁹⁶.

Далее этот чиновник полагал, что для предпринимателей не столь важны указанные 200 десятин, как установление принципа, по которому культурные земли населения, на право владения которыми оно не имеет документов, должны отойти к предпринимателям даже в том случае, если они лежат вне границы концессии. Имея же спорные земли в своем владении, предприниматели, несомненно, заявят претензии и на культурные земли, прилегающие по всей восточной границе концессии, т.е. на все то, что служило окрестному населению единственным источником к пропитанию; и уже на законном основании установленные границы концессии и самый план участка потеряют свое значение, а за предпринимателями будет установлена возможность беспрепятственно расширять границы своих владений, нисколько не считаясь с правом местного соседнего населения.

"Последствия, могущие произойти от этого, учесть трудно, но несомненно, что вмешательство посторонней силы со временем явится необходимым"¹⁹⁷. Царского чиновника больше всего пугали последствия перехода земель местного населения окрестных кишлаков в распоряжение концессии. Возмущение и открытое выступление безземельных крестьян близлежащих кишлаков придется подавлять вооруженной силой царскому правительству. Именно поэтому оно стремилось ограничить аппетит русских предпринимателей в Бухарском ханстве.

Чиновник докладывал: "По обследованию моему и свидетельству кабадианского бека, население кк. Айвадж, Лявлякар и Кошады (Хошадди. - Ш.Ю.) пользуется землей на праве амлянном, а на такие земли бухарским правительством вообще никаких документов не выдается, и указанное население их не имеет. Отсюда очевидным станет то беспомощное положение, в котором могут оказаться жители при примене-

ний толкования г.Глушкова"¹⁹⁸. Все вышеуказанные земли считались государственными, а жители кишлаков обрабатывали эти земли, за что платили в пользу казны соответствующие подати и налоги.

Он отмечал также, что, допуская даже, что притязания товарищества ограничатся лишь спорным участком и что этим закончится расширение площади концессии, все же, на случай возможного перехода предприятия в другие руки, необходимо сохранить земли местного населения и не дать преемникам товарищества широко воспользоваться своим весьма сомнительным правом. "Единственным же способом приобретения нужных земель может служить добровольная уступка при купле земли установленным порядком"¹⁹⁹. Но концессионеры не хотели тратить свои капиталы на покупку земли, они хотели путем неправильного толкования договора прибрать к своим рукам земли местных жителей.

А.В.Глушков, обращаясь в Политагентство, отмечал, что концессия, безусловно, не может отчуждать земли селений, усадеб, построек, кладбищ, мест, почитаемых святыми, и колодцы. "Что же касается земель культурных и пастбищ, то не подлежат отчуждению только такие из них, на правопользование которыми имеются документы". Но, как пишет чиновник, проводивший расследование спорного вопроса: "... так как документов у населения вообще нет, то все культурные земли могут по таковому толкованию отойти к предпринимателям"²⁰⁰.

Концессионеры хотели захватить эти земли, а местных жителей сделать арендаторами. "Очевидная тенденция предпринимателей клонится к тому, чтобы на законном основании завладеть обработанными землями населения, оставить, согласно толкованию г.Глушкова, за ними только селения, усадьбы, кладбища и проч., не дающие никакого дохода, и, таким образом, обезземельное население сделать своими засельщиками"²⁰¹. Глушков, несомненно, знал о том, что у населения нет документов на культурные земли.

Представитель царской администрации писал: "... простая логика говорит за то, что толкования отдельных пунктов договора в редакции последнего неправильны, односторонни, клонящиеся ко вреду населения и небезопасны в практическом своем применении"²⁰².

Попытка Глушкова захватить земли местных жителей вызвала тревогу среди населения всего Кабадианского бекства. По этому поводу чиновник писал: "Для меня ясной становится та тревога окрестного населения, выливавшаяся по приезду моем в январе месяце в Айвадж, в вопросе: "Правда ли, договор составлен так, что предприниматели могут распространить свое право на все земли культурные, вплоть до р.Кафирниган?..."²⁰³

По свидетельству этого чиновника, спорный участок не врезался клином в земли концессии, что легко видеть по плану, а занимал низовую площадь и западной границей своей прилегал к урочищу Маис-го, расположенному на несколько возвышенном плато. Ширина земель концессии на этом месте была больше версты.

Оставаясь во владении населения, указанные 200 десятин не могли помешать орошению площади концессии в 500 десятин, лежащей ниже дороги, так как воду можно было провести с западной стороны спорного участка, по косогору Маис-го.

Арендванная площадь концессии вся была годна под орошение, сама техника орошения не зависела от спорного участка. В крайнем случае, полосу под оросительный канал, путем взаимных уступок, всегда можно было взять у населения.

Поэтому чиновник считал, что заявление Глушкова о том, что создавшееся положение уменьшает площадь концессии на 750 десятин, также не отвечает истине²⁰⁴.

В свое время площадь концессии была обследована предпринимателями, ее размеры и границы удовлетворяли товарищество, был составлен план и заключен договор. "Если же что оказалось и упущенным, то во всяком случае поправка не должна компенсироваться за счет интересов населения..."²⁰⁵.

Управляющий делами товарищества "Айвадж" в письме на имя политагента от 27 марта 1917 г. по делу о спорной земле товарищества "Айвадж" с жителями к. Айвадж сообщил, что Леонтьев неправильно толковал некоторые пункты договора товарищества.

Для обоснования принадлежности спорного участка земли товариществу концессионеры привлекли лучших адвокатов, которые дали заключение о том, что спорная земля входит в концессию. "При проверке этого плана в натуре до очевидности ясно, что означенная земля входит в состав концессии, а отграничительная канава идет не с запада на восток, как это изобразил на своем плане г. Леонтьев, а с севера на юг, согласно указанию компаса"²⁰⁶.

Управляющий считал, что Леонтьев допустил большую ошибку в определении границ концессии, и просил назначить комиссию для осмотра спорной земли, включив в нее землемера, которого необходимо было пригласить из г. Самарканда из состава оброчно-межевой партии Управления земледелия²⁰⁷.

Российский резидент в Бухаре в письме от 28 июня 1917 г. в Туркестанский комитет Временного правительства указывал: "В марте месяце текущего года резидентство предложило товариществу "Айвадж" доставить копию подписанного с русским правительством в лице Министерства земледелия договора в соответствии с Особым журналом Совета Министров от 13 марта 1914 г. в дополнение к полученной от бухарского правительства оросительной концессии, явленной в бывшем Политическом агентстве 5 июля 1914 г. за № 847.

Предложение это осталось без ответа. Посетивший же резидентство по делам товарищества управляющий делами последнего г. Глушков заявил мне, что подобного договора с русским правительством товарищество не заключало и заключать не намерено, так как это условие лишило бы товарищество возможности успешно и продуктивно осуществлять свои концессионные права"²⁰⁸.

Далее резидент просил комитет дать разъяснение о том, остаются ли в силе положения Особого журнала и какую позицию должно занять резидентство по отношению к товариществу "Айвадж", уклоняющемуся от заключения договора с русским правительством.

Туркестанский комитет Временного правительства 17 августа 1917 г. в письме на имя российского резидента в Бухаре отмечал, что до заключения товариществом "Айвадж" договора с русским правительством никакие претензии концессии удовлетворены быть не могут, поэтому не может быть удовлетворена и просьба товарищества о назначении комиссии для осмотра спорной земли²⁰⁹.

В конце февраля 1918 г. в Новую Бухару (Каган) прибыл председатель СНК Туркестана Ф. Колесов во главе красногвардейского отряда численностью в 500-600 человек и предложил эмиру объявить в ханстве свободу слова, печати, собраний, отменить смертную казнь и телесные наказания, уменьшить налоги и т.д., на что эмир ответил отказом. Тогда Колесов со своим отрядом двинулся на Старую Бухару. 3 марта 1918 г. красногвардейцы подошли к столице эмирата. Эмир согласился выполнить требования, для того чтобы выиграть время.

В это же время по приказу эмира духовенство развернуло бешеную агитацию, призывая наиболее отсталое, фанатично настроенное население подняться на "священную войну против неверных". Отряд Колесова отступил в Новую Бухару, а затем начал отступать по направлению к Самарканду. В Бухаре и в поселениях по линии железной дороги бухарские войска и фанатично настроенные толпы, подстрекаемые духовенством, зверски истребляли русское население и грабили его имущество. Во время этих событий сооружения Айваджской концессии были разрушены, было изъято большое количество скота. Товарищество располагало к тому времени скотом на общую сумму 142 800 руб. Кроме того, летом 1918 г. большая площадь была засеяна пшеницей и ячменем²¹⁰.

Российское резидентство 2 сентября 1918 г. в письме за № 2539 на имя кушбеги Усманбека писало: "Товарищество "Айвадж" в Кабадианском бекстве 29-го августа с.г. сообщило мне, что жители кишлака Хошади разбили землю товарищества около этого кишлака для постройки на ней усадьбы.

Ввиду того, что товарищество предполагает в скором времени продолжение дела орошения земель, взятых у бухарского правительства, ... прошу сделать распоряжение о воспрещении бухарскоподданным занимать земли, арендованные товариществом"²¹¹.

Мирзо Давронбек бий в письме на имя кушбеги сообщает, что во время событий (имеются в виду события марта 1918 г.) все представители товарищества забросили участок и выехали. Земля пока свободна, и если представители товарищества придут, то им будет передан этот участок²¹².

Резидентство в письме от 17 сентября 1918 г. на имя кушбеги

Усманбека бия парвоначи писало: "До сведения резидентства дошло, что жители кишлаков Хошади, Алляикор (Лублакор. - Ш.Ю.) и Айвадж захватывают земли, орошенные товариществом "Айвадж" в Кабадианском бекстве. Так как при возобновлении работ эти захваты могут породить излишние недоразумения между туземцами и упомянутым товариществом, то прошу вас ... сделать соответствующие распоряжения о воспрещении жителям означенных кишлаков захватывать земли товарищества "Айвадж"²¹³.

В письме Чарджуйского районного комитета хлопкового отдела Краевого совета народного хозяйства от 27 ноября 1918 г. за №1585 Уполномоченному представителю при бухарском правительстве от Туркестанской Советской Республики в Новой Бухаре А.К.Есьману указывалось: "В восточно-бухарских долинах имеются принадлежащие т-ву "Айвадж" по взятой им концессии на 99 лет от бухарского правительства 4950 десятин земли, граничащей с юга с рекой Амударьей и с востока - с рекой Кафирниган до пограничного поста "Айвадж". Ввиду того, что названное товарищество занималось исключительно эксплуатацией хлопка, ... мы предполагали бы эту плантацию национализировать в пользу Туркестанской Советской Республики, так как хлопковая промышленность, принадлежащая русским подданным, национализирована. Поэтому просим Вас, гр.Есьман, выхлопотать на имя Чарджуйского районного комитета разрешение на право поездки на вышеупомянутую плантацию"²¹⁴.

Российское резидентство 4 января 1919 г. направило письмо за № 4 Усманбек бию парвоначи: "Препровождая при сем копию отношения Чарджуйского районного комитета хлопкового отдела Краевого Совета от 27 ноября с.г. (т.е. 1918 г.) за № 1585, прошу вас. сделать распоряжение о выдаче открытого листа на имя Комиссии Чарджуйского районного комитета на право поездки на указанный в отношении земельный участок на предмет обследования инвентаря и всего имущества, принадлежащего товариществу "Айвадж"²¹⁵.

Бухарское правительство знало, что имущество концессии было разграблено во время мартовских событий 1918 г., а гидротехнические сооружения были разрушены. Вдохновителем этих грабежей и разгромов выступало само бухарское правительство, мусульманское духовенство и эмир. Но кушбеги не сообщал об этом официально соответствующим органам Советской власти в Чарджуе. А тем временем эмир продолжал накапливать силы для борьбы с Советской властью.

В ответ на письмо от 4 января 1919 г. за № 4 кушбеги Усманбек бий парвоначи сообщил, что разрешение на имя районного комитета г.Чарджуя для установления имущества товарищества "Айвадж" было направлено в резидентство²¹⁶.

В разрешении от 21 января 1919 г. указывалось, что всем бекам Бухарского ханства необходимо оказывать содействие подателю этого открытого листа, который является представителем районного ко-

митета г.Чарджуя и выезжает в местность Айвадж Кабадианского бекства для установления имущества товарищества "Айвадж"²¹⁷.

Бухарское правительство, заняв явно контрреволюционную позицию, всячески стремилось до поры не вступать в конфликт с молодой Советской республикой. Поэтому ответы кушбеги были направлены на то, чтобы показать, что правительство эмира идет навстречу просьбам советских органов.

Российское резидентство 6 марта 1919 г. направило кушбеги Усманбек бию парвоначи письмо за № 831: "В Восточной Бухаре имеются концессии "Айвадж", "Ширабад" и др., арендованные бывшими промышленниками русскоподданными у бухарского правительства на 99 лет на право эксплуатации. В настоящее время, ввиду национализации означенных обществ, право эксплуатации этих земель перешло к их правопреемнику - Республике. Хлопковый отдел народного производства намерен в ближайшем будущем приступить к самой интенсивной подготовке по их орошению и обсеменению.

Сообщая о сем, Российское резидентство по дружбе просит доставить на имя Бухарского хлопкового районного комитета открытые листы на право проезда на означенные концессии и подготовки там необходимых для орошения и обсеменения работ и об оказании местными беками возможного с их стороны содействия означенному комитету"²¹⁸. На этот запрос резидентство ответа не получило. Поэтому 25 апреля 1919 г. за № 1483 последовало новое письмо бухарскому правительству с просьбой ускорить ответ²¹⁹.

Полномочный представитель в Бухарском ханстве 27 мая 1919 г. в письме за № 2017 на имя кушбеги Усманбек бия диванбеги писал: "По полученным сведениям, у кабадианского бека находится на учете имущество живого и мертвого инвентаря Айваджской концессии, как-то: лошади, быки, плуги, веялки, конные молотилки, конные лопаты, обыкновенные лопаты местного образца и проч."²²⁰ Далее указывалось, что в данный момент в названных предметах ощущается острая нужда, поэтому полномочный представитель просил кушбеги сделать распоряжение беку о передаче по описи всего инвентаря Термезскому исполнителюному комитету²²¹.

Этот вопрос так и не был решен. Только победа революции положила конец этим спорам. Советское правительство приняло специальную декларацию о том, что Советская республика отказывается от привилегий, которыми пользовалась царская Россия по отношению к Бухаре, и о передаче бухарскому народу всех земель, захваченных самодержавием, со всеми заводами, фабриками и недвижимостью²²².

Таким образом, начало XX в. характеризуется усилением проникновения русского капитала в экономику эмирата, в частности Восточной Бухары. В это время исключительно большое значение приобретает вопрос о земельных концессиях в восточных бекствах эмирата. Деятельность Айваджской концессии свидетельствовала о дальнейшем проникновении

русского капитала в экономику эмирата. Все это усиливало эксплуатацию трудящихся масс со стороны эмира и его чиновников, русских помещиков и буржуазии, что, в свою очередь, способствовало классовой дифференциации крестьянства. Произвол, чинимый эмирской и местной администрацией, русскими концессионерами и феодально-ростовщическими элементами, захват ими земель у дехканства, вызывали массовое обезземеливание, а это, в свою очередь, обостряло классовую борьбу в крае.

Концессия А.Н.Лазаренко. Развитие капитализма, узость внутреннего рынка заставляли царское правительство, помещиков и буржуазию искать новые рынки сбыта и источники сырья. Капитализм, как указывал В.И.Ленин, имеет свойство развиваться не только вглубь, но ивширь. Он подчеркивал "стремление развитого капитализма расширяться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии..."²²³.

Крупные землевладельцы и царские чиновники активно приобретали пустующие земли в Восточной Бухаре на концессионных началах. С просьбой о предоставлении земельных участков в отдельных бекствах Восточной Бухары стали обращаться и мелкие чиновники царской администрации, которые работали в таможах, пограничных постах и т.д. Одним из них был А.Н.Лазаренко, который решил приобрести земельный участок в Кабадианском бекстве.

3 марта 1917 г. екатеринодарский мешанин А.Н.Лазаренко подал в Политическое агентство прошение: "Находясь в кишлаке Айвадж, мне было обещано в сем году концессией т-ва "Айвадж" 20 дес.земли для посевов хлопка. Между тем земля эта оказалась спорной и для выяснения этого вопроса, кому она должна будет принадлежать, находится в сем году невозделанной. Ввиду этого я просил кабадианского бека и жителей к.Шах разрешить мне делать в сем году посев хлопка"²²⁴.

Далее он просил политагента снестись с Бухарским кушбеги и просить его выдать на имя кабадианского бека бумагу об отпуске ему 10 десятин земли в районе к.Шах, на берегу р.Кафирниган, неподалеко от горы, на тех же условиях, какими пользуются жители Кабадианского бекства, т.е. с взысканием в пользу Бухарского правительства сбора хараджа и других повинностей.

Политагент 9 марта 1917 г. обратился к бухарскому правительству с письмом, в котором говорилось о просьбе А.Н.Лазаренко²²⁵.

Бухарский кушбеги относительно просьбы А.Н.Лазаренко об отводе ему в районе к.Шах Кабадианского бекства участка земли мерою в 45 таналов писал, что им было сделано распоряжение кабадианскому беку, который донес, что жители кишлака заявили, что у них имеется один арык, из которого удовлетворительно орошается их земля, но лишних земель нет.

1 мая 1917 г. в Российское резидентство поступило еще одно прошение от А.Н.Лазаренко, где он писал, что в марте он просил Политическое агентство оказать ему содействие в приобретении в районе к.Шах Кабадианского бекства участка земли мерою в 15 десятин, которая хотя и находится в ведении к.Шах, но не обрабатывается. В ответ на ходатайство Политического агентства он получил от кушбеги разрешение на приобретение участка земли для посева хлеба и пр., но жители к.Шах сначала были согласны дать ему землю, а затем отказали. А.Н.Лазаренко, получив первоначальное согласие на землю, приобрел к тому времени живой и мертвый инвентарь, как-то: лошадей, плуги, бороны, семена и пр. "Это при теперешней дороговизне обойдется слишком дорого и в случае отказа явится для меня как небогатого человека прямо разорением.

Ввиду сего я вновь прошу полномочное резидентство оказать содействие перед бухарским правительством об отводе мне другого участка из земли, принадлежащей бухарской казне"²²⁶.

21 июня 1917 г. управляющий резидентством в Бухаре обратился к кушбеги Низамуддину Ходжа бию с ходатайством о предоставлении участка земли А.Н.Лазаренко для использования под хлопок и другие злаки²²⁷.

На это ходатайство резидентства 31 июля 1917 г. последовал ответ бухарского правительства, в котором отмечалось, что жители к.Шах заявили ему, что вся земля, находящаяся между к.Шах и р.Амударьей, засеивается и обрабатывается ими самими. Они протестуют против отвода земли Лазаренко с предоставлением ему права пользования водой из арыка к.Шах и в том случае, если для него найдется свободная казенная земля, так как воды в арыке едва хватает для орошения их земли. Бек отмечал, что "всякое давление на упомянутых жителей в пользу Лазаренко может вызвать только лишь неблагоприятное последствие, т.к. они могут поднять беспорядок"²²⁸.

Не удовлетворившись этим ответом, резидентство еще раз обратилось к бухарскому правительству с этим вопросом.

1 августа 1917 г. бухарское правительство ответило, что жители кишлака не согласны отвести ему земельный участок из-за недостатка воды.

Местные жители были научены горьким опытом соседнего кишлака Айвадж, где Глушков вслед за арендой земли у бухарского правительства стал захватывать различными путями пахотные земли у жителей кишлака.

Хотя резидентство всячески стремилось предоставить А.Н.Лазаренко земли в указанном районе, местная администрация бекства, боясь неблагоприятных последствий, отказала ему в просьбе.

Российское резидентство в Бухаре 5 сентября 1917 г. в письме начальнику милиции г.Сарая указывало, что бухарское правительство отказало выделить земельный участок²²⁹.

Таким образом, стремление А.Н.Лазаренко освоить земли в окрестностях к.Шах Кабадианского бекства не дало ему ожидаемых результатов. Этот спор был окончательно решен с победой Великой Октябрьской социалистической революции, опрокинувшей всякое стремление к захвату земель в Бухарском эмирате со стороны русских помещиков.

Концессия Касымходжаева. После образования концессии Глушкова и Конева известный бухарский купец Латифходжа Касымходжаев обратился с просьбой к бухарскому правительству о разрешении ему организовать свою концессию в Кабадианском бекстве. Эта концессия должна была заключаться уже бухарским правительством и бухарским поданным по образцу русских концессионеров.

Эмир бухарский уполномочил своего наместника Мирзо Насрулла бия кушбеги заключить договор с купцом Касымходжаевым о сдаче ему в аренду на 99 лет двух участков пустопорожних земель в Кабадианском бекстве²³⁰.

Согласно договору, за Касымходжаевым закреплялись те же права и обязанности, что и за айваджскими концессионерами, за исключением некоторых изменений.

Бухарское правительство отдавало в аренду Касымходжаеву для орошения и использования под разные сельскохозяйственные культуры и промышленные предприятия земельный, без населения, пустынный участок в Кабадианском бекстве Бухарского ханства сроком на 99 лет в следующих границах. Бешкентский район, площадь 20 000 десятин: с востока – правый берег р.Кафирниган, от могилы Ходжа Мурат до концессии Глушкова и Конева, с юга – вдоль концессии Глушкова и Конева до гор Койкитау.

Кабадианский район, площадь 22 000 десятин: с запада – левый берег р.Кафирниган, от к.Бештемур до р.Амударьи, с юга – правый берег Амударьи, от устья р.Кафирниган до гор Такка-Камар, до к.Бештемур. Кроме того, арендатору этой земли предоставлялось право подбирать и занять на все время аренды участок под усадьбы и постройки, где он найдет для себя удобным²³¹.

Для орошения указанных участков земли предпринимателю Касымходжаеву предоставлялось право отводить воду из р.Кафирниган, а в случае надобности он имел право брать воду из р.Амударьи, где ему было удобно, но только по 5 куб.саженей в секунду с 1 марта по 1 октября, а в остальное время года – по 2 куб. сажени в секунду.

Все работы по орошению отведенной земли должны завершиться в течение десяти лет со дня подписания договора, причем к концу седьмого года должен быть готов магистральный канал, а к концу последних трех лет все земли должны быть орошены, за исключением неудобных и негодных для орошения.

Пригодность всех проведенных работ по орошению устанавливается со дня подписания этого договора особой комиссией, назначаемой

бухарским правительством, причем эта комиссия проверяет пригодность сооружения всеми техническими способами, а также пробным пропуском воды по всей системе и отдельным ее частям.

По окончании 99-летнего срока арендного договора отведенная земля со всеми находящимися на ней насаждениями и гидротехническими сооружениями в полной исправности поступает в распоряжение правительства эмира бухарского, причем недвижимое имущество, в чем бы оно ни состояло, и все движимое имущество арендатор имеет право снести, на что дается двухлетний срок по истечении срока аренды, в противном случае имущество это поступает в пользу бухарского правительства.

Все сооружения, их содержание и охрана производятся за счет предпринимателя, и в случае неудачного результата ни предприниматель, ни его преемники не вправе требовать от бухарского правительства возмещения каких-либо убытков.²³²

Но и эта концессия не успела развернуть деятельности и с падением эмирата прекратила свое существование.

РЕМЕСЛО

Домашние промыслы в Кабадианском бекстве не обособлялись в особую отрасль хозяйства и, как правило, не отделялись от скотоводства и земледелия. Материалом служило по преимуществу скотоводческое сырье. Местные жители изготовляли войлок, шерстяные мешки (капы), веревки (арканы), шапки, занимались выделкой мехов и кож. В этих промыслах преимущественно применялся труд женщин. Женщины изготовляли хлопчатобумажную пряжу и на примитивных станках – грубые ткани (карбос), из которых шили халаты, рубашки и др., а также занимались производством шелковых тканей, однако в связи с болезнями шелкового червя шелковые промыслы не были постоянными.

Грены (яйца бабочек шелкопряда) получали только в собственном хозяйстве.

"Почти все хозяйства занимаются зимой домашними ремеслами: тканьем шерстяных и бумажных тканей, обработкой кож, сапожничеством и т.д. Кроме шелководства, население занимается еще сбором фисташки и бузгунча (напльв на листьях фисташек), идущего на окраску в красный цвет кожевенного товара"²³³.

В некоторых кишлаках существовали деревообрабатывающие промыслы: изготовление остова для юрт, сундуков, седел, колыбелей, деревянной посуды. Этими промыслами в основном занимались мужчины.

Мастерские, производящие предметы широкого потребления, обычно располагались на базарах или на центральных улицах, а также на прилегающих к ним перекрестках, в самых многолюдных местах – поближе к потребителю. Так, по данным, собранным А.П.Колпаковым, на базаре Кабадиана находились различного рода ремесленные мастерские,

например кузнечные и ювелирные. Здесь же были расположены маленькие кустарные мастерские сапожников (кафшдуз, музадуз)²³⁴, а также кожевенные мастерские по выделке седел, конской сбруи и других изделий, на которые имелся спрос у местных жителей и приезжих покупателей. Лавки являлись одновременно и предприятиями, где изготавливались эти предметы.

Дукан был торгово-ремесленным предприятием, где очень часто сочеталось изготовление изделий и продуктов с их продажей. В этом случае в дукане находился инвентарь, необходимый для данного производства, который могли продать или передать вместе с дуканом. Дукан мог означать торговую лавку и ремесленную мастерскую отдельно или то и другое вместе²³⁵.

Основным центром кустарно-ремесленного производства в Кабадианском бекстве считался Кабадиан, а затем большой кишлак Бешкент. Почти в каждом более или менее большом кишлаке была развита та или иная отрасль домашнего промысла или ремесла.

Гончарное производство было развито слабо. На гончарном круге с последующим обжигом изготавливались не только простые изделия, но и фигурные кувшины, которые покрывались глазурью и искусным орнаментом в красках. Все это требовало большого искусства. Производство глиняной посуды нередко становилось наследственной профессией.

В квартале Сарай-кишлок г. Кабадиана жили гончары²³⁶. Отчасти гончарным промыслом занимались также жители окрестных кишлаков Кабадиана.

Гончарное производство было развито в больших населенных пунктах бекства. Некоторые жители кишлаков Бешкентской долины также занимались гончарным ремеслом.

Из г. Кабадиана глиняная посуда поставлялась также в Джиликульское амлякдарство Курган-Тюбинского бекства.²³⁷

В выделке гончарных изделий обычно принимали участие и подrostки, они перемешивали глину. Гончар выпечивал изделия уже из готовой глины, причем один мастер мог делать всякого рода изделия, узкая специализация по тому или иному виду не практиковалась. Он же производил и окраску глиняных предметов.

В конце XIX в. гончарные изделия вырабатывались в большом количестве, потому что другой посуды не было.

Техника производства гончарных изделий оставалась такой же, как и несколько веков тому назад. Никаких усовершенствований не было.

Обычно выделкой гончарных изделий больше всего занимались осенью, когда завершались сельскохозяйственные работы, особенно когда стояли теплые без осадков дни, потому что не надо было укрывать посуду от дождя или заносить ее в помещения.

Кожевенное производство занимало большое место в хозяйстве

населения Кабадианского бекства. Оно распадалось на две отрасли: собственно обработка сырых кож и пошив кожевенных изделий. Обработка велась примитивным способом из сырья, полученного от собственного стада. Грубо обработанная кожа потреблялась не только в своем хозяйстве: товар поступал и на местный рынок, и за пределы края. Из кожи шили кожаные калоши (кавуш), мягкие сапоги (ичиги), упряжь, сбрую, мешки для воды и кислого молока; из мехов — шубы, шапки. Часть кожи перерабатывалась в грубую замшу (меша), которая окрашивалась в коричневый или другой цвет. Из нее шили шаровары, которые часто отделывали шелком и вышивкой. Она также шла на изготовление ножен для ножей, отделку седел и других изделий. Количество кожевенных мастерских остается неизвестным, так как в бекстве, как и во всем эмирате, отсутствовала статистика по учету ремесленных и кустарных промыслов.

В Кабадиане был квартал Чармгарон, жители которого в основном занимались выделкой кожи (чармгари). Здесь было 30–35 кустарных мастерских по выделке кожи. В каждой мастерской у хозяина было по одному — по два ученика (шогирд). Кожу выделывались из шкур коров, лошадей, овец, коз и верблюдов. Дубились они кустарным способом и продавались на базаре в Кабадиане²³⁸. Известными мастерами по выделке кожи в этом квартале были усто (мастер) Очил и усто Раджаб, которые изготавливали самые хорошие кожи.

В Кабадиане жили потомственные кожевники-кустари, их дети тоже становились кожевниками. Раджабали Джалилов пишет, что он, будучи сыном кустаря-кожевника, работал в кожевенной мастерской с 15 лет²³⁹.

В к. Кушачинар в начале XX в. был известен кожевенный мастер Уста Очилди, другой житель этого кишлака Эргашбобо Шарипов был известен как хороший сапожник.

Сырье кожевникам поставляли мясники, причем только определенным мастерам, с которыми имелась договоренность.

В течение одной недели мастер выделывал в среднем 12 мелких и 3 крупные кожи. Невыделанные кожи из кишлаков, где не было своих кожевников, поступали на базары Кабадиана, где скупались кожевниками.

Особенно много ремесленных кожевенных изделий было в самом г. Кабадиане.

Ткацкое производство было широко распространено в бекстве.

Здесь изготавливались в основном хлопчатобумажные и шелковые ткани. Женщины на примитивных станках ткали материю и из шерстяной пряжи. Было распространено изготовление паласов.

В конце XIX и особенно в начале XX в. местное ткацкое производство стало приходить в упадок, так как оно не могло выдержать кон-

курении с дешевыми привозными тканями из России.

В центре бекства в г. Кабадиане в квартале Ябуз жили ремесленники, главным образом ткачи (алочабаф), ткавшие хлопчатобумажную ткань (алочу) белого цвета. "Ткали на примитивных ткацких станках. Мастер за целый день, работая с утра до вечера, мог выработать до 6 м узкой материи алочи"²⁴⁰.

По данным А.П. Колпакова; "карбос — белая хлопчатобумажная неокрашенная ткань производилась почти в каждом доме Кабадиана. В продажу эта ткань поступала редко".

В квартале Гышт-Купрук было три мастерских по выделке алочи.

В квартале Гузари-Боло также жили ремесленники, главным образом ткачи²⁴¹.

Д.Н. Логофет указывал, что часть местного населения Кабадианского бекства выделывала кошмы, грубые паласы, капы (мешки), подпруги для седел, а также грубые сорта сукна из бараньей и армянину из верблюжьей шерсти. "Все эти предметы поступают на местные базары и, помимо удовлетворения потребностей населения, вывозятся в Бухару, откуда ковры идут в Россию и за границу, а кошмы в русские и сибирские губернии"²⁴². Далее он отмечал, что население Кабадианского бекства занимается шелководством, выделывая из пряжи шелковые материи²⁴³.

Местное население бекства ткачеством в основном занималось зимой, когда наступало свободное от сельскохозяйственных работ время.

Красильное производство также получило сравнительно широкое распространение в бекстве. Правда, оно в значительной мере сохранило характер домашнего промысла, потому что окрашивали шерсть, употреблявшуюся на изготовление войлока, пряжи, из которой делали предметы одежды. Краски шли на отделку кожи, а также седел, ножен и пр. Ремесленники, изготавливавшие предметы домашнего обихода из дерева, также раскрашивали их.

Ткачи и пряильщики, которые кустарным способом изготавливали хлопчатобумажные ткани, ярко расцветивали свои изделия. До конца XIX в. применялись растительные и минеральные краски, с конца XIX в. стали пользоваться более дешевыми, привозными анилиновыми.

Местные жители собирали в окрестных горах различные растительные красители, из которых специальные мастера изготавливали разнообразные краски. Так, жители Кабадианского бекства занимались сбором в горах бузгунджа (нарост на листьях фисташек, который являлся хорошим красителем). Н.А. Маев во время своей поездки в 1875 г. видел жителей Кабадиана, которые направлялись в горы для этой цели: "В горах Ай-хатын мы встретили целую партию кабадианцев, отправившихся в горы за бузгунджем"²⁴⁴.

Кабадиан издавна был известен производством марены²⁴⁵,

которая использовалась для окрашивания в различные оттенки цветов шелка и хлопчатобумажных тканей, но главным образом шерсти.

Для получения краски различных цветов употребляли наросты на деревьях, цветы растений, гранатовые корки и различные местные травы. В начале XX в. больше стали пользоваться привозными красками, которые доставлялись из Афганистана.

Кузнечные промыслы были распространены во всем Кабадианском бекстве. Часто это были мастерские по обработке не только железа, но и других металлов — меди и свинца.

Опросные данные свидетельствуют о том, что существовали отдельные мастерские жестянщиков, медников, ювелиров и по обработке других металлов.

Не всегда ремесленники работали в своем кишлаке. Были и бродячие мастера, которые переходили из кишлака в кишлак, а иногда они специально приглашались в кишлак на определенный срок, где работали на заказчиков.

Заработок кузнецов был невелик. Поэтому кузнец, как правило, с сельскохозяйственным трудом — скотоводством или земледелием — совсем не порывал; его хозяйство обслуживали члены семьи. Прокормиться на низкий заработок было, конечно, невозможно.

По данным А.П. Колпакова, на базаре г. Кабадиана находились кузнечные мастерские, которые были расположены в главном торговом ряду²⁴⁶. Кузнец также подковывал лошадей и ослов.

Изделия местных кузнецов имели определенный спрос у жителей Кабадианского бекства, потому что привозные не полностью удовлетворяли потребности всего населения края.

В бекстве были мастера по выработке медных изделий. В г. Кабадиане известным мастером по изготовлению и чеканке меди считался Саид-мисгар.

Местные бай, купцы, которые имели торговые отношения с крупными городами Средней Азии, во время поездки привозили медные листы. Они нанимали местных мастеров-медников, которые изготавливали предметы своего ремесла из материала заказчика, а за свою работу получали плату с заказчика деньгами или продуктами питания.

В основном мастера-медники специализировались по изготовлению чайников, котлов, рукомольников, подносов, чилимов (курительная трубка) и других предметов домашнего обихода.

Ювелирное дело в Кабадианском бекстве, хотя и не являлось важной отраслью местного ремесла, но все же получило значительное развитие. Ювелирные мастерские в основном были расположены в главном торговом ряду кабадианского базара²⁴⁷. Ювелирами были афганцы, цыгане и индусы. А.А. Семенов отмечал, что индусы в Кабадиане занимались "ремеслом ювелиров и продавцов древних вещей; последние они в изобилии находят в этой обширной стране развалин"²⁴⁸.

Местные ювелиры изготавливали в основном женские украшения — золотые и серебряные серьги, браслеты и др. Изготавливались ожерелья из серебряных монет различных стран и различных периодов, которые пользовались широким спросом у местного населения.

Обычно местные жители приносили мастерам собственный материал, в большинстве случаев это были бухарские серебряные монеты. Изделия эти вполне удовлетворяли местных любителей украшений. Мастера кроме выделки новых изделий также занимались починкой старых.

Лавка ювелира считалась также антикварной, в ней находились различные предметы, найденные в окрестностях местными жителями. Среди них встречались редкие монеты, а также замечательные произведения искусства из золота и серебра. Многие русские путешественники, военные топографы, чиновники, офицеры и др. упоминали об этих произведениях искусства. Свидетельством тому является "Амударьинский клад" — замечательный памятник искусства.

Маслобойное производство также занимало одно из важных мест в хозяйстве жителей бекства. Масло вырабатывалось из семян хлопка, зигира и кунжута в маслобойнях (джувоз). Это были кустарные мастерские, вырабатывавшие масло примитивным способом. Производительность была очень невелика.

В Кабадиане один из крупных торговцев Акрам Пешавари (был родом из г. Пешавара) имел несколько маслобоен.

По сведениям, собранным А.П. Колпаковым, в каждом квартале г. Кабадиана (а их было 7) было по одной или две маслобойни (джувоз) для выработки льняного или кунжутного масла; в кварталах Козы-хана и Киет было по одной маслобойне. В бекской крепости около караульного помещения также была маслобойня²⁴⁹, которая обслуживала только двор бека. В к. Куша-чинар Ходжи Авганбай и Хаимбай владели маслобойнями, где работали наемные люди и обслуживали кроме самих баев и жителей этого кишлака, за что получали соответствующую плату.

Здесь местные жители занимались выделкой кунжутного, льняного и другого масла.

Мукомольное производство являлось одной из важных отраслей хозяйства края. В маленьких хозяйствах, особенно в бедняцких, были ручные жернова, которые изготавливали на заказ особые ремесленники. Но в рассматриваемый период широкое распространение получили водяные мельницы (осноб). Многие хозяйства бекства занимались посевами зерновых, и, следовательно, была необходимость в помоле зерна. Водяные мельницы находились почти в каждом крупном кишлаке, где имела вода.

По неполным данным Н.Н. Покотило, в 1886 г. в Кабадианском бекстве было 10 мельниц и 4 толчеи. Каждая водяная мельница могла перемолоть в сутки в среднем около 6 батманов²⁵⁰. Средняя стои-

мость помола 1 батмана зерна была 3-4 танга²⁵¹. В конце XIX в. водяных мельниц в Кабадианском бекстве было значительно больше.

Большое число водяных мельниц объясняется крайне низкой производительностью каждой из них, связанной с примитивностью их устройства. В арыке или небольшом канале укреплялся небольшой жернов диаметром 70-80 см. На него накладывался другой жернов, соединенный деревянным стержнем с горизонтальными лопастями, которые и заставляли вращаться верхний жернов. Мука получалась крупная, с примесью песка и мелких камней.

В самом Кабадиане владели водяными мельницами Мулло Исо эшик око боши, Муллокул эшик око боши, Мулло Вали туксабо, Али Ясавул, Эшони Хатиб.

Во многих кишлаках было по 1-2 мельницы, а в крупных населенных пунктах — по 5-6. Мельницы имелись в основном в кишлаках, расположенных на берегу р. Кафирниган, а также по каналам, берущим начало от этой реки. В Бешкентской долине мельницы были расположены на каналах, текущих из родника Чилу Чор Чашма. Все они по своему объему работы были небольшие. Работа мельниц, расположенных в районе р. Кафирниган, зависела также от уровня воды в этой реке.

В районе поливных земель почти в каждом кишлаке были мельницы, а в районе богарных земель — не во всех кишлаках. Так, в к. Тулхор вследствие недостатка воды не было мельниц. Ввиду этого дехкане вынуждены были возить пшеницу в соседние кишлаки. В среднем пропускная способность одной мельницы была от 30 до 40 пудов зерна в день. Плата за помол бралась натурой. Размер ее был не везде одинаков.

Были неудачные попытки строительства мельниц в отдельных кишлаках, но из-за нехватки воды или неправильного выбора места строительства это доброе начинание оканчивалось безрезультатно.

Почти в каждом большом кишлаке бекства наряду с мельницами имелись рисовые толчеи (обчувоз). Они так же, как и мельницы, были расположены непосредственно у ручьев, арыков, каналов и речушек, способных давать необходимое количество двигательной энергии. Там, где не было своих толчей, шалу возили в ближайшие соседние кишлаки.

Осенью, в период усиленной реализации урожая, толчеи были сильно перегружены. Пропускная способность одной толчеи была в среднем 30 пудов шалы в день (свыше 15 пудов риса). Плата за очистку бралась натурой.

Деревообделочное производство также было развито в Кабадианском бекстве. Здесь играли роль не только природные условия (не везде был лес); но и развитие специальных навыков. Каждый местный житель, особенно скотовод, нуждался в юрте, остоу которой делался из дерева. Из дерева же изготавливались некоторые предметы домашнего обихода: посуда, сундуки, колыбели.

О состоянии шелководства Н.А.Маев писал: "Кабадиан — большой город, населенный узбеками, производит очень много шелка, очень хорошего качества, оттого в кабадианских садах преобладает тут"²⁵². Далее он отмечал: "Ветви старых тутов, растущих по берегам Кафирнигана, также срезаны на корм червям. В Кабадиане производится много шелка, который здесь продается по 80 руб. за пуд"²⁵³.

Действительно, все путешественники, русские офицеры и ученые, посетившие затем Кабадианское бекство, отмечали, после посещения других бекств здесь резко бросалось в глаза громадное количество тутовых деревьев и их большие размеры. Все это говорит о наличии в этом крае шелководства — одной из отраслей хозяйства местного населения.

Русский офицер А.Н.Быков, посетивший Кабадианское бекство в августе 1878 г., отмечал, что "шелководство служит здесь едва ли не главным занятием жителей; уже вид больших, повсеместных плантаций старых тутовых деревьев наводит на мысль об этом, а расспросы жителей окончательно убеждают в том"²⁵⁴.

Согласно сведениям, собранным у местных жителей А.Н.Быковым, "самый бедный дом добывает ежегодно до 5 фунтов сырца, зажиточный — 15—20 фунтов"²⁵⁵. Развитие шелководства играло важную роль в экономической жизни населения края. По свидетельству А.Н.Быкова, "шелк-сырец обыкновенно весь скупался приезжавшими специально для этого купцами из Афганистана и Бухары по цене от 30 до 50 бухарских тенег за один чайрик²⁵⁶, или от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. металлических за фунт"²⁵⁷.

В 1886 г. С.Мазов отмечал, что жители Келифа привозят коконы преимущественно из Кабадиана и занимаются размоткой шелка²⁵⁸.

Тутовые деревья в Кабадиане находились в большинстве случаев в руках богатей, которые отдавали их в исполу бедноте для выкормки шелковичных червей. Половина коконов поступала в этом случае в распоряжение владельцев тутовых деревьев. По исследованиям А.П.Колпакова, коконы в Кабадиане не разматывались, а перевозились в Каратаг, где изготавливалась пряжа и ткались шелковые материи²⁵⁹.

Кабадианские шелководы ранней весной вывозили грону, а бродячие местные торговцы развозили ее по городам и кишлакам Восточной Бухары и продавали местным жителям²⁶⁰.

Как отмечал в 1895 г. Н.Бронников, в самом недалеком прошлом в Кабадиане довольно хорошо развивалось шелководство, но в последние 2—3 года оно почти окончательно пришло в упадок, вследствие повальной болезни шелковичного червя. Многие хозяева навсегда отказались от мысли заниматься этим делом и уже начали рубить тутовник на дрова²⁶¹.

В.И.Липский, будучи в 1896 г. в г.Кабадиане, отмечал: "Некогда Кабадиан славился своими шелковыми тканями"²⁶².

После некоторого зстоя в начале XX в. в Кабадианском бекстве вновь интенсивно стало развиваться шелководство, в связи с ростом потребности в коконах в самой Восточной Бухаре и в соседнем Северном Афганистане. Расширились посевные площади под тутовники и в Бешкентской долине. Различные болезни шелковичного червя неоднократно наносили ущерб развитию шелководства в крае.

В основном местное население занималось лишь первичной размоткой коконов и в таком виде сбывало шелковое сырье приезжим афганским купцам. Среднее хозяйство выводило до 75 фунтов коконов. С одной коробки грены получали до 2 пудов коконов²⁶³.

Бухарский кушбег Астанкулбек бий в письме от 24 зильхиджа 1325 (14 января 1908 г.) в Политагентство указывал, что "по общению кабадианского бека, всякий продавец шелковичной грены, по установившемуся обычаю, является к беку, который, в присутствии местных аксакалов, устанавливает цену и налог в пользу бухарского правительства, сообразуясь с урожаем и имущественным состоянием населения. Если налог не будет предварительно установлен, то население закупит много грены и спрячет ее в каком-нибудь потайном узком месте, и когда грена раскроется, то шелковичные черви погибнут, отчего сами же покупатели будут только в убытке"²⁶⁴.

Когда торговцы привозили в Кабадиан для продажи грону, кабадианский бек, казий, закотчи и другие чиновники устанавливали цену на одну коробку грены, которая обычно весила 6 мискалов. Торговец должен был придерживаться цены, установленной в пределах данного бекства. На имя каждого торговца местным казием выдавалась специальная бумага, которая разрешала ему продавать грону населению. Сюда грону привозили бухарские и кокандские торговцы. Обычно жители уплачивали за грону после получения коконов. После сбора коконов торговцы еще раз приезжали в бекство специально для сбора денег за грону. Бек тоже собирал подати с дехкан, которые занимались шелководством.

Бывали случаи, когда в бекство приезжали два торговца одновременно. Тогда между ними начиналась борьба. Один из них снижал стоимость грены, а другой шел с жалобой на него к беку, при этом торговец преподносил эмирским чиновникам подарки.

Н. А. Зарудный, посетивший Кабадиан в 1910 г., отмечал, что Кабадиан "прежде славился своими шелковыми тканями, да и теперь по шелководству занимает в Бухаре одно из первых мест"²⁶⁵.

Шелк-сырец поступал из Кабадиана в Гиссар, Душанбе и Каратаг²⁶⁶.

В конце XIX и в начале XX в. Кабадиан был крупным центром по разведению шелковичной грены во всей Восточной Бухаре.

Тяжелый, изнурительный труд кабадианских кустарей, неимоверно трудные условия их надомной работы, безжалостная эксплуатация со стороны мелких хозяйчиков и перекупщиков заставляли часть из них оставлять родные края и уходить в другие города Средней Азии.

Добыча соли являлась важным промыслом жителей бекства, которая тоже носила кустарный характер. Разрабатывалась она для местных нужд около Кабадиана²⁶⁷. О добыче каменной соли около к. Бешкент Кабадианского бекства писал А. Г. Ананьев²⁶⁸.

Разработка соли производилась лишь в одном месте, в долине р. Кафирниган, к северу от урочища Турхак, но не ломкой, с выпариванием соленой воды. "В этом месте из горы бьет ключ в водок, в котором процент соли настолько велик, что соль сейчас же на берегах образовавшегося из ключа ручья кристаллизуется. Эту-то воду туземцы отводят в выкопанные ими ямы и дают воде выпариваться, а затем собирают соль, обыкновенно захватывая вместе с солью и землю, почему от природы совершенно белая соль получает серый, грязный оттенок. Этой солью питается вся Гиссарская долина"²⁶⁹. Часть ее шла в близлежащие кишлаки Кабадианского бекства.

Некоторым подспорьем в хозяйстве была для местных жителей охота на пушных зверей в горах и тугаях, где водились бурый медведь, волк, лисица, куница и др. Шкурки продавались обыкновенно на местных базарах и отправлялись скупщиками в Самарканд, Бухару, Шахрисабз и другие среднеазиатские города.

Полномочный представитель Советской России в Бухарском ханстве 17 января 1919 г. обратился с письмом к бухарскому кушбеги Усманбек-бию парвоначи и просил сообщить исчерпывающие сведения о кустарных промыслах за истекший 1918 г.²⁷⁰

Накануне свержения эмирского строя в эмирате кустарные промыслы находились, как писало бухарское правительство, в стадии застоя. Многие ремесленники были мобилизованы в армию эмира. Другой причиной была нехватка различных материалов и сырья для ремесленников. Медь, свинец, различные металлы в основном сюда поступали из России. В связи с антисоветской политикой эмирского правительства кустари и ремесленники вынуждены были или довольствоваться местными материалами, или вовсе бросить свою работу.

По мере проникновения продукции промышленности России в Среднюю Азию местные кустарные промыслы постепенно начали отходить на задний план. Русские фабриканты и заводчики за весьма короткий срок сумели приспособиться к нуждам и вкусам местного населения. Их товары по своему качеству во многом превосходили изделия местной кустарной промышленности и были значительно дешевле.

ТОРГОВЛЯ

После установления русского протектората над Бухарским ханством и определения таможенной черты на бухарско-афганской границе стала быстро развиваться торговля в бекствах Восточной Бухары, в том числе и в Кабадианском. Основную роль в этом сыграло установление экономических связей с Россией, увеличение ввоза русских

товаров, более дешевых по сравнению с англо-индийскими, ввозившимися из Афганистана, а также вывоз местного сырья в города русско-го Туркестана. Однако существовавшие здесь феодальные отношения, а также плохое состояние дорог, отдаленность от железнодорожных путей тормозили развитие торговли. Да и сам царизм старался сохранить старые экономические отношения в крае, с тем чтобы использовать его в качестве источника сырья и рынка сбыта для своей промышленности.

В Кабадианском бекстве существовало два базара — один на левом берегу р. Кафирниган в г. Кабадиане, а другой на правом берегу, в к. Бешкент. В Кабадиане было два базарных дня — понедельник и четверг, а в Бешкенте — воскресенье и суббота²⁷¹. В соседнем Ширабадском бекстве в местечке Какайди базар был в пятницу, а в остальных бекствах — в другие дни. Торговцы, продав один товар и купив другой, ехали на другой базар для продажи уже закупленного товара, а некоторые со своими товарами выезжали в отдаленные кишлаки, где поблизости не было базаров. Такие торговцы хорошо знали потребности местных жителей и исходя из этого ввозили необходимые товары.

А. Н. Быков в отчете о поездке в Кабадиан в 1878 г. отмечал: "Городской постоянный базар имеет около 60 лавок и сверх того два раза в неделю бывают базары недельные. Большая часть торговцев — таджики из других городов и афганцы"²⁷². Кабадианское бекство вело торговлю скотом. Со всего бекства ежегодно продавалось скупщикам до 4 тыс. баранов.

В небольшом количестве здесь велась торговля зерном. В Кабадиане и Бешкенте "обыкновенно в обоих пунктах в каждый базар можно купить не более 18–20 батманов хлеба"²⁷³.

В прежние годы один батман пшеницы стоил от 1 руб. 60 коп. до 1 руб. 80 коп., а в 1878 г. вследствие зимних морозов и еще большего спроса стоимость его доходила до 4 руб. 1 батман ячменя стоил от 2 руб. 60 коп. до 3 руб., 1 сотня снопов клевера — от 1 руб. 60 коп. до 2 руб., 1 баран — от 2 руб. 40 коп. до 3–4 руб., 1 корова — от 6 до 8 руб., 1 бык — от 10 до 12 руб., 1 лошадь — от 10 до 60 руб., масло коровье за 1 чайрак²⁷⁴ — 80 коп., сало баранье за 1 чайрак — от 60 до 80 коп., мясо баранье за 1 чайрак — от 15 до 20 коп. Дрова можно было купить только в Кабадиане, где конский выюк фисташковых дров стоил от 30 до 40 коп.²⁷⁵

По данным Н. Н. Покотило, летом 1886 г. в Кабадианском бекстве были следующие цены на различные продукты и скот: 1 батман пшеницы с ил 13 танга, 1 батман ячменя — 9, 1 батман риса — 15, верблюд — 170, бык или корова — 60, баран — 16 танга²⁷⁶.

А. А. Семенов описывал базар в Кабадиане в конце XIX в.: "Скрытые ряды лавок, полутемные переходы и закоулки, занимавшие

большое пространство, во многом напоминали торговые ряды города Бухары; судя по оживлению многолюдной, волнуемой толпы, наводнявшей кабадианские базары, глядя на эти разнообразные товары, разложенные в местных лавках, можно заключить, что Кабадиан представляет собой весьма значительный торговый центр. Из товаров больше всего преобладает мануфактура (туземные шелковые материи и русские ситцы Цинделя и Морозовых), байжовые и зеленые чаи кяхтинских фабрикантов и разнообразные предметы местной производительности: кожи, сбура, фрукты свежие и сушеные и пр. Среди торговцев, помимо таджиков и узбеков, заметны бадахшанские таджики в своих афганских костюмах, неизменные яхуди (евреи) с традиционными пейсами и юркие слабосильные индийцы.

Последние в Кабадиане и его окрестностях занимаются, кажется, не только излюбленным ими ростовщиством, но и ремеслом ювелиров и продавцов древних вещей²⁷⁷. О том, что индусы в Кабадиане занимались ростовщиством, писал А.П.Колпаков²⁷⁸.

Р.Ю.Рожевец во время посещения в 1906 г. Кабадиана отмечал, что этот город отличается большим постоянным базаром. Он, в частности, указывал, что в г.Кабадиане, кроме ежедневной мелкой торговли, имелись и особые базарные дни (два раза в неделю), когда съезжались с различными товарами и продуктами своих хозяйств также жители окрестных кишлаков²⁷⁹.

Туркмены Джиликульского амлякдарства Курган-Тюбинского бекства самые необходимые вещи в домашнем обиходе покупали или выменивали на хлеб и скот в близком Кабадиане²⁸⁰. Из Джиликуля на базары Кабадиана и Бешкента привозили фисташку, бузгунч, паласы, хурджумы, кожу. А из Кабадиана в Джиликуль ввозили для продажи в основном рис. Из к.Сарай-Камар в Кабадиан привозили афганский рис особого сорта, тут маиз (сушеный тут), а отсюда в Сарай-Камар вывозили свежие и сухие фрукты. Из Айваджа приезжали на Кабадианский базар таможенные чиновники, а также работники товарищества "Айвадж". На Кабадианские базары приезжало много торговцев из г.Керки.

Известным торговцем в Кабадиане считался Исмаил Ходжа, который закупал на месте пшеницу, ячмень и вывозил все это в Бухару и Самарканд, а отсюда в Кабадиан привозил шелк, сатин, чай, сахар и другие промышленные товары.

Были мясники, которые торговали мясом у владельцев мясных лавок. Многие из них жили в квартале Сарай-Кишлок²⁸¹.

А.П.Колпаков путем расспроса старожилы Кабадиана установил следующие данные. В квартале Ябуз г.Кабадиана жили богатые купцы, такие как Пешавари, Ходжа Султан, Мулло Сафар. Они торговали чаем, ситцем и красками, привозимыми из Бухары и Афганистана.

Купцы Кабадиана держали верблюдов для торговых целей. "Их караваны ходили за товарами из Кабадиана в Бухару, Самарканд и Ташкент. Были баи, имевшие от 20 до 60 верблюдов"²⁸².

Кабадиан являлся также перевалочным пунктом по торговле хлебом. Из Кулябского и Бальджуанского бекств хлеб вывозили на верблюдах через Кабадиан²⁸³. Базар Кабадиана не входил ни в один из кварталов. Он располагался к северу от квартала Ябуз. На базаре находилось четыре караван-сарая.

Главные торговые ряды (раста), открытые, без крыши, тянулись на 360 м. Здесь были сосредоточены лавки, где продавались ткани, сладости — различные сорта халвы и фрукты. Параллельный торговый ряд возле пятничной мечети тянулся на 145 м. Сюда дехкане свозили для продажи дыни, арбузы и овощи. Здесь же располагались два караван-сарая.

Крытый торговый ряд, расположенный на северо-западе кабадианского базара, имел протяженность 100 м. Здесь размещались различные лавки с бакалейными и галантерейными товарами и находился караван-сарай. Небольшой крытый торговый ряд длиной в 50 м соединял два больших торговых ряда. В нем находился караван-сарай и различные лавки. В базарные дни приезжали жители Джиликуля, Шаартуза, Гиссара, Курган-Тюбе и Джаркургана.

Из Гиссара привозили в Кабадиан льняное семя (зигир) для выработки масла. Афганские купцы привозили чай и рис. Они же скупали за бесенок у бедноты различные продукты, которые затем перепродавали, получая значительный барыш. Ситец поступал через Термез и Айвадж из России или караванным путем из Бухары, Самарканда и Ташкента²⁸⁴.

Были перекупщики, которые привозили на базары бекства местные халаты, а при отъезде из Кабадиана покупали баранов, которые переносились в Карши, Бухару, Самарканд, Ургут и другие торговые центры для выгодной продажи. Часто в Кабадиан для продажи халатов приезжал торговый агент крупного купца Абдукарима из Патта-Гиссара.

В Кабадиане местный закотчи (сборщик пошлин) требовал с торговцев уплаты пошлины. Торговцы старались избежать встречи с представителями финансового ведомства бека. Но если они попадались, то сборщики пошлины не только требовали уплаты по существующему в бекстве порядку, но и сверх положенного. Поэтому торговцы часто жаловались в политическое ведомство на отсутствие порядка в торговле в Кабадианском бекстве²⁸⁵.

Кабадианский бек в письме на имя бухарского кушбеги сообщал цены на зерно и рис в Кабадианском бекстве в ноябре и декабре 1909 г. и в январе, феврале, марте, апреле 1910 г., а также стоимость транспортировки 1 пуда зерна от Кабадиана до Термеза.

Бек сообщил, что в год муш (мышь) 1902 г. 1 ман пшеницы стоил 80 тенга, 1 ман ячменя — 64, 1 ман неочищенного риса — 80 тенга.

В год бакар (коровы) 1913 г. 1 ман пшеницы стоил 80 тенга, 1 ман ячменя — 60, 1 ман очищенного риса — 220, 1 ман неочищен-

ного риса – 65 танга. Эти цены были непостоянными. Они зависели от привоза зерна из Гиссара, Бальджуана, Куляба и Кургана-Тюбе на базар Кабадиана. Если зерно привозили – цены понижались от 10 до 3 танга, а если не привозили, то цены поднимались от 5 до 10 танга. За транспортировку каждого пуда от Кабадиана до Термеза взималось 4 танга. 1 ман зерна в Кабадиане был равен двум манам в Бухаре. Бек сообщал цены по бухарским манам²⁸⁶.

Политическое агентство России 28 мая 1916 г. в письме за № 3716 на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги просило распорядиться заготовить и доставить по возможности в Политагентство открытый лист на имя отставного полковника русской службы Александра Околова и его сына – помещика Минской губернии Леонарда Александровича Околова, необходимый им для свободного проезда в бекства Кулябское, Гиссарское, Денауское и Кабадианское с целью ознакомления с торговлей хлопком, зерном, кожами и пр.²⁸⁷

В ответном письме бухарское правительство указывало, что открытый лист на вышеуказанных лиц выслан в Политагентство²⁸⁸.

Приезжая в указанные бекства, Околовы изучали состояние местной торговли, наличие необходимых промышленных и других товаров, а затем через своих агентов снабжали местные базары ходовым товаром, который приносил им колоссальные доходы. Но эти поставки из-за отсутствия дорог были очень незначительными.

Большую роль во внутренней торговле Кабадианского бекства с соседними бекствами играли переправы на р.Вахш. Первой из них была Вахшская переправа у впадения р.Вахш в Амударью. Вторая – Джилкильская против одноименного кишлака, на дороге в г.Кабадиан. Переправа была каючная²⁸⁹. Третья – у к.Лагман, тоже каючная²⁹⁰. Через них торговые пути шли в Курган-Тюбинское, а затем в Кулябское, Бальджуанское и другие бекства Восточной Бухары вплоть до Памира.

Для внешней торговли, в частности с Афганистаном, важными переправами через Амударью были: 1. Тахта-Куватская, которая находилась в 7 верстах ниже впадения р.Вахш в Амударью. Здесь имелись афганские и местные каюки для перевоза скота из Афганистана. Эта переправа находилась на дороге между афганским городом Кундузом и бухарским – Кабадианом. 2. Айваджская переправа, каючная, была расположена у впадения в Амударью р.Кафирниган. Через нее вывозились русские товары в Афганистан, а оттуда ввозился скот и другие афганские товары. "Переправа находится, – писал Д.Н.Логофет, – между Бухарским городом Кабадианом и афганским Кундузом, имеющим крупное торговое значение"²⁹¹.

По сведениям, собранным Д.Н.Логофетом, из Айваджа сплавлялись афганские грузы левого берега (из городов Имам-Сайба и Кундуза) – льняное семя-41 000 пудов, кунжут-3000, сушеные фрукты-2000, сырье – 2000, рис – 1000 пудов²⁹².

Все эти грузы шли по Амударье в русские города Туркестана, в Бухару, а также доходили до Хивы.

В начале XX в. наиболее развитым в торговом отношении населенным пунктом в Кабадианском бекстве был Айвадж, где располагалась таможня 3-го класса²⁹³.

Д.Н.Логофет отмечал: "В последние годы с устройством таможни здесь происходит довольно значительная торговля с Афганистаном"²⁹⁴.

Ввоз товаров из Афганистана по бухарско-афганской границе через Айваджскую таможню (в пудах)*

Товары	1896 г.	1900 г.	1904 г.
Каракулевые и лисьи шкуры	519	70	290
Шерсть	23	28	896
Кожи:			
а) невыделанные большие, козлиные и овчины	400	1703	1428
б) выделанные малые (меша)	6	1	-
Сухофрукты	2887	2601	3969
Семя кунжутное и льняное	21286	40762	27157
Хлопок "гуза"	1063	16633	4516
Шерстяные изделия	-	14	-
Ковры шерстяные	1	1	-
Скот крупный и мелкий, шт.	926	-	9400
Всего в руб. (вместе с другим незначительным количеством привозимого товара)	32567	112892	134583

* Губаревич – Радобыльский А. Ф. Материалы для изучения хлопководства. Вып. 2. Спб., 1912, с.123.

Вывоз в Афганистан русских товаров через Айваджскую
таможню (в пудах)*

Товары	1896 г.	1900 г.	1904 г.
Хлопчатобумажные ткани	2294	922	34
Сахар-рафинад	58	-	-
Металлы и изделия из них (чугунные котлы и кумганы преимущественно)	119	191	747
Пряжа бумажная	66	-	-
Керосин	-	-	8
Фаянсовая и фарфоровая посуда	12	40	18
Писчая бумага	55	-	32
Стеариновые свечи	3	-	-
Всего в руб. (вместе с другими товарами, вывозимыми в незначи- тельном количестве)	100839	40278	9166

* Губаревич - Радобыльский А. Ф. Матери-
алы для изучения хлопководства. Вып. 2, с. 121.

По сведениям, собранным Б. И. Искандаровым, ввоз и вывоз ману-
фактуры через таможню Айвадж в первые годы XX в. составлял:*

Год	Пуд	Руб.
1900	2272	26760
1901	114	5570
1902	1077	46079
1903	288	11112

* Искандаров Б. И. О некоторых изменениях в эконо-
мике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв. Сталинабад, 1958, с. 93.

Из приведенных данных видно, что в торговле с Афганистаном
товарооборот через Айваджскую таможню не был стабильным, - то уве-
личивался, то уменьшался.

Из Афганистана ввозился и хлопок. Так, в 1904 г. было ввезе-
но 4516 пудов хлопка²⁹⁵. Из Айваджа хлопок вывозился на каюках в
Термез, где перерабатывался на местных хлопкозаводах.

В 1903 г. из Афганистана через Айваджскую таможню было вве-
зено 7432 головы скота, в 1904 г. - 9408, а в 1905 г. - 385 го-
лов²⁹⁶. Скот в основном в основном шел в центральные города эмирата,
а также в города Туркестанского края.

Вывоз русских товаров в Афганистан в 1910 г.
через Айваджскую таможню (в пудах)*

Товары	Количество
Хлопчатобумажные ткани	107
Сахар-рафинад	426
Сахар-песок	1645
Спички	18
Галантерейные товары	50
Итого в руб.	42655

Средний оборот по внешней торговле через Айваджскую таможню
в Кабадианском бекстве следующий: ввоз в 1912 г. составил
994177 руб., в 1913 г. - 977159, в 1914 г. - 713046 руб., вы-
воз в 1912 г. - 44184 руб., в 1913 г. - 13377, в 1914 г. -
52546 руб.²⁹⁷

Приведенные данные свидетельствуют о том, что айваджское на-
правление во внешней торговле играло значительную роль. Однако был
резко выражен пассивный баланс: товаров ввозилось больше, а вывози-
лось меньше.

Большое количество товаров попадало из Афганистана в Бухар-
ское ханство контрабандным путем. По сведениям туркестанских вла-
стей, через Сарай, Курган-Тюбе, Кабадиан, Куляб и другие города в
русские и бухарские пределы ежегодно провозилась контрабанда на зна-
чительную сумму.

Часто во избежание уплаты пошлины и придинок со стороны та-

* Губаревич - Радобыльский А. Ф. Указ.
соч., с. 126.

моженных властей торговцы входили в сделку с пограничными постами и провозили товары без участия таможенных учреждений²⁹⁸. Некоторые торговцы прибегали к услугам местных и афганских контрабандистов, которые перевозили товары через Амударью в тех местах, где не было таможенных учреждений.

В развитии торговли с Афганистаном серьезные препятствия чинили местные бухарские чиновники. Политагент в письме на имя бухарского кушбеги от 10 мая 1912 г. указывал, что, согласно имеющимся у него сведениям, наблюдается сильное сокращение бухарско-афганской торговли на границе. Число афганских купцов, приезжавших для продажи своего скота и сырья в пограничные пункты по р. Амударье, значительно уменьшилось. "Русские товары тоже плохо идут в Афганистан, так как покупателей афганских на границе становится все меньше и меньше". В результате опроса афганских купцов было установлено, что им теперь невыгодно ездить на бухарскую границу, потому "что все, что наживешь на продаже, попадет в руки беков, бекчи, аксакалов и бухарских пограничных чиновников. Слишком много требуют теперь и на переправах"²⁹⁹.

Таким образом, в конце XIX и в начале XX в. в Кабадианском бекстве процветала базарная торговля.

Кустарная промышленность являлась главным источником, удовлетворявшим потребности населения в предметах широкого потребления, включая и продукты питания. Следует подчеркнуть, что главное место в торговле принадлежало перекупщикам.

В результате конкуренции со стороны русских торговцев, привозивших дешевые промышленные изделия, некоторые кустарные промыслы постепенно приходили в упадок.

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

В конце XIX — начале XX в. в Кабадианском бекстве налоговая политика эмирского режима ничем не отличалась от налоговой системы в Восточной Бухаре.

Поземельные податные чиновники — амлякдары являлись самостоятельными администраторами и собирали налоги в находившихся в их ведении амлякдарствах бекства, часть собранного налога они тратили на нужды своего участка, а другая часть передавалась бекам, которые должны были в таком же порядке направлять его эмиру. Иногда из Бухары приезжал специально назначенный сборщик закота, который собирал налоги с торговцев на базарах и со скотоводов. Представитель государства собирал налог в принудительном порядке со всех слоев населения³⁰⁰.

Налоговая политика как в бекстве, так и во всем ханстве носила грабительский характер и прикрывалась мусульманской религией.

Командир Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной

стражи 12 июля 1899 г. в донесении за № 4895 в штаб Туркестанского военного округа писал, что были случаи, когда местные жители брались доставлять фураж и продукты, но очень скоро отказывались от этого, так как бек, видя, что они нажили деньги, штрафовал их под благовидным предлогом на большую сумму. Разоренные жители бежали в Афганистан³⁰¹.

Это свидетельствовало о том, что бухарские чиновники не были заинтересованы в материальном улучшении положения трудового населения, и чтобы воспрепятствовать нормальной торговле, они под всякими предложениями обирали местных жителей путем различных незаконных штрафов.

По рассказу местных жителей к. Бешкент, кабадианский бек через своего амлякдара собирал с населения Бешкентской долины незаконные подати за поставку и продажу клевера пограничным постам, а за неплату податей жестоко преследовал.

Крестьяне часто обращались с жалобами в Бухару в связи с действиями чиновников по сбору хараджа. Так, было дано официальное предписание парвоначи Карабеку, чтобы он собрал хараджное зерно, оповестив об этом крестьян. Но он задержал выполнение этого распоряжения, а затем стал требовать лишнего зернового хараджа с крестьян. Возмущенные крестьяне заявили, что будут славить харадж только согласно официальной бумаге, так как они бедняки и не сдадут свыше нормы³⁰².

Из Кабадианского бекства, по далеко не полным данным, эмир ежегодно получал харадж в размере 75 тыс. руб.³⁰³. Харадж являлся одним из основных налогов, который платили жители Кабадианского бекства. Бек Кабадиана однажды жаловался эмиру бухарскому: "От обрабатываемых культурных мест Кабадианского бекства посты отстоят на 80–70 верст. Для них требуется 80000 снопов клевера, 400 батманов (3200 пудов) ячменя и зернового хлеба. Все эти запасы доставляются жителями по очереди. Плату за провоз дают им чрезвычайно ничтожную"³⁰⁴. Но это не говорит о том, что бек так заботился о подданных. Нет, конечно, бек был заинтересован лишь в том, чтобы набить побольше свои карманы народным добром.

Во время стихийных бедствий или в неурожайные годы, когда росли цены на хлеб, бухарское правительство вместо денежных сборов требовало уплаты хараджа натурой. В начале XX века в Кабадианском бекстве было реквизировано 1000 батманов зерна³⁰⁵. Когда местные жители не могли уплатить харадж натурой, власти насильственно отбирали у них землю.

В 1898 г. русскую экспедицию в поездке по Восточной Бухаре сопровождал бухарский чиновник Махрам. Во всех бекствах ханства этот чиновник получал с местных чиновников различные подношения и подарки, а если ему не давали, то силой отбирал все, что нравилось, вплоть до одежды. Интересный случай, который произошел в одном из кишлаков Кабадианского бекства, описывает А. А. Семенов: "Встретивший

нас за кишлаком местный аксакал, одетый почему-то в костюм нукера, т.е. халат, запрятанный в широкие, навывпуск, сафьянные штаны, затейливо вышитые шелками, и обутый в сапоги с высокими узкими каблуками, почему-то не поладил с нашим Махрамом. Должно быть, мзда, которую Махрам собирал со всех встречающихся на пути начальствующих лиц, показалась последнему на этот раз слишком мала, и потому, когда мы выехали из кишлака, то к величайшему своему удивлению заметили, что расшитые штаны аксакала очутились на нашем Махраме, и их бывший хозяин выехал нас провожать только в одном халате. К концу путешествия такие чиновники собирали большое количество различных подарков и подношений. "Правда, хурджины Махрама за все время нашего путешествия постепенно увеличивались в объеме и наполнялись то ковриками для молитвы, то халатами и другими вещами, но чтобы эмирский чиновник снимал со встречных людей панталоны, это, признаться, мы еще видели в первый раз" 306.

Сбор податей со скотоводов производился особо. Сбором обычных податей в каждом бекстве заведовал бек этого бекства. "А взимание податей со скотоводов поручается особым, старшим по служебному положению бекам, или особым уполномоченным. И каждому такому сборщику отводится целый район, состоящий из нескольких бекств. Ежегодно соответствующий бек объезжает свой район вместе с чиновниками и стрижет местных баев. О времени наезда последние уведомляются заранее. К этому моменту они обязаны приготовить нужное количество тенги. Учет скота у тех или иных владельцев ведется при помощи записей в податных книгах. Скот оценивается и в подать берется около 2% общей стоимости" 307. В Кабадианском бекстве, как и во всем эмирате, со скотовладельцев брался закот: от 40 до 120 голов скота - 1 баран, от 120 до 200 голов - 2 барана. У кого было свыше 200 голов, с тех взимался 1 баран с каждой сотни. С 9 голов крупного рогатого скота брали 1 телку или 1 жеребенка 308.

В скотоводческом районе, каким являлся Кабадиан, бухарское правительство устанавливало на скот средней стоимости специальные справочные цены, намного превышавшие действительные. А поскольку по положению шариата закот должен уплачиваться животным средней стоимости и вместо взимания закота натурой законно его получение деньгами, оно фактически получало сумму денег, намного превышавшую стоимость скота в натуре. А.А.Семенов в 1929 г. опубликовал интересный документ - грамоту эмира Музаффера на взимание закота своим туксабе Ирдана-беку, где указывается, что ему поручается важное дело, взимание закота своим в Кабадианской области. Он должен был направиться в местность Болон Сардак и взимать там названный закот с коров, верблюдов, овец и коз. Ему необходимо было предварительно убедиться путем личного осмотра, насколько жирны, слабы или среднего достоинства животные, исходя из установленной эмирскими властями цены на барана среднего качества 16 тенге, а на козу - 8 тенге. А

больше или меньше не полагалось брать, при этом не рекомендовалось переступать пределы шариата. А.А.Семенов отмечал, что в действительности в 60-х годах прошлого столетия, к которым относится этот документ, баран или коза среднего качества в Кабадианском бекстве стоили едва ли не вдвое дешевле 309.

Летом 1911 г. Кабадианское бекство посетил Б.М.Шапошников, впоследствии Маршал Советского Союза. Относительно налогового обложения он писал: "Его губернаторы и баи жестоко угнетали крестьян, облагали их различными налогами и повинностями. Только 1/10 собранного крестьянином урожая поступала к нему, 1/10 шла эмиру, 1/10 - на суд, 1/10 - на церковь и т.д." 310.

Жители Кабадианского бекства, не имея никакой возможности платить подати, неоднократно просили уменьшить их, предупреждая, что в противном случае они вынуждены будут выселиться из пределов бекства. "Население, - писал начальник термезского военного отдела, - неся на себе тяготу налогов, вместе с тем не видит сколько-нибудь заботливого отношения к себе со стороны администрации... При проезде по кишлакам Кабадианского бекства невольно обращает на себя внимание их запущенность и беднота населения. Попадаются кишлаки, совершенно оставленные жителями".

З.Ш.Раджабов отмечает, что в Бухарском ханстве сбор податей по существу обозначал прямой грабёж населения 311.

Д.Н.Логофет, характеризуя положение народных масс и произвол чиновников при сборе налогов, писал: "Только тяжелые деньги слезой народа полить: как вспомнишь, как у них в Бухаре подати собираются, прямо страшно за людей становится - это уже действительное выбивание денег, да и злоупотребления при этом огромные" 312.

Согласно сведениям Политагентства, в 1895 г. доход эмира с Кабадианского бекства составлял 6 тыс.руб. 313

Из сообщений Мирза Насруллы бия кушбеги и данных Политагентства о бюджете эмирата за 1912 г. видно, что в Кабадианском бекстве доход только от хараджа составлял 30 тыс.руб. 314 Из них на содержание бека было израсходовано 7500 руб., писарей и прислуги - 3000 руб., рассыльных - 2250 руб., караульщиков - 2250 руб., на прием гостей и на их стол - 7500 руб., а всего расход за 1912 г. составил 22500 руб. Остаток в сумме 7500 руб. был направлен в казну эмирата 315.

Политика, проводимая эмиром, беками и чиновниками по отношению к дехканам, способствовала разорению трудящихся масс бекства. Спасаясь от произвола, они вынуждены были бросать свои земли и уходить в Туркестанский край или в соседний Афганистан.

Так, из Кабадианского бекства в 1913 г. жители бежали в Афганистан, надеясь, что там им будет лучше. Переселение особенно усилилось с назначением беком Мирза Давронбека туксобе - "шурина его высочества эмира (при котором) взимание всевозможных налогов приняло чрезмерные размеры" 316.

Об уходе жителей Кабадианского бекства в результате взимания различных налогов пишет З.Ш.Раджабов³¹⁷.

Сборы с Кабадианского бекства, отправляемые эмиру, по данным Д.Н.Логофета, составляли 250000 руб.³¹⁸

В другой работе Д.Н.Логофета указывается, что общая сумма сборов в Кабадианском бекстве составляла 100000 руб.³¹⁹ Понижение доходов от налогов в бекстве, по всей вероятности, было связано с резким уменьшением населения в связи с переселением в Афганистан.

Корреспондент газеты "Русский Туркестан" писал, что "в Кабадиане богатством выделяются только три-четыре индуса, которые занимаются ростовщичеством. Источником их богатств являются проценты с денег, даваемых в долг бедному населению, а подчас и мелким торговцам. Цепи этих господ до того крепки и тяжелы, что бедняк-пахарь или мастеровой зачастую и умирает должником процентщика-индуса". Ростовщики "живут здесь припеваючи, а бедное население является их рабами". Корреспондент был очевидцем наказания за неуплату долгов ростовщику. "Удрученные неприятным видом жителя-бытья туземцев, мы вернулись в мехмонхону бека, где у самых ворот увидели возмутительную картину: один из палачей бека бил тремя овязанными в пучок палками лежащего на полу связанного бухарца, иссекая его тело до крови. При нашем появлении это занятие было прекращено. Как оказалось после, такое жестокое наказание было проделано над должником индуса, с целью заставить его уплатить кредитору долг"³²⁰.

Кроме того, при посещении эмира беки подносили подарки, которые назывались "тартуком". Обычно их привозили весной на нескольких лошадях, а также осенью, после уборки урожая. Подарки беки преподносили и после возвращения эмира из походов или визита его в Россию. Так, в 1906 г. эмир Ахадхан по случаю возвращения из России получил от кабадианского бека в виде подношения, которое называлось "бухча", 1400 тенег³²¹.

Таким образом, налоговая система эмирата служила средством обогащения господствующего класса и эксплуатации широких слоев трудящихся масс. С особой силой налоговый гнет давил на крестьян и ремесленников, составлявших подавляющее большинство населения бекства.

КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕКСТВА

Кабадианское бекство было одним из отсталых в культурном отношении краев Бухарского ханства. Здесь господствовала мусульманская религия суннитского толка. Представители духовенства строго следили за неуклонным посещением жителями в известные часы мечетей и вообще за точным и своевременным исполнением ими всех требований религии.

Система народного образования в бекстве была, как и во всем эмирате, на низком уровне. Школы были двух типов: начальная, кото-

рая называлась мактаб, и высшая, — медресе. В бекстве большинство мактабов и медресе находились при мечетях, где обучение было полностью в руках мусульманского духовенства.

В Кабадианском бекстве только в больших кишлаках имелись мактабы, где обучали детей грамоте и основам мусульманской религии.

В к.Кушачинар при местной мечети накануне установления Советской власти имелся мактаб, где учились дети жителей этого кишлака. Учителями были Мулла Каюм и Рахманкул.

О наличии медресе в Кабадианском бекстве писал Д.Н.Логофет еще в 1911 г.³²²

В г.Кабадиане было 7 кварталов (квартал Ябуз подразделялся на 2); в каждом квартале была мечеть, при ней — мактаб или медресе. Так, при главной мечети города Мачити калон (т.е. Большая мечеть) имелось медресе на 35 учащихся³²³. Для продолжения обучения учащиеся должны были выезжать за пределы бекства, но не все могли продолжить учебу в других городах, где имелись высшие духовные учебные заведения.

В к.Хакка при мечети Ходжа Мурод Остана имелось медресе, где учились местные муллобачи.

Мы не располагаем полными данными о состоянии народного образования в Кабадианском бекстве, потому что в дореволюционное время не было официальных государственных органов по руководству этими учреждениями. Все медресе содержались на доходы от принадлежащего им вакуфного имущества.

Бухарское правительство в письме от 25 января 1919 г. на имя полномочного представителя в Бухаре указывало, что духовное обучение продолжается в эмирате, как и прежде³²⁴.

Таким образом, никаких изменений в системе обучения в духовных училищах не произошло, она оставалась такой, какой была еще в середине XIX в. Наоборот, накануне падения Бухарского эмирата фанатизм еще более усилился, духовенство яростно выступало против всякого новшества не только в системе образования, но и в других областях жизни эмирата.

Музыка и искусство жителей Кабадиана мало чем отличались от искусства других народов Средней Азии. Здесь бытовал ряд народных развлечений. На торжествах по случаю свадьбы, рождения ребенка и других, а также в дни народных и религиозных праздников выступали певцы, народные сказители, рассказчики, масхарабозы, музыканты, танцоры.

Богатый фольклор, своеобразная музыка, национальные игры, искусство сказителей, певцов, чтецов составляли основу духовной жизни народа этого края в дореволюционный период.

Многие легенды, исторические песни, сказания вбирают в себя события ранней истории таджикского народа.

Профессор А.В.Нечаев, будучи в августе 1908 г. в г.Кабадиане,

видел трех музыкантов, один из которых был антрепренером. Он подбирал музыкантов, обучал их искусству и управлял всей труппой³²⁵. Один из них играл на дутаре, а двое — на дойрах. А.В.Нечаев дает интересное описание музыкальных инструментов. "Дойра — это широкий обруч, с одной стороны обтянутый кожей, противоположные края его изнутри покрыты рядом железных колечек. Музыкант держит дойру в левой руке, основанием правой ладони он ударяет по обручу, а пальцами выделяет дробь на шкуре. Дутор — инструмент струнный. Его форма такова: представьте себе дыню средней величины, разрежьте ее пополам и к приостроенному концу половинки прикрепите длинную ручку так, чтобы она лежала в плоскости разреза и являлась бы продолжением длинной оси дыни"³²⁶.

На дутаре натянуты две нитяные струны, которые перебираются пальцами. Дутар часто заменялся другим инструментом — домброй. Это тот же дутар, но только с маленькой ручкой.

Во время танцев музыканты пели, аккомпанируя себе на этих инструментах. Когда же певцы затягивали песню, они замолкали и только после каждого куплета тянули припев. "Пение не так уж плохо, — писал А.В.Нечаев. — А один из музыкантов, тот, что играет на дуторе, положительно артист. Поет с большим темпераментом, пение сопровождается оживленной мимикой. Особенно с сильным воодушевлением он пел песенку, приводя в неописуемый восторг всех своих слушателей"³²⁷.

Обычно бек давал им приют и пропитание. Кроме того, иногда он награждал членов труппы подарками³²⁸.

Конечно, в условиях феодального строя представители народного искусства занимали очень низкое общественное положение. В Бухарском эмирате музыканты, танцоры, певцы и другие представители искусства относились к самому низшему общественному сословию³²⁹. Несмотря на это, трудящиеся массы с особым уважением относились к народным талантам.

В конце XIX — начале XX в. произошли изменения в быту коренного населения: стали применяться керосиновые лампы, самовары и другие предметы домашнего обихода русского производства.

Медицинская помощь в бекстве отсутствовала, поэтому всюду свирепствовали болезни. Так, члены экспедиции полковника Матвеева в Восточную Бухару летом 1885 г. были свидетелями частых эпидемий злокачественной лихорадки в низменной части долины Амударьи, от которой жестоко страдали жители Кабадиана³³⁰.

В приграничных кишлаках незначительная часть местного населения могла получить квалифицированную медицинскую помощь бесплатно в пограничных лечебницах. Несмотря на то что эмирские власти стремились удержать здравоохранение в руках духовенства, русские пограничные лечебницы и лазареты быстро приобрели популярность среди местных жителей. Русские врачи организовывали медицинские экспедиции по обследованию края.

Так, в 1898 г. летучим медицинским отрядом во главе с доктором И.Грековым с 14 по 21 декабря было обследовано санитарное состояние кишлаков Кабадианского бекства. И.Греков в своем отчете писал: "Что касается заболеваемости и смертности, то здесь летом также бывает малярия..."³³¹. В течение недели была оказана медицинская помощь 9 больным, в том числе детям; часть больных была обеспечена лекарствами. Причиной столь ограниченного числа обратившихся к летучему медицинскому отряду за помощью И.Греков считал близость русских врачебных пунктов на границе, препятствовавших распространению различных заболеваний. В то же время местная бухарская администрация и духовенство всячески препятствовали оказанию медицинской помощи жителям бекства русскими врачами.

Русские врачи, которые находились при пограничных постах и таможнях, не могли оказывать постоянную медицинскую помощь всему населению Кабадианского бекства, потому что они находились далеко от некоторых кишлаков. Кроме того, они не имели ни средств, ни медикаментов для этой цели.

Во всем эмирате не было даже слабых признаков здравоохранения. А.Грулев писал, что "люди пухнут от голода, часто больные валяются на улице, не находя себе приюта, вследствие совершенного отсутствия простейших лечебных пунктов"³³². В то же время беки и амлякдары — ставленники эмира содержали в своих конюшнях десятки холеных арабских лошадей и обширные гаремы³³³.

Во всей Восточной Бухаре не было лечебной сети, не было ни одного гражданского врача, ни одного человека хотя бы со средним медицинским образованием. Поэтому холера, тиф, малярия, чума и другие болезни ежегодно уносили тысячи человеческих жизней. Местные лекари (табибы) лечили жителей средствами и приемами, выработанными народной медицинской практикой. В качестве лекарств они использовали различные лечебные травы, всевозможные плоды деревьев и кустарников.

20 марта 1917 г. управляющий делами товарищества "Айвадж" сообщал политагенту о том, что и в Кабадианском бекстве появилось эпидемическое заболевание. Болезнь приняла угрожающие размеры: в к.Чашма, севернее Бешкента, из 50 семей вымерло 40. Болезнь перебросилась в Бешкент. В 1916 г. такая же болезнь свирепствовала в восточных кишлаках Бухарского ханства и унесла массу жертв. Автор письма указывал, что если не будут приняты возможные меры, то эпидемические заболевания могут распространиться в другие районы эмирата³³⁴.

Командир 31-й пограничной амударьинской бригады 8 апреля 1917 г. докладывал в резидентство в Бухаре: "Фельдшер Айваджского отряда донес старшему медицинскому врачу вверенной мне бригады, что в кишлаке Чашма-Мазаре свирепствует эпидемия, от которой умерло 50 человек"³³⁵. Для выяснения характера и степени распространения

эпидемического заболевания в Кабадианское бекство был командирован врач Емельянов, который после возвращения представил донесение о состоянии заболеваемости в бекстве. Он писал, что на хуторе концессии "Айвадж" встретил бешкентского амлякдара и несколько местных чиновников из кишлаков, где, по слухам, имелись заболевания. Но Бобо-Али караулбеги из к.Бешкент и Шерали джибачи из к.Чуянчи отрицали сведения о повальном заболевании в кишлаках Чашма-Мазар, Бешкент, Чуянчи и Саят. Из расспросов служащих концессии "Айвадж" врачу Емельянову удалось выяснить до некоторой степени характер заболевания: "Люди сначала перемагаются, вскоре усиливается жар и начинает болеть живот, но эти боли они переносят "на ходу" и ложатся только при появлении кровотечения..., после чего на 3-й день умирают"³³⁶. Врач предполагал, что это был брюшной тиф. Но архивные материалы, устные расспросы старожилов этого края говорят о том, что весной 1917 г. здесь свирепствовала холера, которая унесла много человеческих жизней.

Когда русские врачи, узнав об этих заболеваниях, направлялись туда для оказания медицинской помощи, "местные бухарские власти постоянно утверждали, что у них больных нет, а между прочим, заболевания несомненно были"³³⁷.

Накануне победы народной революции в Бухаре еще более ухудшилось состояние здравоохранения, потому что русские врачи были лишены возможности ездить по городам и кишлакам, а часть врачей была вынуждена покинуть ханство. Бухарское правительство по-прежнему не оказывало никакой помощи. На запрос полномочного представительства в Бухарском ханстве от 17 января 1919 г. о санитарном состоянии и народном здравоохранении бухарский кушбеги 25 января 1919 г. сообщал о том, что санитарное положение эмирата неплохое³³⁸. Таким образом, бухарское правительство лишало население эмирата медицинской помощи, которую оказывали ему русские врачи. Отсутствием врачей пользовались местные знахари, которые лечили больных молитвами, туморами (талисманами) и этим наносили большой вред здоровью. Обычно больные после серии таких лечебных процедур уже не в состоянии были встать на ноги.

До установления Советской власти в Кабадианском бекстве не было лечебных учреждений. В результате тяжелых материальных условий жизни, отсутствия элементарной медицинской помощи и санитарии смертность среди населения, особенно среди детей, была крайне высокой.

Таким образом, культура местного населения края развивалась в своеобразных условиях. На ее развитии благотворно сказывалось влияние прогрессивной русской культуры. Однако политика бухарского правительства, усилия местных феодалов, рассматривавших темноту и невежество народных масс как один из наиболее надежных путей их закабаления и угнетения, тормозили это развитие. Вследствие этого Кабадианское бекство вплоть до падения Бухарского эмирата оставалось отсталым в культурном отношении краем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кабадианское бекство — одно из многих бекств феодально-деспотического Бухарского эмирата, экономической основой которых были докапиталистические отношения — феодальный способ производства, феодальная собственность на землю.

В конце XIX и начале XX в. происходит процесс разложения натурального хозяйства и замена его товарным. "Русский капитализм, — писал В.И. Ленин, — втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака... Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и Сибири..."³³⁹

В начале XX в. наблюдается усиленное проникновение на местные рынки русских промышленных товаров, в первую очередь текстильных. Дешевизна и хорошее качество способствовали быстрому распространению их среди местного населения, тем более, что в самом бекстве отсутствовали промышленные предприятия.

Под воздействием русского капитала началась специализация сельского хозяйства, рост его товарности. Благодаря вовлечению крестьянских хозяйств в сферу рыночных отношений был оживлен обмен между различными бекствами эмирата и созданы условия для образования внутреннего рынка.

Проникновение русского капитала в экономику края оказало определенное воздействие и на ремесло — в связи с появлением на местных рынках дешевых русских товаров сократился ряд ремесленных промыслов.

В целом экономика Кабадианского бекства, вплоть до падения эмирского режима, была развита слабо, а основным препятствием ее развитию были господствовавшие феодальные отношения.

В конце XIX — начале XX в. в Кабадианском бекстве положение народных масс оставалось тяжелым. Бухарское правительство и местная администрация стремились обеспечить себе максимальные прибыли путем закабаления и систематического ограбления трудящихся масс.

Произвол, чинимый бухарской и местной администрацией и феодально-ростовщическими элементами, захват ими земель у крестьян вызывали массовое обезземеливание и усиливали эксплуатацию малоземельного и безземельного дехканства.

Тяжелое положение трудящихся масс, жестокая налоговая политика, произвол чиновников, светских и духовных феодалов вызывали серьезное сопротивление народных масс, усиливали их недовольство существующим строем.

Господствующей формой общественных отношений в крае были феодальные. Накануне падения Бухарского эмирата в бекстве стали зарождаться примитивные капиталистические отношения, наблюдались первоначальные признаки социальной дифференциации населения кишлаков, характерной для капиталистических отношений в деревне.

Присоединение Восточной Бухары, в том числе и Кабадианского бекства, к Бухарскому эмирату, а затем установление русского протектората над эмиратом, сблизили народы этой части Средней Азии с Россией. Передовые революционные идеи великого русского народа начали проникать в самые отдаленные и глухие уголки эмирата. Трудящиеся массы Таджикистана присоединились к освободительному движению самого передового в мире русского пролетариата и в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции освободились от ненавистного эмирского режима.

П Р И М Е Ч А Н И Я

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Материалы для статистики Туркестанского края (под редакцией Н.А.Маева).— Ежегодник², вып.5. Спб., 1879, с. 130-238.
- ² Б ы к о в А. Очерк переправ через реку Амударью. Ташкент, 1879.
- ³ Б ы к о в А. Долина Амударьи. Ташкент, 1899
- ⁴ З у б о в Н. Н. Верхнее и среднее течение судоходной Амударьи.—Зап.РГО, т.15, Спб., 1886, № 4.
- ⁵ Путевые заметки военного топографа П.Косякова по Каратегину и Дарвазу в 1882 году. — Изв. РГО³, т.20, вып. 6, Спб., 1884.
- ⁶ А р а н д а р е н к о Г. А. Досуги в Туркестане, 1874 — 1889. Спб., 1889, с. 427-428.
- ⁷ Dalton O. M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. London, 1926.
- ⁸ М а с с о н М. Е. Амударьинский клад. — Пионер Востока⁴, 1940, № 40.
- ⁹ П о к о т и л о Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году. — ИРГО, т.25, вып. 6, Спб., 1889.
- ¹⁰ Bonvalot G. Du Caucase aux Indes a travers le Pamir. Paris, 1889, p.198-199.
- ¹¹ Л и л и е н т а л ь. Гиссарское и Кабадианское бекства, 1889. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57, Спб., 1894, с. 285-355.
- ¹² Л и п с к и й В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1898 годах. Спб., ч. 1-2, 1902; ч. 3, 1905.
- ¹³ С е м е н о в А. А. По границам Бухары и Афганистана. — Исторический вестник, т.88, 1901, № 4.
- ¹⁴ Р о ж е в е ц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. — Изв. РГО⁵, т.14, Спб., 1909, с. 19-21.
- ¹⁵ Н е ч а е в А. В. По горной Бухаре. Спб., 1914, с. 45-63.
- ¹⁶ Л о г о ф е т Д. Н. Кишлак Сарай в Бухарских владениях. — Туркестанские ведомости, 1905, № 111.

17 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3. Спб., 1909; Е го же. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Спб., 1909; Е го же. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, 2. Спб., 1911; Е го же. В горах и на равнинах Бухары (Очерк Средней Азии). Спб., 1913.

18 Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.). - МИА, № 37, М.-Л., 1953, с. 256.

(?) 19 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 548, л. 517.

20 Колпаков А. П. Страница из истории Кабадиана. - Сообщ. ТФАН СССР, вып. 31. Сталинабад, 1951, с. 83-85.

21 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана. - МИА, № 37, М.-Л., 1953, с. 302-306.

22 Семенов А. А. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. - Труды САГУ, сер. 2, вып. 1. Ташкент, 1929; Е го же. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. - В кн.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. - Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. 25, вып. 2, 1954.

23 Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. 1, М., 1955.

24 Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и начале XX в. Сталинабад, 1957.

25 Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958; Е го же. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв. Сталинабад, 1958; Е го же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе, ч. 1, 1962; ч. 2, 1963.

26 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX века. Душанбе - Алма-Ата, 1967.

Глава 1.

1 Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. - МИА, № 15, 1950, с. 147.

2 Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. - МИА, № 15, 1950, с. 148.

3 История таджикского народа. Т. 1. М., 1963, с. 213.

4 Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. - Советская археология, т. 19, 1954, с. 121-140.

5 История таджикского народа. Т. 1, с. 214-215; Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии, с. 121-140.

6 Гафуров Б. Г. История таджикского народа, с. 56.

7 Гафуров Б. Г. История таджикского народа, с. 56; История таджикского народа. Т. 1, с. 223.

8 История таджикского народа, т. 1, с. 311-312; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиян) (1950-1951 гг.). - МИА, № 37, 1953, с. 258, 265; Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда, с. 158.

9 Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кабадиян) (1950-1951 гг.). ; Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. - Докл. АН ТаджССР, вып. 2, 1954; Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. - КСИИМК, вып. 64, 1956; История таджикского народа. Т. 1; Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи Мир. - МИА, № 37, 1953; Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана 1953 г. - Докл. АН ТаджССР, вып. 2. Сталинабад, 1954; Мухитдинов Х. Клад монет из Шаартуза. - Коммунист Таджикистана, 1969, 5 апреля.

10 История таджикского народа. Т. 1, с. 428.

11 Гафуров Б. Г. Указ. соч., с. 119.

12 История таджикского народа. Т. 1, с. 347.

13 История таджикского народа, Т. 1, с. 446; Лившиц В. А. Тохарская надпись на хуме. - Докл. АН ТаджССР, вып. 7, 1953, с. 23.

14 История таджикского народа. Т. 2, кн. 1. М., 1964, с. 51.

15 Ставиский Б. Я. Хутталь в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзяна и Хой Чо. - Изв. АН ТаджССР. Отд.-ние обществ. наук, вып. 14, Сталинабад, 1957, с. 87-90.

16 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 352, 353.

17 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963, с. 122.

- 18 Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Изд. 3-е, с. 146.
- 19 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 122; Его же. Соч., т. 3, с. 158; История таджикского народа. Т. 2, Кн. 1, с. 173.
- 20 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 122.
- 21 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 122; Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда, с. 150.
- 22 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 122; Его же. Соч., т. 3, с. 558.
- 23 Беленицкий А. А. Мавзолей у селения Саят. - КСИИМК, вып. 33, 1950, с. 134-138; Его же. Мавзолей у селения Саят. - МИА, № 15, 1950, с. 207-209; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кабадияна) (1950-1951 гг.); История таджикского народа. Т. 2, Кн. 1, с. 212.
- 24 Гафуров Б. Г. История таджикского народа, с. 281-282; История таджикского народа. Т. 2, кн. 1, с. 277-280.
- 25 Колпаков А. П. Страница из истории Кабадиана, с. 85.
- 26 Абу-л-фазл Байхаки. История Мас'уда, (1030-1041). - Пер. А. К. Арендса. Изд. 2-е, М., 1969, с. 818.
- 27 Гафуров Б. Г. История таджикского народа, с. 246.
- 28 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 339.
- 29 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 347.
- 30 Абу-л-фазл Байхаки. История Мас'уда (1030-1041), с. 158-159; Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 356.
- 31 Абу-л-фазл Байхаки, с. 385.
- 32 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 359; Его же. Соч., т. 3, ч. 1, с. 571.
- 33 Абу-л-фазл Байхаки. История Мас'уда (1030-1041), с. 540.
- 34 Абу-л-фазл Байхаки. История Мас'уда (1030-1041), с. 570.
- 35 Бартольд В. В. Соч., т. 2, ч. 2, с. 255.
- 36 Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М., 1954, с. 56.

- 37 Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XV - первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, 1966, с. 219.
- 38 Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве..., т. 1, с. 266.
- 39 Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. 1. - Тр. АН ТаджССР, т. 12. Сталинабад, 1954, с. 29.
- 40 Семенов А. А. Описание персидских, арабских и тюркских рукописей фундаментальной библиотеки САГУ. Ташкент, 1935, с. 22-23; Сборник восточных рукописей. Т. 4. Ташкент, 1957, с. 7.
- 41 Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. - Пер. с тадж., предисловие, примечания и указатели профессора А. А. Семенова. Ташкент, 1956, с. 9.
- 42 Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история, с. 205.
- 43 Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история, с. 205.
- 44 Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. - Пер. тадж. с примечаниями профессора А. А. Семенова. Ташкент, 1957, с. 48.
- 45 Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме, с. 65.
- 46 Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме, с. 71.
- 47 Бартольд В. В. Соч., т. 3, с. 402.
- 48 Джумакул Хумули. Девони Шохвагадо. Рукопись № 1055. Института востоковедения АН Таджикской ССР, л. 199а.
- 49 История таджикского народа. Т. 2, кн. 2, с. 58.
- 50 Ханство Кундуз (из донесения д-ра Лорда, члена экспедиции капитана Бернса от 25 июля (1838 г.). - Сборник материалов по Азии, вып. 15. СПб., 1885, с. 269-271.
- 51 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 76-77.
- 52 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 77.
- 53 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 76.

- 54 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 77.
- 55 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 77, 78.
- 56 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 74, 75.
- 57 Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году. Ташкент, 1888, с. 61, 97.
- 58 Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году. Ташкент, 1888, с. 96, 97.
- 59 Bonvalot G. Указ. соч., с. 198-199.
- 60 Лилиенталь. Указ. соч., с. 317.
- 61 Г. ш. капитан Лилиенталь. Указ. соч., с. 356, 357.
- 62 Г. ш. капитан Лилиенталь. Указ. соч., с. 258.
- 63 Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году, с. 96.
- 64 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 1530, л. 14.
- 65 Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910, с. 92.
- 66 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3, с. 51.
- 67 А. Г. Кишлак Сарай на Пяндже. - Туркестанские ведомости, № 264, 1911, 27 ноября.
- 68 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 114.
- 69 АВПР, ф. Спб., Гл. арх., 1-9, 1889, оп. 8, д. 7, л. 70.
- 70 АВПР, ф. Ср. - Азиат. стол., 1899, д. 545, л. 17.
- 71 АВПР, ф. Ср. - Азиат. стол., 1899, д. 548, л. 11.
- 72 Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана. - В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925, с. 181.
- 73 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1. Спб., 1911, с. 59, 186.
- 74 Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Ч. 1. Асхабад, 1913, с. 203.
- 75 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1633, л. 6.
- 76 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 20.

- 77 Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана, с. 181.
- 78 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 21.
- 79 Лилиенталь. Указ. соч., с. 316.
- 80 Крестовский В. В. В гостях у бухарского эмира. Спб., 1887, с. 100.
- 81 Энпе. Очерки Бухары. - Средняя Азия, 1910, № 4, с. 101.
- 82 Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства. - Военный сборник, 1890, № 12, с. 415.
- 83 Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства, 1889, с. 313-315.
- 84 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.). - Исторический вестник, 1902, т. 88, с. 112.
- 85 Рожевец Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., с. 20-21.
- 86 Нечаев А. В. По горной Бухаре, с. 59-61.
- 87 Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX - начале XX в. - "Тр. Ин-та этнографии", т. 24. М.-Л., 1964; Его же. Очерки по истории Каратегина. Изд. второе. Сталинабад, 1954; Маджлисов А. Каратегин накануне установления Советской власти. Сталинабад, 1959; Его же. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX в.; Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в. Сталинабад, 1959; Рахимов М. Земледелие таджиков бассейна р.Хингу в дореволюционный период. Сталинабад, 1957; Латилов Н. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти. - Учен. зап. Кулябского педин-та, вып. 3 Куляб, 1957; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века. Душанбе, 1964.
- 88 Рожевец Р. Ю. Указ. соч., с. 624-625.
- 89 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 112.
- 90 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 112.

- 91 ШГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 1530, л. 75.
- 92 Кабадиан (Восточная Бухара). - Русский Туркестан, № 36, 1899, 31 марта.
- 93 Рожевец Р. Ю. Указ. соч., с. 19.
- 94 Нечаев А. В. Указ. соч., с. 52-53.
- 95 Нечаев А. В. Указ. соч., с. 60.
- 96 АВПР, ф. Ср. - Азиат. стол., 1900, оп. 485, д. 546, л. 43.
- 97 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX века, с. 207.
- 98 *تحریر روزنامہ سفر خیریت اسر علی حضرت امیر بخارا سید عبداللہ امر*
عبداللہ خان، قزاقان ۱۳۱۲ ص ۶۰
 Точный перевод дневника Его светлости эмира бухарского представляет И. Гаспринский из Бахчисарая. Казань, 1894, с. 6.
- 99 ШГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 342.
- 100 ШГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 11.
- 101 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1625, л. 1, 3 - 6; д. 1633, л. 3.
- 102 ШГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 273, л. 1-5; См. также: Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX века (1870-1917 гг.). Душанбе, 1963, с. 92.
- 103 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1633, л. 6; оп. 1, д. 1458, л. 6; оп. 2, д. 5820, л. 11.
- 104 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX века, с. 54.
- 105 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX века, с. 59.
- 106 Лилиенталь. Указ. соч., с. 316.
- 107 Бендерский Н. А. Гиссарский край. - Изв. Туркест. отд. РГО, т. 7, 1907, с. 155.
- 108 Нечаев А. В. Указ. соч., с. 53.
- 109 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1. СПб., 1911, с. 248.
- 110 Рожевец Р. Ю. Указ. соч., с. 20.

- 111 1 санг был равен около 8 км. См.: А й н и С. Воспоминания. М.-Л., 1960, с. 1063. Комментарий.
- 112 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 288, л. 3.
- 113 Мирахур - один из светских чинов в Бухарском ханстве (шестой в восходящем порядке), буквально "начальник конюшни".
- 114 Караулбеги - один из бухарских чинов (пятый в восходящем порядке).
- 115 Мирзобоши - один из бухарских чинов (третий в восходящем порядке), буквально "старший писарь".
- 116 Чухраагоси - бухарский чин (второй в восходящем порядке).
- 117 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 1548, л. 3.
- 118 АВПР, ф. Ср.-Азиат. стол., 1890, д. 538, л. 88.
- 119 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 288, л. 3.
- 120 Лилиенталь. Указ. соч., с. 316.
- 121 Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX - начале XX века, с. 57.
- 122 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 1548, л. 3.
- 123 А й н и С. Воспоминания, с. 399-401.
- 124 Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон (Асри XIX ва аввали асри XX). Душанбе, 1971, с. 42 и 47.
- 125 Тарихи Салими, л. 229а.
- 126 Нечаев А. В. Указ. соч., с. 47.
- 127 Нечаев А. В. Указ. соч., с. 48.
- 128 Раджабов С. А. Присоединение Средней Азии к России. - Объединенная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959, с. 20.
- 129 Разыков Ш. К истории советского суда в Таджикистане. Сталинабад, 1960, с. 14.
- 130 См.: Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам "Вақф-наме". Ташкент, 1966, с. 322-323. Примечания.

- 131 Тимофеев Юстиция в Бухаре. - Туркестанские ведомости, № 163, 1910, 23 июля.
- 132 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2. Душанбе, 1963, с. 30-31.
- 133 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2. Душанбе, 1963, с. 37-39.
- 134 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, с. 328.
- 135 Тимофеев Юстиция в Бухаре. - Туркестанские ведомости, № 167, 1910, 28 июля.
- 136 А. Т. - ов. Публичные наказания в Бухаре. - Туркестанский сборник, т. 543, с. 26-27.
- 137 Хизматона - плата за услуги.
- 138 Рок-Тен. Тюрьмы в Бухаре. - Туркестанский сборник, т. 543, с. 57.
- 139 Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Изд. 2-е. Душанбе, 1971, с. 232.
- 140 Дарра - кожаная плетка.
- 141 Тимофеев Юстиция в Бухаре. - Туркестанские ведомости, № 163, 1910, 23 июля.

Глава II.

- 1 Покотило Н. Н. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г., с. 63.
- 2 Просо, кукуруза, бобовые.
- 3 Покотило Н. Н. Указ. соч., с. 63.
- 4 Лилиенталь. Гиссарское и кабадианское бекства, 1889 г., с. 317.
- 5 Лилиенталь. Указ. соч., с. 318.
- 6 Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана, с. 182.
- 7 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.

- 8 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края. - Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник издания Туркестанского статистического комитета. Под ред. Н. А. Маева. Вып. 5. СПб., 1879, с. 232.
- 9 Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. - Материалы для географии и статистики России, т. 3. СПб., 1880, с. 152.
- 10 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 233.
- 11 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 231.
- 12 Буханевич А. Перспективы развития хлопководства в Таджикистане. - В кн.: Хлопководство в Таджикистане. Ташкент, 1926, с. 51.
- 13 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Отчет по поездке комиссии хлопкового общества в ТАССР в 1925 г. - Там же, с. 145.
- 14 Этот способ сохраняется и сейчас. См.: Батыркулов Т. Тыквы для купания. - "Коммунист Таджикистана", 1969, 31 августа.
- 15 Расулов А. Р. К истории хлопководства в Бухаре конца XIX - начала XX века. - "Общественные науки в Узбекистане", 1969, № 7, с. 49.
- 16 Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее. СПб., 1892, с. 140.
- 17 Понятовский С. Климатические и почвенные условия Таджикистана, способствующие развитию в нем хлопководства. - В кн.: Хлопководство в Таджикистане. Ташкент, 1926, с. 74.
- 18 Введенский П. П. Состояние таджикского хлопководства за период Бухарского эмирата. Там же, с. 13.
- 19 Погос - Аветисов Т. Наши экономические взаимоотношения с Бухарой в прошлом и настоящем. - Журн. "Военная мысль", кн. 2, 1921, май-июнь, с. 232.
- 20 Введенский П. П. Указ. соч., с. 15.
- 21 Расулов А. Р. К истории хлопководства в Бухаре конца XIX - начала XX века, с. 50-51.
- 22 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 145.
- 23 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.

- 24 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 181.
- 25 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 232.
- 26 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 110.
- 27 Колпаков А. П. Указ. соч., с. 304.
- 28 Колпаков А. П. Указ. соч., с. 303.
- 29 Путевые заметки военного топографа Косякова П. по Каратегину и Дарвазу в 1882 году, т. 20, с. 10.
- 30 Покотило Н. Н. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году, с. 65.
- 31 Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана, с. 183.
- 32 Нечаев А. В. По горной Бухаре, с. 47.
- 33 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 34 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 304.
- 35 Путевые заметки военного топографа Косякова П. по Каратегину и Дарвазу в 1882 году, с. 11.
- 36 Бронников Н. Поездка в Горную Бухару (Путевые наброски). – Туркестанские ведомости, № 28, 1896, 14 апреля.
- 37 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, М., 1957, с. 132.
- 38 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 144.
- 39 Цит. по кн.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т. 1, с. 283.
- 40 Буханевич А. Указ. соч., с. 55; Шлегель Б. Перспективы развития водного хозяйства в ТАССР. – В кн.: Хлопководство в Таджикистане. Ташкент, 1926, с. 128; Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 153.
- 41 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX в., с. 94.

- 42 Буханевич А. Указ. соч., с. 55, Шлегель Б. Указ. соч., с. 128.
- 43 Шлегель Б. Указ. соч., с. 128.
- 44 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 53.
- 45 Джалилов С. Из истории канала Улугнахр. – В кн.: Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Ташкент, 1965, с. 43, сноска.
- 46 Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, Сырдарьинская область. Спб., 1893, с. 219.
- 47 Джалилов С. Из истории народной практики водodelения в Узбекистане. – Изв. АН УзССР. Сер. обществ. наук, 1960, № 16, с. 78.
- 48 Абдураимов М. А. Указ. соч., т. 1, с. 289.
- 49 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 153.
- 50 Шлегель Б. Указ. соч., с. 128.
- 51 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 154.
- 52 Абдураимов М. А. Указ. соч., т. 1, с. 298.
- 53 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2, с. 83–84.
- 54 Цит. по кн.: Искандаров Б. И. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX–XX вв. Сталинабад, 1958, с. 21.
- 55 Чуб-пули – налог со строительных материалов и заготовки дров.
- 56 Каик, кимэ – лодка.
- 57 Быков А. Долина Амударьи. Ташкент, 1880, с. 20.
- 58 Логофет Д. Н. Леса Амударьинского бассейна и их истребление. – Средне-Азиатская жизнь, 1907, № 3 и 4. Туркестанский сборник, т. 417, с. 42.
- 59 Логофет Д. Н. Леса Амударьинского бассейна и их истребление. Журн. "Средне-Азиатская жизнь", 1907, № 3 и 4. Туркестанский сборник, т. 417, с. 43.

- 60 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 233.
- 61 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 834, л. 1, 3.
- 62 По краю. — Туркестанские ведомости, № 79, 1904, 11 июня.
- 63 Тухтаметов Г. Прогрессивное значение русского протектората над Бухарским эмиратом. — Звезда Востока, 1956, № 8, с. 113.
- 64 Гаевский П. Указ. соч., с. 31.
- 65 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 6, д. 454, л. 147.
- 66 Шумков И. Саранча в Ю.В.Бухаре. — Туркестанские ведомости, № 182, 1912, 14 августа.
- 67 Местные извещения. — Туркестанские ведомости, № 231, 1911, 19 октября.
- 68 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 909, л. 103.
- 69 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 909, л. 231, 232.
- 70 Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство, с. 31, 32.
- 71 Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство, с. 32.
- 72 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 470/а, л. 199, 70, 72, 101.
- 73 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 909, л. 234.
- 74 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 723, л. 115-120.
- 75 Тухтаметов Т. Г. Русско-Бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966, с. 105.
- 76 Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. 1.
- 77 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX века.
- 78 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 110.
- 79 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 114.
- 80 Маджлисов А. Указ. соч., с. 25.

- 81 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 302-303.
- 82 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 83 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1633, л. 6.
- 84 Семенов А. А. Главные основы распределения земли и воды у туркмен Закаспийской области. — Этнографическое обозрение, т. 57, № 2. М., 1903, с. 119.
- 85 Абдураимов М. А. Указ. соч., с. 303.
- 86 Вильданова А. Б., Чехович О. Д. Об общественном водо-землепользовании, обозначенном термином пайкал. — Народы Азии и Африки, 1965, № 1, с. 110-112.
- 87 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1633, л. 7.
- 88 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1374, л. 5.
- 89 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 18, 20, 21.
- 90 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 161.
- 91 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 161.
- 92 Гловацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 5.
- 93 Рябинский А. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. — Историк-марксист, 1941, № 4 (92), с. 10.
- 94 Гафуров Б. Г. История таджикского народа, с. 479.
- 95 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. 2, с. 306.
- 96 Рябинский А. Указ. соч., с. 7.
- 97 Рябинский А. Указ. соч., с. 8.
- 98 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 430, л. 1.
- 99 Рябинский А. Указ. соч., с. 5. См. также: Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. 1. Изд. 3-е, с. 479.
- 100 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 306.
- 101 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 21.

- 102 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 21.
- 103 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 23.
- 104 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 957, л. 137.
- 105 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 519, л. 6.
- 106 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 519, л. 6.
- 107 Р я б и н с к и й А. Указ. соч., с. 10.
- 108 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1625, л. 1.
- 109 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1625, л. 3.
- 110 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1625, л. 5, 6
- 111 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 23, 35.
- 112 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 35, 36.
- 113 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 36.
- 114 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 36.
- 115 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 36.
- 116 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 37.
- 117 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 39.
- 118 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 54, 55.
- 119 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 7, д. 1125, л. 1.
- 120 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 432, л. 89.
- 121 Р я б и н с к и й А. Указ. соч., с. 10.
- 122 Ш л е г е л ь Б. Перспективы водного хозяйства ТАССР, с. 121-122.
- 123 Г л о в а ц к и й О. Революция побеждает, с. 5.
- 124 Р я б и н с к и й А. Указ. соч., с. 10.
- 125 Г а ф у р о в Б. Г. История таджикского народа. Т. 1. Изд. 3-е., с. 479.
- 126 И с к а н д а р о в Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 306-308, 310-311.
- 127 С т е ц е н к о И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в. (1870-1917 гг.). Душанбе, 1963, с. 143-144.
- 128 П о н я т о в с к и й С. Климатические и почвенные ус-

ловия Таджикистана, способствующие развитию в нем хлопководства. - В кн.: Хлопководство в Таджикистане, с. 74.

- 129 Г л о в а ц к и й О. Указ. соч., с. 5.
- 130 Р я б и н с к и й А. Указ. соч., с. 10.
- 131 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 1.
- 132 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 1.
- 133 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 8.
- 134 И с к а н д а р о в Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 305-306.
- 135 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 17, 47.
- 136 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 30.
- 137 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 31.
- 138 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 9.
- 139 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 28.
- 140 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 906, л. 26-31.
- 141 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 7.
- 142 И с к а н д а р о в Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 307.
- 143 Р я б и н с к и й А. Указ. соч., с. 10.
- 144 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1128, л. 20.
- 145 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 10.
- 146 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 20.
- 147 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 6760, л. 1.
- 148 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 6760, л. 2.
- 149 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 21.
- 150 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 11.
- 151 И с к а н д а р о в Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 310.
- 152 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 1.
- 153 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 2.
- 154 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 7.

155 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 310.

156 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 7.

157 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 8.

158 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 4.

159 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 4.

160 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 4.

161 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 13.

162 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 14.

163 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 11-13, 14.

164 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 13-14.

165 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 14.

166 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 14-15.

167 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 15.

168 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 16.

169 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 16.

170 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 17.

171 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 17.

172 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 6.

173 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 15, 16.

174 Рябинский А. Указ. соч., с. 10.

175 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 29.

176 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 29.

177 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 29.

178 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 30.

179 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 30.

180 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 31.

181 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 31.

182 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 31.

183 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 31-32.

184 Рябинский А. Указ. соч., с. 10.

185 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 29.

186 Маркс К. Капитал. Т. 1, глава XI. Госполитиздат, 1973, с. 348.

187 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 32.

188 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 32.

189 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 32.

190 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 34.

191 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 34-35.

192 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 41.

193 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 1129, л. 44.

194 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 17.

195 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 17.

196 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58.

197 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58.

198 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58.

199 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58.

200 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58.

201 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 58-59.

202 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 59.

203 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 59.

204 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 59.

205 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 60.

206 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 61.

207 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 61.

208 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 45.

209 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 5820, л. 61.

210 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 470, л. 92.

211 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 573, л. 7.

212 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 573, л. 4.

- 213 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 573, л. 3.
- 214 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 841, л. 2.
- 215 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 841, л. 1.
- 216 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 841, л. 4-5.
- 217 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 841, л. 6.
- 218 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 844, л. 1.
- 219 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 844, л. 3.
- 220 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 7494, л. 1.
- 221 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 7494, л. 1.
- 222 Иркаев М., Николаев Ю., Шаропов Я. Очерки истории Советского Таджикистана (1917-1957 гг.). Сталинабад, 1957, с. 53.
- 223 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.
- 224 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 720, л. 17.
- 225 ЦГА УзССР, ф. 128, оп. 2, д. 1374, л. 19.
- 226 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 720, л. 20.
- 227 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 720, л. 21-22.
- 228 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 720, там же, л. 24; там же, ф. 126, оп. 2, д. 1374, л. 2.
- 229 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 720, л. 26.
- 230 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 673, л. 1.
- 231 ЦГА УзССР, ф. 128, оп. 1, д. 673, л. 1-2.
- 232 ЦГА УзССР, ф. 128, оп. 1, д. 673, л. 4.
- 233 Бельков Н., Филатов С., Моисеев Ф. Указ. соч., с. 163.
- 234 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана. - Тр. ТАЗ, т. 2, 1953, № 37, с. 304.
- 235 См.: Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам "Вақф-наме". Ташкент, 1966, с. 319. Примечание.
- 236 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.

- 237 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 109.
- 238 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 239 Из воспоминаний Р. Джалилова. - В кн.: За власть Советов в Таджикистане. Сталинабад, 1958, с. 211.
- 240 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 302.
- 241 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 242 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, с. 271.
- 243 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, с. 272.
- 244 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 231-232.
- 245 Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 122.
- 246 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 304.
- 247 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 304.
- 248 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 113.
- 249 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303, 304, 305.
- 250 По сведениям Н. Н. Покотило, батман был равен 8 пудам.
- 251 Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году, с. 74.
- 252 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 231.
- 253 Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 233.
- 254 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 79.
- 255 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 79.
- 256 Быков пишет, что здесь один чайрик (чорьяк) равнялся 5 русским фунтам.
- 257 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 79.

- 258 М а з о в С. Восточная Бухара. Бадахшан и Северный Афганистан (по чужим и своим наблюдениям и заметкам). - Русское дело . 1886, № 19; См. также: Туркестанский сборник, т.404, с. 37.
- 259 К о л п а к о в А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 260 К а р м ы ш е в а Б. Х. Сведения об узбекских родах и кесамирах. - Тр. АН ТаджССР, т. 17, Сталинабад, 1953, с. 107.
- 261 Б р о н н и к о в Н. Поездка в горную Бухару. - Туркестанские ведомости, 1895, 14 апреля.
- 262 Л и п с к и й В. И. Горная Бухара. Ч. 1. Спб., 1902, с. 308.
- 263 Б е л ь к о в Н., Ф и л а т о в С., М о и с е е в Ф. Указ. соч., с. 163.
- 264 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 296, л. 197.
- 265 З а р у д н ы й Н. А. Летняя экскурсия по бухарским владениям 1910 г. - Изв. Туркестанского отдела ИРГО, т. 13, вып.1. Ташкент, 1917, с. 62.
- 266 С т е ц е н к о И. А. Указ. соч., с. 52.
- 267 Б е з д е к а И. И. Месторождения полезных ископаемых Таджикской республики. - В кн.: Таджикистан, Ташкент, 1925, с. 250.
- 268 А н а н ь е в А. Г. Промышленные возможности ТАССР. - Народное хозяйство Таджикистана. Изд-во Госплана ТАССР, 1926, с. 185.
- 269 Л и л и е н т а л ь. Указ. соч., с. 295.
- 270 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1395, л. 1.
- 271 Б е л ь к о в Н., Ф и л а т о в С., М о и с е е в Ф. Указ. соч., с. 181; ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 73.
- 272 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 73.
- 273 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 79.
- 274 Один чайрак равнялся 5 фунтам.
- 275 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 171, л. 79.
- 276 П о к о т и л о. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году, с. 72-73.
- 277 С е м е н о в А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 112-113.

- 278 К о л п а к о в А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 304.
- 279 Р о ж е в е ц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., с. 30.
- е м е н о в А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 109.
- 281 К о л п а к о в А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 282 К о л п а к о в А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 303.
- 283 Л о г о ф е т Д. Н. Хлебная торговля и запасы Восточной Бухары. - Туркестанский сборник, т. 417, с. 106.
- 284 К о л п а к о в А. П. Указ. соч., с. 304.
- 285 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 334, 343.
- 286 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1579, л. 6. 1 таньга было равна 15 коп., а 1 мири - 4 коп.
- 287 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 917, л. 3.
- 288 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 917, л. 2.
- 289 Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, Т. 1, с. 94.
- 290 М а е в Н. А. Очерки Гиссарского края, с. 230.
- 291 Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, с. 102-103.
- 292 Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, с. 304.
- 293 Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, с. 287.
- 294 Л о г о ф е т Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3, с. 51.
- 295 Г у б а р е в и ч - Р а д о б ы л ь с к и й А. Ф. Материалы для изучения хлопководства, с. 132.
- 296 М е л ь н и к о в Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (Опыт военно-географического описания). Ташкент, 1907, с. 134-135.

- 307 Ходоров И. Е. Очерк торговли Таджикистана. Народное хозяйство Таджикистана. Изд. Госплана ТАССР, 1926, с. 371.
- 308 Бабаходжаев М. А. Русско-афганские торговые-экономические отношения во второй половине XIX - начале XX в., с. 77.
- 309 ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 340, л. 6.
- 300 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX века, с. 193.
- 301 ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 23; см. также: Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 286-287.
- 302 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 60.
- 303 Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, с. 50.
- 304 Цит. по кн.: Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957, с. 75.
- 305 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 2, с. 284.
- 306 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, с. 114.
- 307 Нечаев А. В. По горной Бухаре, с. 47-48.
- 308 Стеценко И. А. Указ. соч., с. 81.
- 309 Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. - Тр. САГУ, сер. 2, вып. 1. Ташкент, 1920, с. 47-48.
- 310 Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974, с. 181.
- 311 Цит. по кн.: Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957, с. 79.
- 312 Логофет Д. Н. Очерки Бухары (В забытой стране). М., 1912, с. 13.
- 313 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 1485, л. 23, 51.
- 314 ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. Азиат. часть, 1915 г., д. 73, л. 6-7.

- 315 ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. Азиат. часть, 1915 г., д. 73, л. 10-11.
- 316 Стеценко И. А. Указ. соч., с. 92.
- 317 Раджабов З. Ш. (Дунган). Обзор бльзе материальной архивии оид ба таърихи халқҳои Тоҷикистон (Охири асри XIX то аввалҳои асри XX). - Шарҳи сурх, 1941, № 4-5, с. 60.
- 318 Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Спб., 1909, с. 53.
- 319 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 2, с. 65.
- 320 Кабадиан (Восточная Бухара). - Русский Туркестан, 1899, 31 марта, № 36.
- 321 Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX - начале XX в., с. 207.
- 322 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2. Спб., 1911, с. 7.
- 323 Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана, с. 304.
- 324 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1395, л. 3.
- 325 Нечаев А. В. По горной Бухаре. Спб., 1914, с. 55.
- 326 Нечаев А. В. По горной Бухаре. Спб., 1914, с. 55.
- 327 Нечаев А. В. По горной Бухаре, с. 58-59.
- 328 Нечаев А. В. По горной Бухаре, с. 55.
- 329 См.: Нурджанов Н. Таджикский народный театр. М., 1956, с. 8.
- 330 Мазов С. Восточная Бухара. Бадахшан и Северный Афганистан. Туркестанский сборник, т. 404.
- 331 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 174, л. 188.
- 332 Грулев А. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Спб., 1909, с. 224.
- 333 Грулев А. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Спб., 1909, с. 224.
- 334 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 470, л. 99.
- 335 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 470, л. 101.

- 336 ШГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 470, л. 102.
 337 ШГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 470, л. 102.
 338 ШГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1395, л. 3.
 339 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594-595.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В в е д е н и е	3
Г л а в а 1. Историко-географический очерк и административное устройство Кабадианского бекства	8
Краткие сведения по истории Кабадиана	9
Население	16
Административное устройство	19
Судопроизводство	24
Г л а в а II. Социально-экономическое положение Кабадианского бекства	30
Зерноводство	30
Хлопководство	32
Скотоводство	34
Водоснабжение и ирригация	36
Лесное хозяйство	40
Борьба с саранчой	42
Аграрные отношения	44
Концессия "Гавхарали"	49
Айваджская концессия	55
Концессия А.Н.Лазаренко	78
Концессия Касымходжаева	80
Ремесло	81
Торговля	90
Налоговая система	98
Культурный уровень населения бекства	102
Заключение	107
П р и м е ч а н и я	109